

**ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ДРУЖБЫ НАРОДОВ.
СЕРИЯ: РУССКИЙ И ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ И МЕТОДИКА
ИХ ПРЕПОДАВАНИЯ**

Том 15 № 3 (2017)

DOI 10.22363/2313-2264-2017-15-3

<http://journals.rudn.ru/russian-foreign-languages>

Научный журнал

Издается с 2003 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61213 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

Главный редактор

Шаклеин В.М., академик РАЕН, доктор филологических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ, член правления Российского общества преподавателей русского языка и литературы (РОПРЯЛ), член Совета по русскому языку при президенте РФ, заведующий кафедрой русского языка и методики его преподавания филологического факультета Российского университета дружбы народов

Ответственный секретарь

Стрельчук Е.Н., доктор педагогических наук, доцент кафедры русского языка и методики его преподавания филологического факультета Российского университета дружбы народов

Члены редакционной коллегии

Абрамов В.П. — член правления Российского общества преподавателей русского языка и литературы (РОПРЯЛ), Заслуженный деятель науки РФ, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка как иностранного Кубанского государственного университета

Алефиренко Н.Ф. — действительный член Российской академии социальных наук, Заслуженный деятель науки РФ, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Белгородского государственного университета

Бальшихина Т.М. — академик МАНПО, вице-президент РОПРЯЛ, доктор педагогических наук, профессор, декан факультета повышения квалификации преподавателей русского языка как иностранного Российского университета дружбы народов

Красильникова Л.В. — доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка для иностранных учащихся филологического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Мамонтов А.С. — действительный член Российской академии естественных наук, почетный работник высшего профессионального образования РФ, доктор филологических наук, профессор кафедры русской словесности и межкультурной коммуникации Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина

Чеснокова О.С. — доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков филологического факультета Российского университета дружбы народов

Хавронина С.А. — кандидат педагогических наук, профессор кафедры русского языка и методики его преподавания филологического факультета Российского университета дружбы народов

Эбзеева Ю.Н. — кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой иностранных языков филологического факультета Российского университета дружбы народов

Дэн Дэвидсон — президент Американских советов по международному образованию АСПРЯЛ и АКСЕЛС, директор Института русского языка, иностранный член Российской академии образования, доктор филологических наук, профессор по русскому языку и изучению иностранного языка Брин-Мор колледжа (США)

Маслова В.А. — член президиума ВАК Республики Беларусь, доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания Витебского государственного университета (Беларусь)

Млечко Т.П. — доктор педагогических наук, доктор хабилитат филологии, иностранный Член российской Академии образования, член правления Международной Ассоциации преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ), профессор, ректор Славянского университета Республики Молдова (Молдова)

Рафаэль Гусман Тирадо — член президиума МАПРЯЛ, доктор филологических наук, профессор кафедры греческой и славянской филологии Гранадского университета (Испания)

Моника Перотто — профессор, кандидат педагогических наук, научный сотрудник и доцент кафедры русского языка факультета иностранных языков и литературы Болонского университета (Италия)

Урия Лауджес — кандидат филологических наук, профессор Центра интенсивного изучения языков Университета Алжир 1 (Алжир)

ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ДРУЖБЫ НАРОДОВ. СЕРИЯ: РУССКИЙ И ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ И МЕТОДИКА ИХ ПРЕПОДАВАНИЯ

ISSN 2408-8889 (online); ISSN 2313-2264 (print)

4 выпуска в год.

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ.

Языки: русский, английский, французский, немецкий, испанский.

Материалы журнала размещаются на платформах РИНЦ Российской научной электронной библиотеки, Electronic Journals Library Cyberleninka, Facebook, Mendeley.

Цель и тематика

Научный журнал «Вестник Российского университета дружбы народов» был создан в 1993 году. Серия «Русский и иностранный языки и методика их преподавания» вышла в свет в 2003 году. На протяжении двадцати лет журнал публиковал статьи по результатам фундаментальных и прикладных исследований в области лингвистики, анализа текста, лингвокультурологии, методики преподавания языкам и т.д.

В настоящее время тематика журнала охватывает актуальные вопросы филологии: лингвистика, психолингвистика, лингвокультурология, лингвострановедение, межкультурная коммуникация, текстоведение, лингводидактика, этнометодика, методика обучения иностранным языкам и их преподавания). Увеличено количество тематических рубрик. Публикуются результаты научных исследований по вопросам изучения русского языка (как родного, неродного, иностранного), иностранных языков.

Цель журнала — создание научно-методической площадки для обмена мнениями российских и зарубежных ученых в области изучения и преподавания русского и иностранных языков по актуальным вопросам формирования межкультурного, языкового, образовательного пространства.

Основные задачи журнала:

- актуализация проблем изучения русского языка и методики его преподавания в школе и вузе;
- рассмотрение вопросов современной зарубежной лингвистики и методики преподавания языков;
- презентация медиадидактических и электронных средств обучения в межкультурном пространстве;
- знакомство с новыми лингводидактическими и педагогическими технологиями;
- представление методических проектов.

Материалы могут быть представлены в виде научных статей (теоретических, научно-практических, научно-методических), обзорных научных материалов, рецензий, аннотаций, научных сообщений, посвященных деятелям российской и зарубежной науки. Для начинающих ученых предназначена рубрика «Страничка молодого исследователя».

Журнал имеет международный статус, который определен составом редколлегии и рецензентами (известные ученые иностранных академий и университетов из России, США, Беларуси, Молдовы, Испании, Алжира, Италии).

К сотрудничеству приглашаются российские и зарубежные ученые в области русского и иностранных языков.

Редактор: *М.П. Малахов*
Компьютерная верстка: *О.Г. Горюнова*

Адрес редакции:
ул. Орджоникидзе, д. 3, Москва, Россия, 115419
Тел.: (495) 955-07-16; e-mail: ipk@rudn.university

Адрес редакционной коллегии серии «Русский и иностранный языки и методика их преподавания»:
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198
Тел.: (495) 434-07-45; e-mail: rusforeignlangjournalrudn@rudn.university

Подписано в печать 07.09.2017. Выход в свет 21.09.2017. Формат 70×100/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «NewtopС».

Усл. печ. л. 9,35. Тираж 500 экз. Заказ № 817. Цена свободная.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Российский университет дружбы народов» (РУДН)
117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН
115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3, тел. (495) 952-04-41; e-mail: ipk@rudn.university

RUDN JOURNAL OF RUSSIAN AND FOREIGN LANGUAGES RESEARCH AND TEACHING

VOLUME 15 NUMBER 3 (2017)

DOI 10.22363/2313-2264-2017-15-3

<http://journals.rudn.ru/russian-foreign-languages>

Founded in 2003

Founder: PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA

EDITOR-IN-CHIEF

Shaklein V.M. Member of the Academy of Natural Sciences, Doctor of Philology, Professor, Honored Higher and Professional Education Employee of the Russian Federation, Head of the Chair of the Russian Language and Methods of Teaching (Peoples' Friendship University of Russia), Member of Executive Board of Russian Association of Teachers of the Russian Language and Literature (ROPRYAL), Member of Presidential Russian Language Council

ASSISTANT TO THE EDITOR-IN-CHIEF

Strelchuk E.N. Doctor of Pedagogy, Associate Professor of the Chair of the Russian Language and Methods of Teaching (Peoples' Friendship University of Russia)

EDITORIAL BOARD

Abramov V.P. — Member of Executive Board of Russian Association of Teachers of the Russian Language and Literature (ROPRYAL), Honoured Scientist of the Russian Federation, Doctor of Philology, Professor, Head of the Chair of Russian as a Foreign Language (Kuban State University)

Alefirenko N.F. — Full Member of the Academy of Social Sciences, Honoured Scientist of the Russian Federation, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Chair of Russian Language (Belgorod State University)

Batykhina T.M. — Member of the International Teacher's Training Academy of Science (MANPO), Vice-President of Russian Association of Teachers of the Russian Language and Literature (ROPRYAL), Doctor of Pedagogy, Professor, Dean of Advanced Training Faculty for Teachers of Russian as a Foreign Language (Peoples' Friendship University of Russia)

Krasilnikova L.V. — Doctor of Pedagogy, Professor, Head of the Chair of Russian for Foreign Students (M.V. Lomonosov Moscow State University)

Mamontov A.S. — Full Member of the Academy of Natural Sciences, Honored Higher and Professional Education Employee of the Russian Federation, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Chair of Literature and Intercultural Communication (A.S. Pushkin State Institute of the Russian Language)

Chesnokova O.S. — Doctor of Philology, Professor of the Chair of Foreign Languages (Peoples' Friendship University of Russia)

Khavronina S.A. — Candidate of Philology, Professor of the Chair of the Russian Language and Methods of Teaching (Peoples' Friendship University of Russia)

Ebzeeva Y.N. — Candidate of Philology, Associate Professor, Head of the Chair of Foreign Languages (Peoples' Friendship University of Russia)

Davidson Dan — President of American Council of Teachers of Russian (ACTR) and American Council for International Education (ACCELS), Director of Russian Language Institute, Foreign Member of Russian Academy of Education, Doctor of Philology, Professor of Russian Language and Foreign Language Teaching of Bryn Mawr College

Maslova V.A. — Member of the Presidential Board Of Higher Attestation Commission of Belarus, Doctor of Philology, Professor of the Chair of General and Russian Linguistics of Vitebsk State University (Belarus)

Mlechko T.P. — Doctor of Pedagogy, Doctor Habilitat of Philology, Foreign Member of Russian Academy of Education, Member of Executive Board of International Association of Teachers of the Russian Language and Literature (MAPRYAL), professor, Rector of Slavonic University of Moldova

Rafael Guzman Tirado — Member of Executive Board of International Association of Teachers of the Russian Language and Literature (MAPRYAL), Doctor of Philology, Professor of the Chair of Greek and Slavonic Philology of Granada University (Spain)

Monica Perotto — professor, Candidate of Pedagogy, research assistant and associate professor of the Chair of the Russian Language Foreign Languages Faculty, Bologna University (Italy)

Houria Laouedj — Candidate of Philology, Professor of the Centre of Intensive Language Teaching (University Algeria — 1) (Algeria)

**RUDN JOURNAL OF RUSSIAN AND FOREIGN LANGUAGES
RESEARCH AND TEACHING.**
Published by the Peoples' Friendship University of Russia, Moscow

ISSN 2408-8889 (online); ISSN 2313-2264 (print)

4 issues per year.

Languages: Russian, English, French, German, Spanish.

The journal is presented on the sites of Peoples' Friendship University of Russia, Facebook, Mendeley, in the database of Russian Science Citation Index.

Aim and Scope

The scientific journal "Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia" has been published since 1993. The first issue of the series "RUDN journal of Russian and foreign languages research and teaching" came in 2003. The journal has published the results of fundamental and applied research in linguistics, text analysis, cultural studies, methods of teaching languages, etc. for 20 years.

Now the themes of the journal include actual problems of philology: linguistics, psycholinguistics, cultural studies, country studying, intercultural communication, text studying, linguodidactics, ethnomethodics, methods of teaching learning foreign languages. The number of the journal columns has increased. The journal publishes the results of scientific research in teaching Russian (as a native, non-native and foreign language) and other languages.

The aim of the journal is to create a scientific and methodical forum where Russian and foreign scientists could exchange their views on learning and teaching Russian and foreign languages, on actual problems of intercultural, linguistic and educative environment.

The main tasks of the journal are as follows:

- to point out the problems of learning and teaching Russian at school and university;
- to discuss the questions of modern foreign linguistics and methods of teaching languages;
- to present electronic means of education in intercultural environment;
- to get acquainted with new linguodidactic and pedagogic technologies;
- to show methodical projects.

The authors can present scientific articles (theoretical, academic and research, scientific and methodical), reviews, critical reviews, annotations, reports about Russian and foreign scientists.

The journal is on the list of journals reviewed by Higher Attestation Commission for presenting the results of doctorate thesis. Young scientists can publish their articles in the column "The page of a young researcher".

The journal has an international status which is provided by the editorial board and reviewers (famous scientists from international academies and universities in Russia, the USA, Belarus, Moldova, Spain, Algeria, Italy).

Editor *M.P. Malakhov*
Computer design: *O.G. Gorunova*

Address of the editorial board:
Ordzhonikidze str., 3, Moscow, Russia, 115419
Ph. +7 (495) 955-07-16; e-mail: ipk@rudn.university

Address of the editorial board Series "Russian and foreign languages.

Methods of its teaching":
Miklukho-Maklaya str., 6, Moscow, Russia, 117198
Ph. +7 (495) 434-07-45;
e-mail: rusforeignlangjournalrudn@rudn.university

Printing run 500 copies. Open price.

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education
"Peoples' Friendship University of Russia"
6 Miklukho-Maklaya str., 117198 Moscow, Russia

Printed at RUDN Publishing House:
3 Ordzhonikidze str., 115419 Moscow, Russia,
Ph. +7 (495) 952-04-41; e-mail: ipk@rudn.university

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

- Боженкова Н.А., Боженкова Р.К., Боженкова А.М.** Современный политический дискурс: вербальная экземплификация тактико-стратегических предположений 255
- Буянова Л.Ю.** Фразеология как культурный код познания и духовное наследие предков 285
- Виноградова Е.Н., Клобукова Л.П.** Предлог: большие проблемы маленькой части речи 299
- Левина В.Н., Гуськова С.В.** Механизмы формирования культурных ценностей и поведенческих приоритетов студенческой молодежи под воздействием текстов конвергентных СМИ 317

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК РОДНОГО, НЕРОДНОГО, ИНОСТРАННОГО

- Мокиенко В.М.** Фразеология обучаемого и фразеология обучающего (Проблемы методики освоения фразеологизмов) 333

СТРАНИЧКА МОЛОДОГО ИССЛЕДОВАТЕЛЯ

- Звягинцев В.С.** Лексикографическая практика в условиях вариантности терминов «исконный — иноязычный» 346

РЕЦЕНЗИЯ

- Веракша Т.В.** Рец. на кн.: Методика обучения русскому языку как иностранному: учебное пособие для вузов / Г.М. Васильева, И.П. Лысакова, Л.В. Московкин и др., под ред. проф. И.П. Лысаковой 358
- Шкапенко Т.М.** Рец. на кн.: Большой библиографический словарь русского языка / Я. Вавжинчик 360

CONTENTS

ACTUAL PROBLEMS OF LEARNING OF THE RUSSIAN LANGUAGE

- Bozhenkova N.A., Bozhenkova R.K., Bozhenkova A.M.** Modern political discourse: verbal exemplification of tactical and strategic preferences..... 255
- Buyanova L.Y.** Phraseology as a cultural cognition code and spiritual heritage of our predecessors 285
- Vinogradova E.N., Klobukova L.P.** Preposition: the biggest challenges of a small part of speech 299
- Guskova S.V., Levina V.N.** Mechanisms of cultural values and students' behavioral priorities forming under the influence of converged media materials 317

METHODS OF TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

- Mokienko V.M.** Phraseology of the learned and of the learner (problems of the methodology of mastering phraseological units) 333

THE PAGE OF A YOUNG SCIENTIST

- Zvyagintsev V.S.** Lexicographic practice in terms of the variance of the terms "native foreign — language" 346

REVIEWS, ANNOTATIONS

- Veraksha T.V.** Methods of teaching Russian as a foreign language. Textbook for universities / G.M. Vasil'eva, I.P. Lysakova, L.V. Moskovkin, etc., under the editorship of Professor I.P. Lysakova..... 358
- Shkapenko T.M.** Wielki Słownik Bibliograficzny Języka Polskiego / Jan Wawryńczyk.. 360

DOI 10.22363/2313-2264-2017-15-3-255-284

УДК 81'42

СОВРЕМЕННЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС: ВЕРБАЛЬНАЯ ЭКЗЕМПЛИФИКАЦИЯ ТАКТИКО-СТРАТЕГИЧЕСКИХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ

Н.А. Боженкова¹, Р.К. Боженкова², А.М. Боженкова³

¹ Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина
ул. Академика Волгина, 6, Москва, Россия, 117485

² Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана
2-я Бауманская ул., 5, стр. 1, Москва, Россия, 105005

³ Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Ленинские горы, 1, стр. 51, Москва, Россия, 119991

MODERN POLITICAL DISCOURSE: VERBAL EXEMPLIFICATION OF TACTICAL AND STRATEGIC PREFERENCES

N.A. Bozhenkova¹, R.K. Bozhenkova², A.M. Bozhenkova³

¹ Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia
Academician Volgin str., 6, Moscow, Russia, 117485

² Bauman Moscow State Technical University
2nd Bauman str., 5, building 1, Moscow, Russia, 105005

³ Lomonosov Moscow State University
Leninskie gory, 1, p. 51, Moscow, Russia, 119991

В статье предлагается сравнительный анализ языковых конструктов, репрезентирующих корпус речевых стратегий и тактик, совокупность которых детерминирует устроенность политической коммуникации в разнокодовых лингвокультурах.

Актуальность работы обуславливается самим объектом исследования: политическое поле, являясь неотъемлемой частью этнической культуры любого общества, представляет собой сложный конгломерат идей, где обозначены цели и интересы государства и его элитарных групп. Эволюционируя на основе накопленного социумом лингвоментального материала, политика осуществляется прежде всего в процессе вербального взаимодействия, задача которого заключается в создании определенной картины мира в обществе. Соответственно, языковая деятельность человека в сфере политики есть опосредованное в знаках завоевание, осуществление и сохранение политической власти.

В этой связи вся формальная организация политического дискурса подчиняется необходимости эффективной реализации функции воздействия, инструментарием которой выступают разнообразные коммуникативные стратегии и тактики. Интенциональный «посыл» по-

литической дискурсивной практики непременно видоизменяется в акте индивидуального языкового оформления, поэтому научный интерес вызывают наиболее «значимые» фигуры политического взаимодействия (в нашем случае, главы внешнеполитических ведомств), которые во многом определяют мировоззренческую позицию различных социальных групп. Соответственно, признаковые особенности их речи можно рассматривать как доминантные характеристики национальной политической практики и считать основанием для создания типизированного коммуникативного портрета политика. Более того, производные значения, порождаемые в результате использования субъектами политической деятельности определенных речевых стратегий и тактик, на основе семантико-семиотических ассоциаций развиваются далее, постепенно переходят в смежные дискурсивные поля, устанавливая уже новые смысловые связи. Сформированные таким образом сложнейшие по структуре языковые (текстовые/дискурсивные) единицы характеризуются не только высоким экспрессивно-эмоциональным потенциалом, «многопластовым» семантическим «зарядом», но и некоторой типизированностью, что обуславливает их широкое распространение в актах политической коммуникации. Соответственно, политическая логосфера — не столько продукт деятельности общества, сколько его модификатор: она сама, пронизывая все пласты логосферы общечеловеческой, активно формирует речевую практику всех включенных в нее субъектов, их социально-иерархическую структуру и лингвоэтнический универсум в целом.

Ключевые слова: политический дискурс, интегративные и дезинтегративные коммуникативные стратегии, коммуникативные тактики, вербальные маркеры, лингвокультурные спецификаторы

The article proposes a comparative analysis of language constructs representing the framework of speech strategies and tactics, the totality of which determines the arrangement of political communication in different lingual cultures.

The relevance of the article is determined by the very object of research. The political field, being an integral part of the ethnic culture in any society, represents a complex conglomerate of ideas, where the goals and interests of the state and its elite groups are indicated. Evolving on the basis of linguistic material accumulated by society, the policy is implemented primarily in the process of verbal interaction which aims at forming a certain picture of the world in the society. Accordingly, a person's linguistic activity in the sphere of politics is an acquisition, exercise and preservation of political power mediated in signs.

In this regard, the entire formal organization of political discourse is subject to the need for an effective implementation of the impact function, which is instrumented by a variety of communication strategies and tactics. Intentional “message” of political discursive practice inevitably changes in the act of individual language situation. Therefore, the most “significant” figures of political interaction (in our case, the heads of foreign affairs agencies) are of scientific interest, as they largely determine the ideological position of various social groups. Accordingly, the feature characteristics of their speeches can be regarded as the dominant characteristics of national political practice and considered as basis for creating a typed communicative portrait of a political figure. Moreover, the derivative meanings generated as a result of the use of certain speech strategies and tactics by political actors, on the basis of semantic-semiotic associations, develop further and gradually pass into adjacent discursive fields establishing new semantic links. The highly complicated language (text/discursive) units structured in this way are characterized not only by the high expressive and emotional potential and the “multi-layered” semantic “message”, but also by some typification, which causes their wide distribution in the acts of political communication. Thus, the political logosphere is not so much a product of society activity as its modifier. Penetrating all layers of universal logosphere, it actively forms the speech practice of the subjects included in it, their hierarchical structure as well as the linguistic ethnic universe as a whole.

Key words: political discourse, integrative and disintegrative communicative strategies, communicative tactics, verbal markers, linguocultural specifiers

ВВЕДЕНИЕ

Политическое взаимодействие как коммуникативная сфера, основной темой и движущим мотивом которой является борьба за власть, оказалось в фокус российского научного интереса преимущественно в середине 1980-х гг., когда сосуществование политических элит перестало носить сугубо ритуальный характер и приобрело очертания одного из способов функционирования общества¹. Сегодня проблемы взаимоотношения языка и власти, языка и идеологии, роли мифа в политической коммуникации и собственно языкового манипулирования привлекают внимание все большего числа лингвистов²: во многом это объясняется тем фактом, что политика (в отличие от иных областей человеческой деятельности) обладает по сути своей дискурсивным характером и политические действия являются, как правило, действиями речевыми.

Попытки ученых дать корректное определение понятию «**политический дискурс**» привели к появлению множества дефиниций: это и «совокупность всех речевых актов, используемых в политических дискуссиях, а также правил публичной политики, освещенных традицией и проверенных опытом» [1. С. 8]; и «своеобразная знаковая система, в которой происходит модификация семантики и функций разных типов языковых единиц и стандартных речевых действий» [2. С. 3]; и «видовая, эксплицитно прагматичная разновидность идеологического дискурса» [3. С. 57]; и одно из направлений прикладной лингвистики, суть которого выражается формулой «дискурс = подъязык + текст + контекст» [4. С. 15]. Более того, в современном языкознании ситуация такова, что одни исследователи (А.П. Чудинов, М.М. Lazar и др.) используют термин **политический дискурс** как данный **a priori**, другие (М.Б. Паршин, Ю.С. Степанов и др.) отказываются признать за ним лингвистическое значение, третьи (А.Н. Баранов, Е.И. Шейгал, Т.А. ван Дейк, Р. Водак и др.) пользуются им как синонимичным терминам **язык политики**, **политический язык**, **политическая коммуникация**. С точки зрения авторов статьи, политический дискурс представляет собой речевую деятельность субъектов в сферах политического институционального общения, детерминированную определенной социально-ролевой иерархией и объективированную в виде совокупности текстовых единиц политической направленности во всем их жанровом и функциональном многообразии.

Политический дискурс содержит ряд конститутивных признаков (системность, прагматическую завершенность, коммуникативную определенность, отсутствие строгих структурных ограничений) и наделяется теми же функциями, что и дискурс в целом — информативной, аргументативной, персуазивной, делимитатив-

¹ См. работы Р.М. Блакара, А.Н. Баранова, О.П. Ермаковой, Б.А. Зильберта, Ю.И. Левина, Б.Ю. Нормана, Ю.С. Степанова и др.

² См. работы А.Г. Алтуняна, А.Н. Баранова, В.Н. Базылева, Э.В. Будаева, И.Т. Вепревой, О.И. Воробьевой, Д.Б. Гудкова, В.З. Демьянкова, В.И. Карасика, М.В. Китайгородской, Н.А. Купиной, А.В. Олянича, П.Б. Паршина, М.Р. Проскуракова, А.П. Чудинова, Е.И. Шейгал, G. Lakoff, S.R. Anderson, W.L. Benoit, T.A. van Dijk, P. Drulak, A. Mussolt, R. Wodak, Н. Ключко, Э. Лассан, L. Wee и др.

ной и групповыделительной [5]¹. К перечисленным следует добавить функции, дефинированные Д. Грейбер, — «распространение информации» (information dissemination); «определение повестки дня» (agenda setting); «проекция в прошлое и будущее» (projection to future and past) [7. С. 198]. Именно последние характеристики, расширяя свое действие в рамках политической коммуникации, определяют базисный признак политического дискурса — его использование в качестве инструмента политической власти (борьбы за власть, овладение властью, ее сохранение, осуществление, стабилизация или перераспределение).

Одна из наиболее значимых функций политического дискурса по отношению к народным массам — распространение информации о состоянии дел в политическом сообществе: люди в большинстве случаев напрямую не соприкасаются с миром политики, их знания в этой области складываются не в результате собственного опыта политического участия, а преимущественно на основе предлагаемых им вербальных «картинок». Сообщения о состоянии дел могут выступать в форме описаний, мнений, сравнений и выводов; они могут быть реализованы в самых разнообразных речевых действиях и жанрах — неформальной беседе, интервью, пресс-конференции, послании конгрессу и др. Помимо явной, эксплицитной информации, эти сообщения могут включать имплицитно-коннотативный слой информации (эмотивно-окрашенные ключевые слова, выражающие базовые политические ориентации и ценности, патриотические символы, эвфемизмы и др.). Имплицитная информация может быть также получена путем обобщения, «чтением между строк»: значимыми оказываются характеристики хронотопа вербального акта, паралингвистические компоненты и др. Соответственно, мир политического охватывает широкий диапазон явлений: в него входят политические сообщества людей; политические субъекты (агенты), институты и организации; нормативные подсистемы; традиции и ритуалы, неразрывно связанные с социальными, историческими, культурными, психологическими, идеологическими и другими факторами социума и с системой когнитивных установок адресанта; методы политической деятельности; средства информации и др. В политическом дискурсе реализуются все конституенты социального поля: они либо составляют собственно предмет общения (его референциальный аспект), либо выступают в качестве элементов прагматического контекста, либо описывают пропозициональное поле. Таким образом, описанный функционал политического дискурса, имея безусловное соотношение с базовыми функциями дискурса в целом, одновременно отличает его от других типов дискурсивного общения, что позволяет рассматривать политический дискурс как системное явление.

Кроме вопросов метаязыкового описания, в изучении политического дискурса прослеживается множество иных нерешенных проблем. Одной из них является характеристика коммуникативного поведения политиков в терминах речевого воздействия: необходимость исследования языка политических субъектов обусловлена как все более расширяющейся тенденцией «орализации» [8. С. 105],

¹ Другие исследователи выделяют контролирующую, агональную, интерпретационную функции и функцию социальной идентификации [6].

так и научной значимостью моделирования ментальных структур участников политической коммуникации. В этой связи особенно интересным представляется компаративное исследование языковых фактов, репрезентирующих речестратегические предпочтения российской/американской политической элиты.

ЦЕЛЬ

Цель предпринятого исследования заключалась в выявлении и контрастивно-сопоставительной характеристике коммуникативных стратегий и тактик субъектов современных политических дискурсивных практик, экземплифицированных различными языковыми (русской и английской) системами.

МЕТОДЫ И МАТЕРИАЛЫ

В основу методологической концепции исследования были положены как гуманитарно-эвристические методы (регистрационный, инструментальный методы; метод моделирования; таксономическое, динамическое и объяснительное описание), так и методы языкознания и лингвокультурологии — метод формализации лингвистических описаний, контекстный и категориальный синхронный анализ, метод сегментации определенных вербальных явлений (фактов) с последующим их обобщением, абстрагированием и характеристикой лежащих в их основе этноментальных сущностей и др.

Материалом исследования послужили скрипты брифингов официальных представителей внешнеполитических ведомств России и Америки — директора Департамента информации и печати МИД России М.В. Захаровой и представителя Госдепартамента США Дж. Кёрби.

Выбор субъектов политической коммуникации был обусловлен двумя факторами: государственная внешняя политика, учитывая современную геополитическую обстановку, вызывает все больший интерес исследователей, в том числе и лингвистов; выступления официальных представителей внешнеполитических ведомств во многом формируют глобальный политический дискурс, поэтому их анализ позволяет выстроить вполне объективную картину специфики употребления различных коммуникативных стратегий и тактик в различных лингвокультурных универсумах.

Другим критерием отбора материала стала тематическая общность выступлений, однако корреляция текстовых единиц была осложнена некоторым несоответствием форматов выступлений: периодичностью проведения брифингов (в России — еженедельно, в США — ежедневно) и спецификой речевого взаимодействия — в российской политической традиции большую часть брифинга официального представителя МИД занимает монолог¹, в Соединенных Штатах же гораздо больше времени уделяется ответам на вопросы журналистов.

¹ В связи с этим авторами были отобраны такие выступления официального представителя Госдепартамента, в которых монолог представлен максимально полноценно.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Проведенное сравнительно-типологическое описание вербальных конструкций, манифестирующих корпус частотных коммуникативных стратегий и тактик современных идиополитических дискурсивных актов, не только представляет собой некую модель лингвокультурной устроенности национального российского и американского политического дискурса (см. далее таблицу), но и может служить основанием для создания типизированного коммуникативного портрета российского/американского политика. Вместе с тем, сравнение доминантных признаков использования в идентичных ситуациях определенных коммуникативных стратегий и тактик лицами, исполняющими аналогичные социальные роли (согласно их участию в политической жизни), позволило рассмотреть вербальную коммуникацию в определенном социально-психологическом контексте и выявить некоторые общие характеристики российского и американского политических дискурсов, наличие которых объясняется структурой, функциями и другими особенностями политической коммуникации в целом.

ОБСУЖДЕНИЕ

Политический дискурс как инвариант институционального типа общения должен, в отличие от персонального типа, использовать специфическую систему профессионально-ориентированных знаков, т.е. обладать собственным, уникальным подязыком (лексикой, фразеологией и паремиологией). Согласно концепции В.З. Демьянкова [9], специфика языка политики обусловлена следующим: отмечается частотное использование своеобразных речевых приемов; расширен тезаурус прецедентных текстов и высказываний; политическая лексика терминологична, а общеупотребительные языковые знаки маркированы по отношению к обычному языку; индивидуализированная структура политического дискурса опирается на оригинальное звуковое или письменное оформление.

Вместе с тем некоторые ученые отказывают политическому дискурсу в уникальности и специфичности, подчеркивая, что языковые черты его своеобразия немногочисленны и не так просто поддаются процедуре идентификации, а лексические и грамматические особенности политического дискурса, позволяющие рассматривать его как специфическое явление, «не выходят за рамки соответствующих идиоэтнических языков» [10. С. 193].

Масштабная деспециализация в политической коммуникации связана с тем, что политика — единственная профессиональная сфера, общение в которой ориентировано на массового адресата. Политическая коммуникация не просто опосредована средствами массовой информации, СМИ являются основной средой ее существования, вследствие чего язык политики оказывается лишенным свойства корпоративности, присущего любому специальному языку [4. С. 30]. Так, П.Б. Паршин под языком политики подразумевает вовсе не язык или, по меньшей мере, не только язык. По его словам, предметом политической коммуникации является, скорее, идиополитический дискурс, т.е. «своеобразие того, что, как, кому и о чем говорит тот или иной субъект политического действия» [10. С. 194], предназначение которого не просто «описать (т.е. не референция), а убедить, пробудив

в адресате намерения, дать почву для убеждения и побудить к действию» [9. С. 118]. Именно поэтому эффективность политического дискурса определяется адекватным планированием коммуникативного поведения автора и умелой реализацией данного плана путем использования различных речевых стратегий и тактик, реализующих воздействующий потенциал естественного языка на интеллектуальную и эмоционально-волевою сферу адресата.

Предлагаемые сегодня в политической лингвистике кадастры коммуникативных стратегий и тактик (далее КС и КТ соответственно), несмотря на единодушные исследователей в признании основной функции политического взаимодействия, вариативны: выделяют КС вуалирования, КС деперсонализации и КС мистификации [2]; КС реификации, КС делегитимизации и КС амальгамирования («мы»-дискурс) [11]; варьирующую, аддитивную и интродуктивную КС [12]; многообразии инвективных КС [13; 14]; аргументативные и манипулятивные КС [15] и др.

Бесспорно, классификация вербальных конструкций, манифестирующих те или иные КС, может базироваться на любом (или нескольких одновременно) из внушительного множества критериев, явно вычленяемых в качестве категориальных признаков императивно-политических актов: механизмы организации; языковой уровень структурных компонентов; частотность реализации вербальных единиц данной направленности; интонационная обусловленность их семантического плана; жанровая принадлежность и композиционная оформленность дискурсивной практики; количество объектов акта коммуникации (массовая или индивидуальная направленность) и др. Однако думается, детерминирующим признаком следует обозначить фактор осознанности автором — рефлексированности — построения и употребления оценочно-манипулятивной языковой конструкции, поскольку в данном случае мы имеем дело со строго организованным иллокутивным актом, реализующим определенные интенции.

В этой связи для построения собственной таксономии в качестве главной антиномии было принято базисное для политики в целом прагматическое основание — настроенность коммуникантов на сотрудничество¹. Результатом стало деление всех КС на **интегративные** и **дизинтегративные**, в рамках которых коммуникативные тактики группировались тематически, т.е. в соответствии с той коммуникативной целью, на достижение которой они направлены. В корпус интегративных вошли 6 КС (КС вежливости, сотрудничества, аргументации, компромисса, эмоционально настраивающая и информативная КС), в корпус дезинтегративных — 5 КС (КС контроля над инициативой, самопрезентации, побуждающая, манипулятивная и конфронтационная КС), общее число коммуникативных тактик — 55 единиц (27 и 28 КТ соответственно, см. таблицу).

Предложенная классификация стала базой для лингвопрагматического анализа вербальных формул², организующих идиополитический дискурс современной внешней политики.

¹ Здесь авторы разделяют позицию И.В. Певневой [16].

² Объем данной статьи не позволяет привести примеры реализации всех КТ, поэтому авторы представили наиболее часто реализуемые в выступлениях М.В. Захаровой и Дж. Кёрби.

Интегративные КС

1. КС вежливости:

— КТ извинения:

МЗ¹ — «Еще раз прошу прощения за лирику»; «Извините, что так подробно, но это очень важно»;

ДК — примеры реализации отсутствуют.

— КТ благодарности:

МЗ — «Мы очень за это благодарны и прекрасно понимаем, что во многом, идя на такой внутренний и профессиональный подвиг, вы рассчитываете на защиту со стороны внешнеполитического ведомства»;

ДК — примеры реализации отсутствуют.

2. Эмоционально настраивающая КС:

— КТ комплимента:

МЗ — «Он Посол с большой буквы и человек, который не только по долгу службы, но и по-человечески радеет за российско-армянские отношения, их развитие и то, чтобы они всегда развивались в интересах народов двух стран»;

ДК — «... to provide a more secure environment for all of its citizens, one that nurtures the spirit of the people of Bangladesh and the pride with which they guard their own traditions of tolerance, peace, and diversity» / ... обеспечить более безопасную обстановку для всех его граждан, которая воспитывает дух жителей Бангладеш и достоинство, с которым они сохраняют традиции терпимости, мира и поликультурности.

— КТ проявления сочувствия:

МЗ — «Хотела бы выразить искренние соболезнования странам и народам, которых напрямую коснулась эта трагедия»;

ДК — «We share in the grief that they have had to endure» / Мы разделяем то горе, которое им пришлось испытать.

3. КС сотрудничества:

— КТ демонстрации участия:

МЗ — «Вопрос о возможной медицинской эвакуации прорабатывается между российскими и египетскими специалистами. От их решения зависят сроки возвращения девочки в Россию. Работа ведется»;

ДК — «That is exactly the message that the Secretary sends when he speaks to foreign leaders about freedom of expression issues and press freedom issues» / Именно это послание шлет госсекретарь, когда беседует с иностранными лидерами об ограничении свободы самовыражения и свободы прессы.

— КТ предложения решения:

МЗ — «Убеждены, что движение к миру и стабильности в Северо-Восточной Азии должно носить взаимный, встречный характер и осуществляться при деятельном участии всех сторон, присутствующих в регионе. Такой подход, о чем мы неоднократно говорили, позволил бы создать предпосылки для нормализации двусторонних отношений КНДР с Китаем, США и Японией, перейти к практической ра-

¹ Здесь и далее: МЗ — высказывания М.В. Захаровой (цитаты приведены по работам [17; 18]); ДК — Дж. Кёрби (цитаты приведены по работам [19–21]).

боте по формированию многосторонних механизмов обеспечения безопасности и сотрудничества в данном регионе на равной и недискриминационной для всех участников основе»;

ДК — «... *good governance. We've said that many, many times. That's the way to sustain a defeat of Daesh*» / ... хорошее руководство. Мы говорили об этом много, много раз. Только так можно победить ИГИЛ.

— КТ предложения сотрудничества:

МЗ — «*Российская сторона неизменно готова к самому тесному взаимодействию со всеми заинтересованными государствами в интересах обеспечения мира и стабильности в этом регионе, достижения политико-дипломатического урегулирования ядерной проблемы Корейского полуострова*»;

ДК — примеры реализации отсутствуют.

4. Информативная КС:

— КТ прямого ответа:

МЗ — «*Нет, не могла бы*»;

ДК — «*So if you're asking me can they, absolutely they can*» / Так что если Вы спрашиваете меня, могут ли они — да, абсолютно.

— КТ каузации:

МЗ — «*Задержки в движении ооновских конвоев вызваны, по большей части, обстрелами со стороны незаконных вооруженных формирований и опасениями в этой связи за жизни ооновского персонала*»;

ДК — «... *we also ... know that Iran is a state sponsor of terrorism and that they have continued to support this particular group which is a designated foreign terrorist organization. And that is exactly why ... he raised very specifically our continued concerns about what Iran is doing in the region*» / ... мы также знаем, что Иран спонсирует терроризм и продолжает поддерживать определенную группу, признанную иностранной террористической организацией. И именно поэтому ... он явно обозначил наши давние опасения по поводу деятельности Ирана в регионе.

— КТ информирования:

МЗ — «*12 мая террористы из «Джабхат ан-Нусры» и союзных им формирований напали на алавитскую деревню Зара в провинции Хама. Возможно вы знаете, что они устроили массовую резню, не щадили ни детей, ни женщин, ни стариков. По различным данным, в Заре были убиты или замучены до смерти от 70 до 100 мирных жителей. Многие женщины и молодые девушки были похищены, уведены в рабство*»;

ДК — «*The U.S. and our coalition partners conducted another 59 airstrikes and six artillery strikes against Daesh targets in northern Iraq and Anbar province just over this weekend*» / На этих выходных США и наши партнеры по коалиции совершили еще 59 авиаударов и 6 артиллерийских ударов по объектам ИГИЛ в северном Ираке и провинции Анбар.

— КТ переадресации:

МЗ — «... с ним можно ознакомиться на официальном сайте МИД России»;

ДК — «*That's really for Prime Minister Modi and his staff to speak to*» / Об этом следует спросить премьер-министра Моди и его представителей.

5. КС компромисса:

— КТ согласия:

МЗ — «Как Вы правильно сказали о сути встречи, речь идет о продолжении обсуждения вопроса, который стоит на повестке двусторонних отношений»; **ДК** — «*I recognize that*» / Я признаю это; «*We fully agree*» / Мы полностью согласны.

— КТ компромиссного ответа:

МЗ — примеры реализации отсутствуют;

ДК — «*I would just say that I don't think you're going to see the Secretary — the Secretary's interest or energy diminished at all for as long as he is Secretary of State with respect to trying to get to a two-state solution*» / Я бы сказал так: не думаю, что госсекретарь... Что его заинтересованность и энтузиазм в решении данного вопроса уменьшится, пока он руководит Госдепартаментом.

6. КС аргументации:

— КТ генерализации:

МЗ — «... мы и весь мир, безусловно, вовлечены в то, что сейчас происходит на Украине»;

ДК — «*It's that important to us. It's that important to the region, certainly to many other nations around the world*» / Это важно для нас. Это важно для региона; конечно, и для многих других народов во всем мире.

— КТ проведения аналогии:

МЗ — «Мы видим на примере ряда стран, как во многом подорванную ситуацию с взаимным доверием сложно восстановить и поднять на прежний уровень»;

ДК — «*And look, I mean, even here in the United States there's political tensions, right?*» / Взгляните, даже здесь, в Соединенных Штатах, есть политическая напряженность, верно?

— КТ приведения примера:

МЗ — «... созывалась большая конференция в Москве»; «... например, европейские структуры»;

ДК — «... *you remember back when the cessation was first agreed to after Munich, we saw a dramatic decrease in attacks on civilians and on the opposition*» / вспомните: когда прекращение огня было впервые согласовано после Мюнхена, мы наблюдали значительное снижение атак на мирное население и оппозицию.

— КТ противопоставления:

МЗ — «Достаточно вспомнить, как на протяжении многих лет нас убеждали, что вступление в НАТО государств Восточной Европы и Прибалтики улучшит наши двусторонние отношения, избавит их от фобий «тяжелого исторического наследия» и создаст в альянсе «пояс» дружественных России стран. На деле же расширение блока лишь обострило синдром «прифронтовых государств»;

ДК — примеры реализации отсутствуют.

— КТ ссылки на авторитет:

МЗ — «Официальные представители, занимающиеся вопросами военно-технического сотрудничества (ВТС) дали четкие и абсолютно исчерпывающие формулировки»;

ДК — «*And then I'd point you back to what the President said during his visit to India in 2015, where he reaffirmed that the U.S. view was that India, quote, "meets missile technology control regime requirements and is ready for NSG membership."*» / И тогда я напомним, что во время своего визита в Индию в 2015 году президент подтвердил, что Индия,

по мнению США, цитирую: «отвечает требованиям режима контроля за ракетными технологиями и готова к членству в Группе ядерных поставщиков.

— КТ описания позитивной перспективы:

МЗ — «Это позволит вновь созданным единым органам государственной власти начать полноценно функционировать, в том числе приступить к наведению порядка и восстановлению законности в стране, в первую очередь, нейтрализовать активность террористов, которые присутствуют в большом количестве на территории Ливии»;

ДК — «... the members of the ISSG would work together and in unison to help create the conditions for which — or under which those airdrops can be successful» / ... члены МГПС будут работать вместе и сообща, чтобы создать условия, при которых поставки будут успешными.

Дезинтегративные КС

1. Манипулятивная КС:

— КТ смены фокуса внимания:

МЗ — «Если Вы позволите, я немного переформулирую Ваш вопрос и отвечу, как мы вообще видим урегулирование нагорно-карабахской проблематики»;

ДК — «These are decisions that the — this is a French initiative and decisions that the French are taking» / Это решения, которые... Это французская инициатива, и французы принимают эти решения.

— КТ отрицания:

МЗ — «Вы очень заблуждаетесь, когда говорите, что с этим не возникает проблем. Проблемы возникают и с этим»;

ДК — «I know we don't believe that Pakistan hates the United States. Pakistan is a partner here in the effort to go after extremists there in the region» / Я знаю, что мы не считаем, что Пакистан ненавидит Соединенные Штаты. Пакистан в данном случае — наш партнер в борьбе с экстремизмом в том регионе.

— КТ абсолютизации:

МЗ — примеры реализации отсутствуют;

ДК — «... nobody's arguing that the political process hasn't struggled» / ... никто не спорит с тем, что политический процесс проходит с трудом.

— КТ оценивания:

МЗ — «Можем констатировать, что вызывает удовлетворение то, что тревожные прогнозы о возможных нарушениях резолюций СБ ООН со стороны КНДР в период проведения 7-го съезда Трудовой партии Кореи не оправдались»;

ДК — «It was a positive meeting and a step in the right direction» / Это была позитивная встреча, которая стала шагом в правильном направлении; «And they do that job masterfully and very competently» / И они выполняют эту работу профессионально и компетентно.

2. Конфронтационная КС:

— КТ замечания:

МЗ — «Полагаем, что необоснованная и политически ангажированная критика в адрес России не подходит уровню ООН»; «К сожалению, Вы невнимательно про-

читали то, что сказал Министр иностранных дел России С.В. Лавров в интервью шведской газете “Дагенс Нюхетер”»;

ДК — «... *it hasn't always been evident that they have been willing to use that influence in the most constructive way*» / ... не всегда было очевидно, что они настроены использовать это влияние самым конструктивным образом.

— КТ упрека:

МЗ — «Рекомендации и замечания на этот счет со стороны многочисленных международных правозащитных структур и институтов УВКПЧ предпочитало все эти годы не замечать»; «Вы должны знать, что этот город назывался никак не Днепр, а Екатеринослав»;

ДК — примеры реализации отсутствуют.

— КТ осуждения:

МЗ — «По их словам, сегодня Анкара «показывает всему миру пример того, как следует обращаться с беженцами» (вы знаете, так с беженцами не следует обращаться) и «открывает перед ними новые возможности и новые перспективы». Ни одному человеку не пожелаешь таких перспектив»;

ДК — «... *the United States strongly condemns the barbaric terrorist attacks in Iraq today that deliberately and specifically targeted civilians*» / ... Соединенные Штаты резко осуждают варварские террористические атаки в Ираке, нацеленные на мирное население.

— КТ обвинения:

МЗ — «Фактически Анкара расписывается в нежелании брать на себя часть вины за произошедшее с учетом того, что именно ее вероломные и подлые действия привели к уничтожению самолета и тем самым стали причиной гибели российского пилота»;

ДК — «*And it is in keeping with what we've seen as a pattern out of the regime to target innocent people*» / И это соотносится с тем, что мы видим: режим нацелен против невинных жителей.

— КТ угрозы:

МЗ — примеры реализации отсутствуют;

ДК — «... *there's going to be a limit to the international community's patience for persistent and consistent violations of the cessation*» / ... международное сообщество не будет вечно терпеть постоянные и последовательные нарушения режима прекращения огня.

— КТ насмешки:

МЗ — «Это необходимо знать, иначе вы просто выглядите глупо и кажетесь какими-то “зомбированными неучами”»; «Честно говоря, после таких решений, которые абсолютно оторваны от каких-то исторических реалий, я начала переживать за возможность сокращения и других названий — Херсон, Запорожье и Саакашвили»;

ДК — примеры реализации отсутствуют.

— КТ иронии:

МЗ — «Ведь эти самые депутаты, как они себя называют...»; «... назовем ее “новой украинской демократией”»;

ДК — примеры реализации отсутствуют.

— КТ сарказма:

МЗ — «То есть 20 лет никакой проблемы крымско-татарского народа не было. Она появилась только сейчас»; «В чем заключается суть вопроса? Когда журналисты

говорят о сайте «Миротворец», мне кажется, нам всем давно пора добавлять к этому названию хотя бы «так называемый» “Миротворец”».

ДК — примеры реализации данной КТ отсутствуют.

3. КС контроля над инициативой:

— КТ выбора предмета речи:

МЗ — «Начнем с действительно важного»; «Позвольте мне лирическое отступление»;

ДК — «*Are we on Syria? I want to stay on Syria right now*» / Мы сейчас говорим о Сирии? Я хочу сейчас остановиться на Сирии.

— КТ отказа от действия:

МЗ — «*Полноформатно мы говорить об этом не можем, потому что речь идет о персональных данных и, тем более, о ребенке*»;

ДК — «... *I'm really not at liberty to discuss this*» / ... правда, я не уполномочен говорить об этом.

— КТ установки и поддержания контакта:

МЗ — «... *готова ответить на ваши вопросы, если они есть*»; «*Да, пожалуйста*»;

ДК — «*Happy Friday!*» / Хороших выходных!; «*I'm in favor of it*» / Полностью поддерживаю.

— КТ прекращения контакта:

МЗ — «*Увидимся в Сочи*»;

ДК — «*Gotta go, thank you*» / Мне пора, спасибо.

4. КС самопрезентации:

— КТ демонстрации компетентности:

МЗ — «*Нам известно, что на Тайване прошли выборы, а завтра состоится церемония вступления в должность нового руководства местной администрации*»;

ДК — «*I've seen reporting on that*» / Я видел сообщения об этом; «*I'm aware...*» / Я осведомлен...

— КТ позитивной характеристики:

МЗ — «*Мы действуем открыто. Главное, что составляет суть российского подхода — открытость и логика*»; «*Мы не подходим к этому вопросу с позиции двойных стандартов и обосновываем нашу позицию в том и другом случае*»;

ДК — примеры реализации отсутствуют.

— КТ самовосхваления:

МЗ — примеры реализации данной КТ отсутствуют;

ДК — «*I say this as not just the spokesman for the department, but the assistant secretary of state for public affairs*» / Я говорю это не просто как официальный представитель департамента, а как помощник госсекретаря по связям с общественностью.

5. Побуждающая КС:

— КТ совета:

МЗ — «*Мы Вам очень рекомендуем делать их достоянием гласности, потому что это чрезвычайно важно*»;

ДК — примеры реализации отсутствуют.

— КТ призыва:

МЗ — «*В свете катастрофических последствий военной операции для населения еще раз призываем официальную Анкару как можно скорее вернуться к мирным способам урегулирования курдского вопроса*».

ДК — «... *any reconciled group must end the violence, break associations with international terrorism, and accept Afghanistan's constitution*» / ... *любая готовая к перемирию группа должна прекратить насилие, разорвать связи с международным терроризмом и признать конституцию Афганистана*;

— КТ требования:

МЗ — «*Также настоятельно требуем и активно работаем в направлении перекрытия остающихся каналов финансирования этих группировок*»;

ДК — примеры реализации отсутствуют.

Проведенный лингвопрагматический анализ позволяет сформулировать ряд положений, характеризующих общность/специфичность организации политических дискурсивных практик в русскоязычной и англоязычной (американской) лингвокультуре (см. таблицу). Так, в качестве маркеров-идентификаторов назовем следующие: многообразие используемых КТ в рамках каждой КС; явную речетактическую насыщенность интегративной КС аргументации (7 КТ) и дезинтегративной КС конфронтации (9 КТ); тяготение агентов внешнеполитических ведомств к использованию КТ ссылки на авторитет (КС аргументации) и КТ каузации (информирующая КС). Вместе с тем, при вполне соотносимой общей картине наличествуют некие тактико-стратегические предпочтения речевого «обрамления» акта коммуникации: в выступлениях Дж. Кёрби манипулятивная КС представлена большим количеством КТ (по сравнению с М.В. Захаровой, в высказываниях которой отсутствует КТ абсолютизации); КТ переадресации (информативная КС) и КТ отказа от действия (КС контроля над инициативой) характеризуются высокой частотностью использования соответствующих вербальных конструкций; речевые формулы КТ благодарности и КТ извинения (КС вежливости) не обнаружались, но явно вычленяется КТ самовосхваления как разновидность КС самопрезентации (отсутствующая у представителя МИД РФ)¹. Напротив, в речи М.В. Захаровой наблюдается большее разнообразие КТ при реализации побуждающей КС (КТ совета и КТ требования, не используемые Дж. Кёрби); в КС аргументации включается КТ противопоставления (как «мягкий вариант» демонстрации правильности идеологических позиций и установок МИД РФ); КС сотрудничества не только обширнее в вербальном воплощении, но и закрепляется использованием КТ предложения сотрудничества, отсутствующей у представителя Госдепартамента США.

Самым интересным (и значимым для компаративного описания) можно считать очевидное расхождение в способах экземплификации конфронтационной КС: высказывания официального представителя МИД России реализуют 7 различных КТ, включая градуированные виды речевых острот — открытая насмешка, ироническое замечание и язвительный сарказм (при этом отсутствует КТ угрозы), тогда как в выступлениях Дж. Кёрби наиболее частотными являются КТ осуждения, КТ обвинения, КТ угрозы и не выявляются КТ со значением упрека или осмеяния. Очевидно, что одинаковое именование данной КС (как, впрочем,

¹ Причем официальный представитель Госдепартамента использует такую КТ не только для возвеличивания своей страны, но и для самооценки, нарушая тем самым институциональность коммуникации.

и любой иной коммуникативной стратегии) не свидетельствует о ее идентичном семасиологическом воплощении в разнокодовых политических дискурсивных практиках. Соответственно, можно утверждать, что весь корпус интегративных и дезинтегративных коммуникативных стратегий и тактик в той или иной степени коррелирует с этноментальными установками универсума и не может истолковываться в единой «цельнополитической» системе координат. Более того, только выявление и описание сущностных особенностей лингво- и этнокультурных доминант разнообразнейших политических актов позволит определить устойчивые глубинные характеристики дискурсивного взаимодействия в рамках политического института в современном полилингвальном пространстве.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Политический дискурс как вид социальной коммуникации, бесспорно, в полной мере манифестирует культуру отдельного общества с его идеологическими установками, аксиологическими знаками, ментальными символами и др.: не случайно язык политики сегодня экстраполируется в бытийное и бытовое общение самых широких масс граждан. Причинами данного явления можно назвать различные факты современной общественной жизни: от интраязыковых — количественного и качественного усложнения сфер речевой коммуникации (в первую очередь, Интернета, специфика которого детерминирует создание новых видов текста и дискурса); расширения нормативных границ языка массовой коммуникации (вследствие разнообразия форм речевого поведения отдельных социальных групп); демократизации публицистического стиля (обусловленной широкой «миграцией» языковых конститuentов и некоей данью речевой моде) — до экстраязыковых — нестабильности мировой экономической сферы; глобализации и интеграции лингвокультурных составляющих каждого этноса, имеющих не только позитивные, но и внушительный ряд негативных аспектов; снижение образовательного уровня членов общества и др. Но главным фактором, безусловно, является значительное влияние субъектов политической деятельности на психологическую (и даже психическую) организацию конкретной личности, осуществляемое посредством умелого использования КС и КТ. Порождаемые в результате использования определенных стратегий и тактик производные значения на основе семантико-семиотических ассоциаций развиваются далее, постепенно переходят в смежные дискурсивные поля и, устанавливая новые смысловые связи, формируют сложнейшую по структуре текстовую/дискурсивную единицу, имеющую «многопластовый» семантический «заряд» и высочайший экспрессивно-эмоциональный потенциал.

Таким образом, политическая логосфера — не столько продукт деятельности общества, сколько его модификатор: она сама, пронизывая все пласты общечеловеческой логосферы, активно формирует речевую практику всех включенных в нее субъектов, их социально-иерархическую структуру и лингвоэтнический универсум в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- [1] Баранов А.Н., Казакевич Е.Г. Парламентские дебаты: традиции и новации. М.: Знание, 1991. 42 с.
- [2] Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. Волгоград: Перемена, 2000. 386 с.
- [3] Сорокин Ю.А. Политический дискурс: попытка истолкования понятия // Политический дискурс в России. М.: Ин-т языкознания РАН, 1997. С. 57–62.
- [4] Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса: дисс. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2001. 175 с.
- [5] Желтухина М.Р. Волюнтаривная функция комического в политическом дискурсе // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. Волгоград: Перемена, 2000. С. 71–79.
- [6] Паршина О.Н. Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России: дисс. ... д-ра филол. наук. Саратов, 2005. 315 с.
- [7] Graber D. Political Languages // Handbook of Political Communication. Beverly Hills, London: Sage Publications, 1981. P. 195–224.
- [8] Стернин И.А. Социальные факторы и публицистический дискурс // Массовая культура на рубеже XX–XXI вв.: Человек и его дискурс. М.: Азбуковник, 2003. С. 91–108.
- [9] Демьянков В.З. Интерпретация политического дискурса в СМИ // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. М.: Изд-во МГУ, 2001. С. 116–133.
- [10] Паршин П.Б. Исследовательские практики, предмет и методы политической лингвистики // Scripta linguisticae applicatae. Проблемы прикладной лингвистики / Ин-т языкознания РАН. М.: Азбуковник, 2001. С. 181–207.
- [11] Фелинский А.А. Критический анализ политического дискурса предвыборных кампаний 1999–2000 гг.: автореф. дисс. ... канд. филол. наук Тверь, 2002. 20 с.
- [12] Иванова Ю.М. Стратегии речевого воздействия в жанре предвыборных теледебатов: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2003. 19 с.
- [13] Боженкова Н.А. К вопросу о категориальных единицах современной политической логосферы // Русский язык и культура: проблемы преподавания в вузах Российской Федерации: материалы научно-практического семинара. Курск, 2008. С. 4–9.
- [14] Иссерс О.С. Что говорят политики, чтобы нравиться своему народу // Вестник Омского университета. Омск, 1996. Вып. 1. С. 71–74.
- [15] Гайкова О.В. Предвыборный дискурс как жанр политической коммуникации (на материале англ. яз.): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2003. 19 с.
- [16] Певнева И.В. Коммуникативные стратегии и тактики в конфликтных ситуациях общения обиходно-бытового и профессионального педагогического дискурсов русской и американской лингвокультур: дисс. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2008. 206 с.
- [17] Брифинг официального представителя МИД России М.В. Захаровой, Москва, 12 мая 2016 года [Электронный ресурс] // МИД РФ. Режим доступа: http://www.mid.ru/press_service/spokesman/briefings//asset_publisher/D2wHaWMCU6 Od/content/id/2276895
- [18] Брифинг официального представителя МИД России М.В. Захаровой, Сочи, 19 мая 2016 года [Электронный ресурс] // МИД РФ. Режим доступа: http://www.mid.ru/press_service/spokesman/briefings//asset_publisher/D2wHaWMCU6 Od/content/id/2287934
- [19] John Kirby, Spokesperson, Daily Press Briefing, Washington, DC, May 2, 2016 [Digital resource] // U.S. Department of State. Access mode: <http://www.state.gov/r/pa/prs/dpb/2016/05/256786.htm>
- [20] John Kirby, Spokesperson, Daily Press Briefing, Washington, DC, May 13, 2016 [Digital resource] // U.S. Department of State. Access mode: <http://www.state.gov/r/pa/prs/dpb/2016/05/257185.htm>
- [21] John Kirby, Spokesperson, Daily Press Briefing, Washington, DC, May 17, 2016 [Digital resource] // U.S. Department of State. Access mode: <http://www.state.gov/r/pa/prs/dpb/2016/05/257315.htm>

© Боженкова Н.А., Боженкова Р.К., Боженкова А.М., 2017

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 15.03.2017

Дата принятия к печати: 02.04.2017

Для цитирования:

Боженкова Н.А., Боженкова Р.К., Боженкова А.М. Современный политический дискурс: вербальная экземплификация тактико-стратегических предпочтений // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания.* 2017. Т. 15. № 3. С. 255—284. DOI: 10.22363/2313-2264-2017-15-3-255-284

Сведения об авторах:

Боженкова Раиса Константиновна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка МГТУ им. Н.Э. Баумана. *Сфера научных интересов:* лингвокультурология, общая теория дискурса, лингвистическая герменевтика, семантика, межкультурная коммуникация, фонетика и акцентология, стилистика, риторика, культура русской речи, лингвистические и методические аспекты РКИ. Автор более 300 научных публикаций. *Контактная информация:* электронный адрес: rkbozhenkova@mail.ru

Боженкова Наталья Александровна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего и русского языкознания ГИРЯ им. А.С. Пушкина. *Сфера научных интересов:* лингвистика текста, общая теория дискурса, психолингвистика, лингвокультурология, политическая лингвистика, социолингвистика и межкультурная коммуникация, стилистика, риторика, культура русской речи, лингвистические и методические аспекты русского языка в иноязычной аудитории (РКИ), русского языка и литературы в русской аудитории и др. Автор более 350 научных публикаций. *Контактная информация:* электронный адрес: natalyach@mail.ru

Боженкова Александра Михайловна, магистрант филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. *Сфера научных интересов:* политическая лингвистика, лингвокультурология, межкультурная коммуникация, перевод и переводоведение. Автор 20 научных публикаций. *Контактная информация:* электронный адрес: alexandra2911@mail.ru

ENG

INTRODUCTION

Political interaction as a communicative sphere, with struggle for power being its main theme and motive, became the focus of Russian scientific interest mainly in the mid-1980s. At that time, the coexistence of political elites ceased to be of a purely ritual character and transformed into one of the ways of society functioning¹. Today, the issues of correlation between language and power, language and ideology, the role of myth in political communication and language manipulation attract the attention of an increasing

¹ See R.M. Blakar, A.N. Baranov, O.P. Yermakova, B.A. Zilbert, Y.I. Levin, B.Y. Norman, Y.S. Stepanov and others.

number of linguists¹. This is largely due to the fact that politics (in contrast to other areas of human activity) has an inherently discursive character, while political actions are, as a rule, actions of speech.

Numerous attempts to give a correct definition to the concept of “**political discourse**” led to the emergence of multiple definitions. Thus, it can be defined as “the totality of all speech acts used in political discussions, as well as rules of public policy, documented by tradition and tested by experience” [1. P. 8], “a peculiar sign system in which the semantics and functions of diverse linguistic units and standard speech actions are modified” [2. P. 3], “a specific and explicitly pragmatic version of ideological discourse” [3. P. 57], or “one of the trends within applied linguistics, with the essence expressed by the formula “discourse = sublanguage + text + context” [4. P. 15]. Besides, in modern linguistics some researchers (A.P. Chudinov, M.M. Lazar, etc.) use the term “**political discourse**” as given **a priori**, while others (P.B. Parshin, Y.S. Stepanov, etc.) refuse to recognize its linguistic meaning, and still others (A.N. Baranov, Y.I. Sheigal, T.A. van Dyke, R. Vodak, etc.) use it as synonymous with the terms “**the language of politics**”, “**political language**”, “**political communication**”. From our point of view, political discourse represents speech activity in the spheres of political institutional communication determined by a certain social and role hierarchy and objectified in the form of politically oriented text units in their entire genre and functional diversity.

Political discourse has a number of constitutive features (systemic structure, pragmatic completeness, communicative certainty, absence of strict structural limitations) and is endowed with the same functions as discourse in general. These are namely informative, argumentative, persuasive, delimitative and classifying² functions [5]. To the listed functions, one should add those defined by D. Graber: “information dissemination”; “agenda setting”; “projection into future and past” [7. P. 198]. The latter characteristics, expanding their effect in the framework of political communication, determine the basic feature of political discourse, namely its application as an instrument of political power (struggle for power, mastery of power, its preservation, implementation, stabilization or redistribution).

One of the most important functions of political discourse in connection with the masses is to distribute information on the state of affairs in the political community. In most cases, people do not have direct access to the world of politics and their awareness in this area isn’t based on their own experience of political participation, but on the verbal “pictures” presented to them. These reports about current the state of affairs can acquire various formats: descriptions, opinions, comparisons and conclusions. They can be implemented in a wide variety of speech actions and genres, therein informal conversation, interviews, press conferences, messages to the congress, etc. Beside apparent, or explicit information, these messages may include an implicit-connotative informational level (emotive-coloured keywords which express basic political orientations and values, patriotic

¹ See A.G. Altunyan, A.N. Baranov, V.N. Bazylev, E.V. Budaev, I.T. Vepreva, I.O. Vorobyova, D.B. Gudkov, V.Z. Demyankov, V.I. Karasik, M.V. Kitaigorodskaya, N.A. Kupina, A.V. Olyanich, P.B. Parshin, M.R. Proskuryakov, A.P. Chudinov, Y.I. Sheigal, G. Lakoff, S.R. Anderson, W.L. Benoit, T.A. var Dijk, P. Drulak, A. Mussolt, R. Wodak, H. Клочко, E. Lassar, L. Wee and others.

² Other researchers, however, identify controlling, agonal, interpretative functions and the function of social identification [6].

symbols, euphemisms, etc.). Implicit information can be also conveyed through generalization, or “reading between the lines” tactics. Thus, the chronotope of a verbal act and paralinguistic components gain particular importance. Accordingly, the political world covers a wide range of phenomena. It includes political communities; political actors (agents), institutions and organizations; normative subsystems; traditions and rituals inextricably linked with the social, historical, cultural, psychological, ideological and other factors of society as well as with the cognitive system of the addressee; methods of political activity; media, etc. In the political discourse, all constituents of the social field are actualized. They can constitute the subject of communication (its referential aspect), act as elements of a pragmatic context, or describe a propositional field. Thus, the described set of functions of the political discourse, having an unconditional relationship with the basic functions of the discourse as a whole, distinguishes it from other types of discursive communication, which allows us to consider political discourse as a systemic phenomenon.

Beside the issues of the metalanguage description, a number of other unresolved problems are traced in the study of political discourse. One of them is characterizing politicians’ communicative behaviour in terms of speech impact: the need to study the language of political subjects is determined by both the increasingly expanding trend of “oralization” [8. P. 105] and the scientific significance of simulating mental structures of political communication participants. In this connection, a comparative study of linguistic facts representing strategic preferences of the Russian / American political elite is particularly interesting.

PURPOSE

The purpose of the research was to identify, compare and characterize subjects’ communicative strategies and tactics within contemporary political discursive practices, exemplified by various linguistic (Russian and English) systems.

METHODS AND MATERIALS

The methodological concept of the research was based on both humanitarian and heuristic methods (registration and instrumental methods, modeling method, taxonomic, dynamic and explanatory description), and methods of linguistics and linguoculturology, namely formalizing linguistic descriptions, contextual and categorical synchronous analysis, segmentation of verbal phenomena (facts) with their subsequent generalization, abstraction and characterization of underlying ethnic and mental essences, etc.

The material of the study was the scripts of briefings by the official representatives of the foreign policy departments in Russia and the US — the Director General of the Information and Press Department of the Russian Foreign Ministry, M. Zakharova, and US Department of State spokesman J. Kirby.

The choice of subjects of political communication was determined by two factors. The state foreign policy, taking into account the modern geopolitical situation, is attracting increasing interest of researchers, including linguists. The speeches of official representatives of foreign policy departments in many ways form a global political discourse, so their

analysis enables us to build a completely objective impression of the specifics of the use of various communicative strategies and tactics in various linguistic cultural universes.

Another criterion for the selection of the material was the thematic similitude of the speeches. However, the correlation of text units was complicated by inconsistency of speech formats, namely frequency of briefings (in Russia briefings are held weekly, while in the US they take place on a daily basis) and specifics of speech interaction (in Russian political tradition, the major part of the briefing is a monologue of the official representative of the Ministry of Foreign Affairs, while in the United States much more time is devoted to answering journalists' questions).

RESULTS

The undertaken comparative-typological description of verbal constructions, manifesting the framework of the most frequent communicative strategies and tactics within modern idiopolitical discursive acts, not only represents a certain model of the linguocultural structure in Russian and American political discourses (see Table), but it can also serve as a basis for creating a typed communicative portrait of a Russian/American politician. At the same time, comparing dominant features of certain communicative strategies and tactics in identical situations by persons performing similar social roles (according to their participation in political life) enables us to consider verbal communication in a certain social and psychological context as well as to reveal some general characteristics of Russian and American political discourses, determined by their unique structure, functions and other features of political communication as a whole.

DISCUSSION

Political discourse as a particular form of the institutional type of communication should (in contrast to the personal type) use a specific system of professionally oriented signs, that is, to have its own unique sublanguage (vocabulary, phraseology and paremiology). According to V.Z. Demyankov [9], the specificity of political language is conditioned by the following factors: frequent use of peculiar speech techniques; expanded thesaurus of precedent texts and utterances; terminological political vocabulary and marked linguistic signs (with respect to the ordinary language); individualized structure of political discourse, which is based on the original sounding or written form.

At the same time, a number of researchers deny the uniqueness and specificity of political discourse, emphasizing that its characteristic linguistic features are few in number and not easily identifiable, while its lexical and grammatical features, that allow researchers to consider political discourse as a specific phenomenon, “do not go beyond the corresponding languages” [10. P. 193].

Large-scale de-specialization in political communication is connected with the fact that politics is the only professional sphere, where communication is oriented toward a mass addressee. Political communication is not just mediated by the media, the media is the main medium of its existence. As a result, policy language is deprived of the corporate identity inherent in any specific language [4. P. 30]. Thus, P.B. Parshin does not consider the language of politics as a language itself, or at least not just a language. According to

him, the subject of political communication is a political discourse, defined as “the uniqueness of what, how, to whom and about what a subject of political action says” [10. P. 194], since the subject’s purpose is not simply “to describe (no reference), but to persuade the addressee by awakening his intentions, to give him ground for persuasion and induce him to act” [9. P. 118]. That is why the effectiveness of political discourse is conditioned by adequate planning of subject’s communicative behaviour and skilful implementation of this plan by using various speech strategies and tactics that actualize the natural potential of the language on the intellectual, emotional and volitional sphere of the addressee.

The tools of communicative strategies and tactics (hereinafter referred to as CS and CT, respectively) presented in political linguistics, despite academic unanimity concerning the main function of political interaction, are variable. Researchers identify veiling CS, depersonalizing CS and mystifying CS [2]; reificating CS, delegitimizing CS and amalgamating CS (the so-called «we»-discourse) [11]; varying, additive and introductory CS [12]; various invective CS [13; 14]; argumentative and manipulative CS [15], etc.

Undoubtedly, the classification of verbal constructions that manifest various CSs can be based on any of an impressive number of criteria (or several of them) which are clearly identified as categorical attributes of imperative and political acts. These are the mechanisms of organization; linguistic level of structural components; frequency of implementation of particular verbal units; intonation conditionality of their semantic plan; genre and composition of discourse practice; the number of objects in the act of communication (mass or individual orientation), etc. However, from our point of view, it is necessary to designate the factor of author’s awareness, or reflexivity, of building and usage of an appraisal-manipulative language construction as a basic attribute, as in this case we are dealing with a strictly organized illocutionary act actualizing certain intentions.

In this regard to build a taxonomy as a basic antinomy, the fundamental pragmatic ground common for the political sphere as a whole, namely the communicants’ endeavour to cooperate¹, has been embraced. This has resulted in the division of all CSs into **integrative** and **disintegrative**, in the framework of which communicative tactics have been grouped thematically, i.e. in accordance with the communicative goal they pursue. The framework of integrative strategies includes 6 CSs (strategy of politeness, strategy of cooperation, strategy of argumentation, strategy of compromise, strategy of emotional alignment and strategy of information). The framework of disintegrative strategies counts 5 CSs (strategy of control over initiative, strategy of self-presentation, motivating strategy, manipulative and confrontational strategies). The total number of communicative tactics includes 55 units (27 and 28 CTs respectively, see Table 1).

The proposed classification has become the basis for the linguopragmatic analysis of verbal formulas² that comprise the idiolitical discourse of modern foreign policy.

¹ In this regard we agree with I. Pevneva [16].

² The scope of this article does not allow us to give examples of the implementation of all CT, so we presented those most frequently features in the speeches of M. Zakharova and J. Kirby.

Integrative CSs

1. CS of politeness:

— CT of apology:

MZ¹ — «*Once again begging your pardon for lyrical digression*»; «*I am sorry for being this meticulous, but this is highly important*»;

JK — no examples.

— CT of gratitude:

MZ — «*We are very grateful for this and totally understand that accomplishing this psychological and professional feat you basically count on protection from the foreign policy department*»;

JK — no examples.

2. CS of emotional alignment:

— CT of compliment:

MZ — «*He is an outstanding ambassador and a person, who not only for his duty, but also for the human sake cares for the Russian-Armenian relations and their further development in the interests of the people in both countries*»;

JK — «*... to provide a more secure environment for all of its citizens, one that nurtures the spirit of the people of Bangladesh and the pride with which they guard their own traditions of tolerance, peace, and diversity*».

— CT of compassion:

MZ — «*I express my deep condolences to the countries and people directly affected by this tragedy*»;

JK — «*We share in the grief that they have had to endure*».

3. CS of cooperation:

— CT of participation display:

MZ — «*The issue of possible medical evacuation is being worked through between Russian and Egyptian specialists. Their decision will determine the exact time the girl returns to Russia. The work is under way*»;

JK — «*That is exactly the message that the Secretary sends when he speaks to foreign leaders about freedom of expression issues and press freedom issues*».

— CT of proposing a solution:

MZ — «*We are convinced that the movement towards peace and stability in Northeast Asia should be of a reciprocal and mutual nature and be carried out with the active participation of all parties present in the region. This approach, as we have repeatedly said, would create conditions for the normalization of the DPRK's bilateral relations with China, the United States and Japan and initiate practical work on the formation of multilateral mechanisms for ensuring security and cooperation in this region on an equal and non-discriminatory basis for all participants*»;

JK — «*... good governance. We've said that many, many times. That's the way to sustain a defeat of Daesh*».

¹ Hereinafter: MZ — statements by Maria Zakharova (quotes given in [17; 18]); JK — John Kirby, (quotes given in [19–21]).

— CT of proposing cooperation:

MZ — «*The Russian side is invariably ready for the closest interaction with all interested states in the interests of ensuring peace and stability in this region, achieving a political and diplomatic settlement of the nuclear problem on the Korean Peninsula*»;

JK — no examples.

4. CS of information:

— CT of a direct answer:

MZ — «*No, I couldn't*»;

JK — «*So if you're asking me can they, absolutely they can*».

— CT of causation:

MZ — «*The delays in the movement of the UN convoys are mostly caused by shelling by illegal armed groups and the fear in this regard for the lives of UN personnel*»;

JK — «*... we also ... know that Iran is a state sponsor of terrorism and that they have continued to support this particular group which is a designated foreign terrorist organization. And that is exactly why ... he raised very specifically our continued concerns about what Iran is doing in the region*».

— CT of informing:

MZ — «*On May 12, terrorists from Jabhat al-Nusra and its allied forces attacked the Alawi village of Zara in the province of Khama. Perhaps you know that they staged mass slaughter, sparing no children, women or old people. According to various reports, from 70 to 100 civilians were killed or tortured to death in Zara. Many women and young girls were kidnapped or taken to slavery*»;

JK — «*The U.S. and our coalition partners conducted another 59 airstrikes and six artillery strikes against Daesh targets in northern Iraq and Anbar province just over this weekend*».

— CT of redirection:

MZ — «*... it is available on the official website of the Russian Foreign Ministry*»;

JK — «*That's really for Prime Minister Modi and his staff to speak to*».

5. CS of compromise:

— CT of compliance:

MZ — «*As you correctly said about the essence of the meeting, it is about continuing the discussion of the issue that is on the agenda of bilateral relations*»;

JK — «*I recognize that*»; «*We fully agree*».

— CT of a compromise answer:

MZ — no examples;

JK — «*I would just say that I don't think you're going to see the Secretary — the Secretary's interest or energy diminished at all for as long as he is Secretary of State with respect to trying to get to a two-state solution*».

6. CS of argumentation:

— CT of generalization:

MZ — «*...we and the whole world are certainly involved in what is happening in Ukraine now*»;

JK — «*It's that important to us. It's that important to the region, certainly to many other nations around the world*».

— CT of drawing an analogy:

MZ — «*On the example of a number of countries we can see, how difficult it is to restore the situation and bring it to the previous level if mutual trust has been undermined*»;

JK — «*And look, I mean, even here in the United States there's political tensions, right?*»

— CT of example:

MZ — «*... a large conference has been convened in Moscow*»; «*... for example, European institutions*»;

JK — «*... you remember back when the cessation was first agreed to after Munich, we saw a dramatic decrease in attacks on civilians and on the opposition*».

— CT of opposition:

MZ — «*Suffice it to recall for how many years we've been convinced that the accession to NATO of the states of Eastern Europe and the Baltics will improve our bilateral relations, relieve them of the phobias of the "heavy historical heritage" and create the "belt" of countries friendly to Russia in the alliance. In fact, however, the expansion of the bloc only aggravated the syndrome of "front-line states"*»;

JK — no examples.

— CT of reference to an authority:

MZ — «*Official representatives dealing with issues of military-technical cooperation (MTC) gave clear and absolutely exhaustive formulations*»;

JK — «*And then I'd point you back to what the President said during his visit to India in 2015, where he reaffirmed that the U.S. view was that India, quote, "meets missile technology control regime requirements and is ready for NSG membership"*».

— CT of describing positive prospects:

MZ — «*This will allow the newly formed unified bodies of state power to start functioning in full, that is to begin restoring order and law in the country, and first of all to neutralize the activity of terrorists who are present in large numbers in Libya*»;

JK — «*... the members of the ISSG would work together and in unison to help create the conditions for which — or under which those airdrops can be successful*».

Desintegrative CSs

1. Manipulative CS:

— CT of shifting focus of a:

MZ — «*Let me please reformulate your question a little and answer how we generally see the settlement of Nagorno-Karabakh issue*»;

JK — «*These are decisions that the — this is a French initiative and decisions that the French are making*».

— CT of denial:

MZ — «*You are very much mistaken when you say this is not a problem. Problems arise here, too*»;

JK — «*I know we don't believe that Pakistan hates the United States. Pakistan is a partner here in the effort to go after extremists there in the region*».

— CT of absolutisation:

MZ — no examples;

JK — «*... nobody's arguing that the political process hasn't struggled*».

— CT of assessment:

MZ — «*We can state that it is gratifying that the alarming forecasts of possible violations of the UN Security Council resolutions by the DPRK during the Seventh Congress of the Korean Workers' Party have not been justified*»;

JK — «*It was a positive meeting and a step in the right direction*»; «*And they do that job masterfully and very competently*».

2. Confrontational CS:

— CT of remark:

MZ — «*We believe that unreasonable and politically biased criticism of Russia does not correspond to the UN level*»; «*Unfortunately, you were inattentive while reading what Russian Foreign Minister Sergey Lavrov said in an interview to the Swedish newspaper "Dagens Nyheter"*»;

JK — «*... it hasn't always been evident that they have been willing to use that influence in the most constructive way*».

— CT of reproach:

MZ — «*All these years OHCHR preferred to ignore the recommendations and comments in this regard by numerous international human rights structures and institutions*»; «*You should know that this city was not named Dnieper, but Ekaterinoslav*»;

JK — no examples.

— CT of condemnation:

MZ — «*According to them, today Ankara "shows the whole world an example of how to treat refugees" (but you know, this is not the way refugees should be treated) and "opens up new opportunities and new prospects for them". No one would desire such prospect*»;

JK — «*... the United States strongly condemns the barbaric terrorist attacks in Iraq today that deliberately and specifically targeted civilians*».

— CT of accusation:

MZ — «*In fact, Ankara confirmed its unwillingness to take part of the blame for what has happened, given that it was Ankara's treacherous and vile actions that led to the downing of the aircraft and thereby caused the death of a Russian pilot*»;

JK — «*And it is in keeping with what we've seen as a pattern out of the regime to target innocent people*».

— CT of threat:

MZ — no examples;

JK — «*... there's going to be a limit to the international community's patience for persistent and consistent violations of the cessation*».

— CT of mockery:

MZ — «*It is necessary to know this, otherwise you just look stupid and seem to be some kind of "zombie ignoramus"*»; «*Honestly, after these decisions, which are absolutely divorced from historical realities, I started worrying for the possibility of shortening other names as well, like Kherson, Zaporozhye and Saakashvili*»;

JK — no examples.

— CT of irony:

MZ — «*After all, these deputies, as they call themselves...*»; «*...let's call it "the new Ukrainian democracy"*»;

JK — no examples.

— CT of sarcasm:

MZ — «*That means that there was no problem of the Crimean-Tatar people for 20 years. It just appeared now*»; «*What is the essence of the question? When journalists talk about the Mirotvorets website, it seems to me it is time for all of us to start adding at least “the so-called” to the title “Mirotvorets”*»;

JK — no examples.

3. CS of control over initiative:

— CT of choosing a speech object:

MZ — «*Let us start with something really important*»; «*Let me please make a digression*»;

JK — «*Are we on Syria? I want to stay on Syria right now*».

— CT of refusal to act:

MZ — «*We can not speak about this in full since we are talking about personal data and moreover about a child*»;

JK — «*... I'm really not at liberty to discuss this*».

— CT of setting up and maintaining the contact:

MZ — «*I am ready to answer all your questions, if you have any*»; «*Yes, please*»;

JK — «*Happy Friday!*»; «*I'm in favor of it*».

— CT of ceasing the contact:

MZ — «*See you in Sochi*»;

JK — «*Gotta go, thank you*».

4. CS of self-presentation:

— CT of competence display:

MZ — «*We know that elections have been held in Taiwan and tomorrow the inauguration ceremony of the new leaders of the local administration takes place*»;

JK — «*I've seen reporting on that*»; «*I'm aware...*».

— CT of positive characterization:

MZ — «*We act openly. The main features of the Russian approach are openness and logics*»; «*We do not approach this issue from the standpoint of double standards and justify our position in either case*»;

JK — no examples.

— CT of self-praise:

MZ — no examples;

JK — «*I say this as not just the spokesman for the department, but the assistant secretary of state for public affairs*».

5. Motivating CS:

— CT of advice:

MZ — «*We highly recommend you to make them public, because it is extremely important*»;

JK — no examples.

— CT of appeal:

MZ — «*In the light of the catastrophic consequences of the military operation for the population, once again we call upon the official Ankara to return to peaceful methods of settling the Kurdish question as soon as possible*»;

JK — «*... any reconciled group must end the violence, break associations with international terrorism, and accept Afghanistan's constitution*»;

— CT of demand:

MZ — «*We also strongly demand and actively work in the direction of blocking the remaining funding channels for these groups*»;

JK — no examples.

This linguo-pragmatic analysis allows us to formulate a number of statements describing the general and specific features of political discursive practices in the Russian-speaking and English-speaking (American) linguistic cultures (see Table). Thus, the identifying features are the variety of CTs used within each CS; apparent diversity of the integrative CS of argumentation (6 CTs) and disintegrative CS of confrontation (8 CTs); subjects' tendency to use CT of reference to an authority (CS of argumentation) and CT of causation (CS of information). At the same time, despite a highly correlated systemic structure, there are certain tactical and strategic preferences of the «speech framing» within communication acts. In J. Kirby's speeches, the manipulative CS is represented by a large number of CTs (compared with M. Zakharova's, whose statements lack CT of absolutisation); CT of redirection (CS of information) and CT of refusal to act (CS of control over initiative) are characterized by frequent usage of appropriate verbal structures; speech formulas of CT of gratitude and CT of apology (CS of politeness) haven't been revealed, but CT of self-praise is clearly identified as a type of CS of self-presentation¹ (this CT is absent from Russian Ministry of Foreign Affairs representative).

M. Zakharova's statements, on the contrary, comprise a greater variety of CTs within motivating CS (CT of advice and CT of demand, which are not used by J. Kirby); CS of argumentation includes CT of opposition (as a “soft option” to underline the correctness of ideological views of the Russian Foreign Ministry); the CS of cooperation is more extensive in its verbal embodiment and is also underpinned by the use of CT of proposing cooperation, which is absent from the speeches made by the representative of the US Department of State.

The most interesting (and significant for the comparative description) is the apparent discrepancy in the ways of exemplification of the confrontational CS. The statements by the official representative of the Russian Ministry of Foreign Affairs include 7 different CTs with graduated types of verbal acuity (an open mockery, an ironic remark and acrimonious sarcasm while CT of threat is not used), whereas J. Kirby's speeches frequently comprise CT of condemnation, CT of accusation, CT of threat and no CT of reproach or mockery. Obviously, the identical name of this CS (as, indeed, of any other communicative strategy) does not indicate its identical semasiological embodiment in different political discursive practices. Accordingly, the entire framework of integrative and disintegrative communicative strategies and tactics correlates, in varying degrees, with ethnic and mental attitudes of the universe and can't be interpreted in a single political coordinate system. Besides, only identification and description of the essential features of linguistic and ethno-cultural dominants in diverse political acts can make it possible to determine the stable, in-depth characteristics of discursive interaction within the political institution in the modern multilingual space.

¹ The US Department of State representative uses this CT not only to praise his country, but also for self-assessment that violates the conditions of communications.

REFERENCE

- [1] Baranov A.N., Kazakevich Y.G. Parliamentary debates: traditions and innovations. Moscow: Znaniye, 1991. 42 p. (In Russ.)
- [2] Sheigal Y.I. Semiotics of the political discourse. Volgograd: Peremena, 2000. 386 p. (In Russ.)
- [3] Sorokin Y.A. Political discourse: attempt to interpret the concept. Political discourse in Russia. Moscow, 1997. (In Russ.)
- [4] Sheigal Y.I. Semiotics of the political discourse: thesis for a degree of Doctor of Philology. Volgograd, 2001. 175 p. (In Russ.)
- [5] Zheltukhina M.R. Voluntative function of the comic in political discourse. Linguistic personality: institutional and personal discourse. Volgograd: Peremena, 2000. P. 71–79. (In Russ.)
- [6] Parshina O.N. Strategies and tactics of speech conduct of the Russian political elite: thesis for a degree of Doctor of Philology. Saratov, 2005. 315 p. (In Russ.)
- [7] Graber D. Political Languages. Handbook of Political Communication. Beverly Hills, London: Sage Publications, 1981. P. 195–224.
- [8] Sternin I.A. Social factors and political discourse. Mass culture on the edge of XX–XXI centuries: Human and his discourse. Moscow: Azbukovnik, 2003. P. 91–108. (In Russ.)
- [9] Demyanenko V.Z. Interpretation of political discourse in mass media. The language of mass media as an object of interdisciplinary research. Moscow: Izdatelstvo MGU, 2001. P. 116–133. (In Russ.)
- [10] Parshin P.B. Research practice, concept and methods of political linguistics. Scripta linguisticae applicatae. Problems of applied linguistics. Institute Yazykoznaniya RAN. Moscow: Azbukovnik, 2001. P. 181–207. (In Russ.)
- [11] Felinski A.A. Critical analysis of political discourse of election campaigns 1999–2000: abstract from the thesis for the degree of Candidate of Philology. Tver, 2002. 20 p. (In Russ.)
- [12] Ivanova Y.M. Strategies of speech impact in the genre of pre-election debates: abstract from the thesis for the degree of Candidate of Philology. Volgograd, 2003. 19 p. (In Russ.)
- [13] Bozhenkova N.A. The issue of category units in contemporary political logosphere. The Russian language and culture: problems of teaching in Russian universities: materials of the scientific and practical seminar. Kursk, 2008. P. 4–9. (In Russ.)
- [14] Issers O.S. What politic figures say to endear themselves to the people // Vestnik Omskogo universiteta. Omsk, 1996. Vol. 1 P. 71–74. (In Russ.)
- [15] Gaikova O.V. Election discourse as a genre of political communication (on the basis of the English language): abstract from the thesis for the degree of Candidate of Philology. Volgograd, 2003. 19 p. (In Russ.)
- [16] Pevneva I.V. Communicative strategies and tactics in conflict situations in common and professional pedagogical discourses in Russian and American linguistic cultures: thesis for the degree of Candidate of Philology Kemerovo, 2008. 206 p. (In Russ.)
- [17] Maria Zakharova, the Russian Ministry of Foreign Affairs official spokesperson. Briefing. 12. May 2016, Moscow [Digital resource]. Ministry of Foreign Affairs of Russia. Access mode: http://www.mid.ru/press_service/spokesman/briefings//asset_publisher/D2wHaWMCU6Od/content/id/2276895
- [18] Maria Zakharova, the Russian Ministry of Foreign Affairs official spokesperson. Briefing. 19. May 2016, Sochi [Digital resource]. Ministry of Foreign Affairs of Russia. Access mode: http://www.mid.ru/press_service/spokesman/briefings//asset_publisher/D2wHaWMCU6Od/content/id/2287934
- [19] John Kirby, Spokesperson, Daily Press Briefing, Washington, DC, May 2, 2016 [Digital resource]. U.S. Department of State. Access mode: <http://www.state.gov/r/pa/prs/dpb/2016/05/256786.htm>
- [20] John Kirby, Spokesperson, Daily Press Briefing, Washington, DC, May 13, 2016 [Digital resource]. U.S. Department of State. Access mode: <http://www.state.gov/r/pa/prs/dpb/2016/05/257185.htm>

- [21] John Kirby, Spokesperson, Daily Press Briefing, Washington, DC, May 17, 2016 [Digital resource]. U.S. Department of State. Access mode: <http://www.state.gov/r/pa/prs/dpb/2016/05/257315.htm>

© Bozhenkova N.A., Bozhenkova R.K., Bozhenkova A.M., 2017

Article history:

Received: 15.03.2017

Accepted: 02.04.2017

For citation:

Bozhenkova N.A., Bozhenkova R.K., Bozhenkova A.M. (2017) Modern political discourse: verbal exemplification of tactical and strategic preferences. *RUDN Journal of Russian and Foreign Languages Research and Teaching*, 15 (3), 255—284. DOI: 10.22363/2313-2264-2017-15-3-255-284

Bio Note:

Raisa K. Bozhenkova, Ph.D. in Philology, Distinguished Professor, Professor at the Department of the Russian Language, Bauman Moscow State Technical University. *Fields of research*: linguoculturology, general discourse theory, linguistic hermeneutics, semantics, cross-cultural communication, phonetics and accentology, stylistics, rhetoric, Russian speech culture, linguistic and methodological aspects of Russian as a Foreign Language. Professor Bozhenkova has authored over 300 scientific publications. *Contact information*: e-mail: rkbozhenkova@mail.ru

Natalia A. Bozhenkova, Ph.D. in Philology, Distinguished Professor, Professor at the Department of General and Russian Linguistics, Pushkin State Russian Language Institute. *Fields of research*: text linguistics, general discourse theory, psycholinguistics, linguoculturology, political linguistics, social linguistics and cross-cultural communication, stylistics, rhetoric, Russian speech culture, linguistic and methodological aspects of the Russian Language in a foreign society, linguistic and methodological aspects of the Russian Language and Literature in the Russian society. Professor Bozhenkova has authored over 350 scientific publications. *Contact information*: e-mail: natalyach@mail.ru

Alexandra M. Bozhenkova, Master of Arts, Graduate student, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University. *Fields of research*: political linguistics, linguoculturology, cross-cultural communication, translation, interpretation and correlating studies. A.M. Bozhenkova is the author of 20 scientific publications. *Contact information*: e-mail: alexandra2911@mail.ru

DOI 10.22363/2313-2264-2017-15-3-285-298

УДК 81:39-81'373

ФРАЗЕОЛОГИЯ КАК КУЛЬТУРНЫЙ КОД ПОЗНАНИЯ И ДУХОВНОЕ НАСЛЕДИЕ ПРЕДКОВ

Л.Ю. Буянова

Кубанский государственный университет
ул. Ставропольская, 149, Краснодар, Россия, 350040

Данная статья посвящена актуальной проблеме современной лингвистики — изучению фразеологии как когнитивно-семиотического «слоя» русской лингвокультуры, в единицах которого органично сопряжены разнофакторные знания о жизни народа и его духовном наследии. Цель статьи — показать когнитивную и функционально-семантическую уникальность русских фразеологических единиц (ФЕ) как культурно-конфессиональных маркеров и операциональных единиц, посредством которых формируется русская фразеологическая картина мира. Материалом статьи послужили различного типа ФЕ, извлеченные методом сплошной выборки из авторитетных фразеологических словарей и сборников русских пословиц и поговорок. Ключевым выступает описательный метод, применялись также методы когнитивного анализа, семантического моделирования, интерпретационный анализ. Впервые анализ ФЕ выполняется в рамках нового направления современной лингвокультурологии, разрабатываемого автором, — **лингвоконфессиологии**, а ФЕ интерпретируется как культурно-конфессиональный знак, как сложный **фразеоконфессионим**. Данный аспект исследования позволяет сделать актуальный вывод о том, что ФЕ представляют собой этнокультурно и **конфессионально** маркированную знаковую структуру как результат членения и категоризации мира. Результатом авторских наблюдений стало выводное знание о том, что во фразеологическом ярусе национального языка представлен во всей полноте и уникальности образ национальной души, раскрыта цивилизационная эволюция самого этноса и его нравственно-духовные и конфессиональные ценности, стереотипы, опыт, мудрость; разработана и имплицитно выражена национальная программа обустройства своего мира и жизни.

Ключевые слова: фразеологическая единица, базовые ценности, конфессиональная культура, менталитет, фразеологическая картина мира, код познания, православная этика, языковая концептуализация, лингвоконфессиология

ВВЕДЕНИЕ

Исследование фразеологической системы национального языка в современной гуманитарной парадигме предусматривает охват самых разнообразных модусов ее репрезентативной семантики, прагматики, семиотики и функциональности. Когнитивная фразеология как актуальное направление лингвистики XXI-го века характеризуется усилением внимания к таким аспектам фразеологических единиц различных типов, как сложность когнитивной организации, специфическая корреляция гносеологического, семантико-смыслового, ассоциативно-образного, этического и духовно-религиозного механизмов объективации знания о мире,

полученного человечеством в процессе длительного исторического цивилизационного развития.

Особый акцент в статье сделан на **лингвоконфессиональном** аспекте фразеологического знака, так как, несмотря на сравнительно длительную историю изучения ФЕ в триаде «религия — язык — человек» (Л.П. Крысин, О.А. Прохвятилова, В.И. Постовалова, Л.Л. Григорьева, Н.Б. Мечковская и др.), специфика фразеологических единиц как лингвоконфессиональных репрезентант, как лингвоконфессиональных маркеров еще не затрагивалась в современной лингвистической парадигме знания. В то же время сегодня как никогда актуальны исследованием онтологии и корреляции таких взаимосвязанных и взаимообусловленных феноменов, как **язык и конфессия**: религия народа репрезентирована в рамках определенной конфессии, без чего она не может существовать, таким образом, любая конфессия — всегда религиозна.

Лингвоконфессиональный подход к дальнейшему изучению специфики ФЕ, как видится автору, позволит сегодня именно через комплексное исследование языка той или иной **конфессии** осознать, понять и принять ее религиозно-культурную эксклюзивность и универсальность (например, **православие — ислам; православие — протестантизм; ислам — иудаизм** и т.д.), воплощающуюся не только лингвистически, но и экстралингвистически.

ЦЕЛЬ

Цель данной статьи — выявить и показать когнитивную и функционально-семантическую уникальность русских фразеологических единиц как культурно-конфессиональных маркеров и операциональных единиц, посредством которых формируется русская фразеологическая картина мира.

МЕТОДЫ И МАТЕРИАЛЫ

Методы и материал исследования обусловлены направлением научного поиска и определяются поставленной целью и задачами. Посредством метода *когнитивного анализа* устанавливалась специфика фразеологических единиц как маркеров определенного фрагмента знания о мире; выявлялись базовые семантико-смысловые страты/компоненты ФЕ, отражающие опыт и результат познавательной деятельности носителей национального языка. Посредством *интерпретационного анализа* исследовались ассоциативно-образные и символичные аспекты содержательной структуры различных ФЕ, отражающие их этнокультурную и лингвоконфессиональную специфику. Традиционный *описательный метод* способствовал интеграции и репрезентации полученных результатов.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Интерпретация русской фразеологии как ментально-оценочной отражательной системы и духовного наследия предков обусловлена ее онтологическими и фенотипическими свойствами, которые также влияют на формирование семантической структуры фраземы и закрепление речевого смысла ФЕ. В этой динами-

ческой, постоянно развивающейся системе когнитивные механизмы, направление, основные способы и средства фразеологической концептуализации мира определяются в том числе этнокультурной, ментальной, религиозной, духовно-нравственной, конфессионально-вероисповедальной, социально-исторической самобытностью и спецификой каждого из этапов общего цивилизационного процесса, а также национальными социокультурными установками и ценностями. По наблюдениям автора, результаты фразеологической концептуализации — фразеологические единицы различных типов — отражают в языковой форме комплексную систему ценностей, выполняя функцию национально-репрезентативных операторов и лингвоконфессиональных маркеров русской народной аксиосферы.

ОБСУЖДЕНИЕ

Фразеологизм как языковой знак и явление культуры — уникальная репрезентативная единица кода экспрессивно-образной номинации, имеющая особую когнитивную организацию, характеризующаяся специфической корреляцией гносеологического, семантико-смыслового, ассоциативно-образного, этического, этнического, конфессионального и прагматического аспектов. В этом плане фразеологизмы могут интерпретироваться как ключевые знаки культуры, формирующие и отражающие ее народно-мировоззренческую основу [1. С. 46].

Сложность дефинирования фразеологических единиц отражает когнитивно-ментальную сложность и многогранность самого данного лингвистического конструкта. Идиоматичность издавна признавалась важнейшим дифференциальным признаком ФЕ: 1) «Идиомы — это такие неразделимые фразеологические сочетания, смысл которых зависит от всего целого и которые обычно не переводятся дословно на другие языки» [2. С. 81]; 2) «Идиоматические словосочетания (идиомы) — это своеобразные выражения определенных языков, являющиеся по своему употреблению цельными и едиными по смыслу, обыкновенно не поддающиеся точной передаче на другие языки и требующие при переводе замен сходной стилистической окраски» [3. С. 32—33]; 3) «Готовое целое выражение с известным и данным заранее значением называется фразеологическим оборотом, или идиомом» [4. С. 100]; 4) «Все лексикализованные сочетания — идиоматичны» [5. С. 9]; «К идиомам относятся как лексикализованные сочетания, так и отдельные слова, употребляемые в переносном значении» [6. С. 97] и др. (классический период развития фразеологии). Отметим, что в постклассический и современный периоды развития фразеологической науки в понятийно-терминологическом аппарате отечественной фразеологии наблюдаются определенные эволюционные изменения, например: 1) происходит усложнение семантического критерия ФЕ; 2) идиоматичность перестает считаться автономным свойством ФЕ; 3) определяется новый формальный критерий ФЕ — сверхсловность; 4) расширяются и уточняются уже известные дифференциальные признаки ФЕ и формулируются новые; 5) ФЕ интерпретируется как когнитивный знак; 6) утверждается дискурсивность как один из важнейших признаков ФЕ; 7) рассматривается возможность трактовки ФЕ как концепта; 8) ФЕ характеризуется как фразеоконфессионализм.

Н.Ф. Алефиренко отмечает, что «в начале 70-х годов во фразеологии, как и в других дисциплинах европейского языкознания, завершается структурно-системный период с преобладанием в нем эмпирических и классифицирующих методов. На смену ему пришла антропоцентрическая фразеология» [7. С. 22].

Автору импонирует не потерявшая своей актуальности и релевантности точка зрения В.Н. Телии, которая считает, что термин «**фразема**» представляет собой единицу описания «всех идиоматичных сочетаний, эквивалентных слову. Фраземы представляют собой сложные структуры, специфику которых определяют элементы, подвергшиеся в составе фраземы опрощению» [8. С. 189]. «Термин “фразема” содержит в себе следующую совокупность признаков: 1) глобальную идиоматичность для явлений семантического порядка, т.е. наличие единичного перевода (или переводов) для всех компонентов фраземы; 2) отсутствие противопоставления грамматической формы компонентов фраземы другим элементам парадигмы, которыми мог бы обладать этот компонент в том же окружении, если бы он входил в регулярную модель; 3) наличие такого типа отношений между компонентами, которые не могут быть преобразованы согласно общим правилам моделирования структур синтаксического уровня» [8. С. 197]. В основе всех семантико-прагматических модификаций ФЕ лежит процессуальность фразеологического переосмысления.

Фразеологическое переосмысление есть результат взаимодействия интра- и экстралингвистических факторов, один из фразеомобразовательных механизмов. Согласно Н.Ф. Алефиренко, «отражательно-репрезентативные функции» фразеологической семантики вызваны к жизни «потребностями переосмысления и вторичной языковой объективации ранее познанного. В результате такого переосмысления происходит семантическое преобразование языковых единиц, обозначающих переосмысляемые явления окружающего мира» [9. С. 32]. В основе денотативного аспекта значения ФЕ лежит смена денотата исходного сочетания и перенос его свойств на новый денотат, вызванные полным или частичным семантическим переосмыслением этого сочетания. Полное переосмысление, сопровождающее образование идиом, основывается на каком-либо из видов тропа, на алогизме или широко известном в данной культуре речении.

Постепенно с пониманием уникальности ФЕ как семиотической и этнокультурной структуры акцент в современных исследованиях фразеологизмов (в самом широком понимании этого термина) стал смещаться в сторону их изучения в аспекте этнокультурной и лингвоконфессиональной специфики. Такой подход обусловлен тем фактом, что фразеологические единицы каждой лингвокультуры репрезентируют уникальный для каждого народа конфессиональный и этнокогнитивный опыт, являя собой особый код познания, который аккумулирован в содержании различных устойчивых выражений. В этом аспекте ФЕ представляют собой этнокультурно и конфессионально маркированную знаковую структуру как результат членения и категоризации мира носителями различных национальных языков.

Фразеологизмы и поговорки разных языков, выступая этнокультурными маркерами, формируют этнокогнитивную картину мира, в которой находит свое отражение специфика национальной культуры, уникальность ее образов, ассоци-

аций, традиций, символов, стереотипов и ментальных установок. Н.Н. Семененко отмечает, что «одной из наиболее острых дискуссионных проблем современной когнитивной паремиологии является вопрос об этноязыковой специфике и культурной универсальности единиц косвенно-производной номинации...» [10. С. 5].

Фразеологизмы выступают в качестве когнитивного средства **образного** отражения мира как результата его познания человеком, вбирая в себя мифологические, религиозные, нравственные, этические представления народов разных эпох и поколений. Фразеологический состав языка представляет собой непосредственный компонент культуры народа, отражающий особенности его духовного склада [11. С.72].

Фразеология национального языка есть его культураносный «слой», объективирующий уникальную систему ценностных и духовно-нравственных доминант социума. Мысль о том, что в каждом языке репрезентируется определенный, специфичный для него способ категоризации и концептуализации мира, а направленность и специфика самой концептуализации культурно, ментально и социально детерминированы, относится к наиболее актуальным положениям современной лингвистики [см. работы: Н.Ф. Алефиренко, Ю.Д. Апресян, Н.Д. Арутюнова, Ш. Балли, Ю.Н. Караулов, Е.С. Кубрякова, В.И. Постовалова, Э. Сепир, Б.А. Серебренников, Ю.С. Степанов, И.А. Стернин, Б.Л. Уорф, И.П. Хуыз, В.М. Шапкин и др.]. В настоящее время данная проблема стала основой ряда инновационных исследований, а реконструкция целостной картины мира по данным языка представляет собой одну из ключевых задач когнитивной лингвистики, этнолингвистики, теоретической семантики, фразеологии и фразеографии, межкультурной коммуникации и ряда иных направлений. Одним из таких направлений сегодня выступает **лингвоконфессиология**, в рамках которой ФЕ интерпретируется как культурно-конфессиональный знак, как сложный **фразеоконфессионим**.

Универсализму религиозной картины мира противопоставлена семиотико-языковая специфичность **конфессиональной** картины мира (ККМ) (например, в семиотике ислама отсутствует знак **креста**, важнейший в семиотике православия, и др.).

Выделяют следующие универсальные свойства религиозной картины мира и формирующиеся на их основе концепции:

1) теоцентризм, согласно которому Бог — центр, фокус философских и религиозных представлений, несотворенное бытие (все остальное — результат творения);

2) креационизм — учение о творении мира по Слову из ничего; творение происходит как эманация Бога, творящая новые сущности, не сливающиеся с Богом;

3) провиденциализм — предназначенность человека к сверхъестественной судьбе, понимание истории как осуществление заранее предусмотренного Богом плана спасения человека;

4) эсхатологизм — учение о конце мира и наступлении «царства божьего» [12].

На современном этапе развития лингвистики и когнитивной фразеологии актуальность изучения национальных картин мира (НКМ), в том числе и фразеологической КМ, в рамках именно **лингвоконфессионального подхода** значительно возрастает. Такая ситуация обусловлена тем, что в условиях глобализации акти-

визировалось осмысление того факта, что в каждой из НКМ хранятся и передаются все новым поколениям носителей родного языка сокровенные смыслы, символы и значения семиотических систем, запечатлено на века духовное наследие предков. Во фразеологическом ярусе национального языка представлен во всей полноте и уникальности образ национальной души, раскрыта цивилизационная эволюция самого этноса и его нравственно-духовные и конфессиональные ценности, стереотипы, опыт, мудрость; разработана и имплицитно выражена национальная программа обустройства своего мира и жизни [13]. Как одно из лингвокультурологических направлений, лингвоконфессиология органично включает в себя все релевантные аспекты исследования специфики языковой репрезентации феноменов **язык и культура, язык и религия, язык и конфессия**. Важно понимание того, что национальные языки могут быть разными, но общая конфессиональная культура обуславливает наличие в них общих базовых ценностей, представленных в лингвоконцептах, в конфессиональных концептах, конфессиональных маркерах и в других ментально-языковых конструктах. Так, культурной доминантой **православия** и православной этики (русский, украинский, белорусский языки) выступают религиозный концепт «*Душа*» и «*Любовь*» («*Бог есть Любовь*»); ключевыми понятиями **протестантизма** (английский, немецкий и другие языки) — концепты «*Труд*» («*Бог труды любит*»), «*Профессионализм*» и «*Успех*» и др. Каждый национальный язык не только закрепляет, аккумулирует и хранит в своих единицах главные постулаты, заповеди и установки определенной конфессии, но и способствует тому, что все они воспроизводятся в **конфессиональной памяти** и менталитете народа из поколения в поколение. Например, английская пословица «*Лучше десять завистников, чем один сострадалец*» отражает аспектность протестантской этики, главное в которой — добросовестный труд как высшая добродетель. *Завистники* выступают мощным стимулом к тому, чтобы добросовестным трудом добиться успеха в жизни. Русская поговорка «*Не имей сто рублей, а имей сто друзей*» выступает конфессиональным маркером православия, репрезентируя *дружбу* как духовную ценность, стоящую выше материального блага. Арабская пословица «*Дом с детьми — базар, дом без детей — могила*» посредством противопоставления ключевых лексем «**базар**» и «**могила**» отражает ценностные установки ислама: главное в жизни и в иерархии ценностей ислама — это семья, в которой обязательно есть дети как символ будущего. Аналогично этому *семья* как высшая ценность представлена и в русской фразеологической картине мира, выступая отражением православной культуры: «*Вся семья вместе — так и душа на месте*». Конфессиональный маркер православия — лексема «*душа*» — сопряжена в едином когнитивном узле с понятием семьи.

Языковая концептуализация православия как духовного наследия предков ярко проявляется в системе таких русских ФЕ, в состав которых входят православноориентирующие лексемы-маркеры *Бог, Богородица, Дух Святой, душа, грех, терпение, молитва, милость, вера, надежда, любовь, совесть, милосердие, миролюбие, нравственность, благо* и др. Например: *Бог помочь; Божья душа; Милостивому человеку и Бог подает; Терпенье — лучшее спасенье; Не потерпев, не спасешься; В мире жить — с миром жить; Где любовь, тут и Бог; Любящих и Бог любит; Вера и гору с места сдвинет; Жив Бог — жива душа моя* и многое др. [14; 15].

Центральным этическим понятием многих конфессий выступает понятие *греха*, которое В.А. Маслова и другие ученые относят к ключевым концептам русской культуры [16]. Ю.С. Степанов, конкретизируя тему словарной статьи «Грех», связывает ее с концептом «Тоска»: «Концепт «Тоска» в связи с понятиями **греха и искупления**» [17. С. 890] (выделено авт. — Л.Б.). Таким образом, уже в самой формулировке темы сопряжены два базовых христианских понятия. Актуальна следующая мысль ученого: еще до того, как С. Кьеркегор, теолог протестантизма, занялся анализом этого концепта, последний уже был предметом размышлений отцов Восточной церкви. Св. Иоанн Дамаскин в «Точном изложении православной веры» посвятил этому понятию целый раздел [17].

В русском менталитете, отраженном в том числе и в семантике ФЕ, актуальна не столько связь данного понятия с определенным религиозным содержанием, сколько его морально-нравственная наполненность и общечеловеческая значимость.

Как уже отмечалось, паремии так же, как и фразеологизмы, следует считать богатейшим источником культурно-национальной интерпретации действительности, так как они содержат обширные сведения о мировидении народа. Паремии обнаруживают «глубинное родство с концептами русской культуры, характеризуя поразительную ментальную «гибкость» русского народа» [18. С. 102]. Пословицы и поговорки не только отражают народную мудрость, духовно-ценностную картину мира россиян, но и в назидательно-афористической форме репрезентируют «сумму активных и пассивных знаний о внешнем порядке вещей и внутреннем мире человека» [19. С. 101]. Русские паремии, являясь специфическими единицами культурного кода познания, характеризуются высокой метафоричностью, образностью, афористичностью, чему способствует их двуплановость, своеобразный синтез прямого и переносного смыслов.

Когнитивно-семиотическое пространство русской фраземики и паремиологии фиксирует и отражает определенные аспекты **авторитарной этической системы**, характерной для русского народного конфессионально-культурного сознания. Например, фрагменты этой системы репрезентированы в следующих паремиях: 1) *Един Бог безгрешен; Один Бог без греха* и др. (констатация абсолютной безгрешности Бога как высшей власти и силы, непричастности Бога ко Злу); 2) *Все Адамовы дети; Грешна душа — во что Бог поставит; Все одного отца детки; Рожденные во плоти причастны к греху* и др. (констатация онтологической греховности каждого человека, так как все люди — суть потомки грешного Адама и несут на себе тяжесть его греха); 3) *Не лекарь спасает, а Бог; Одно спасенье: пост да молитва* и др. (констатация того, что только покайся, только признав над собой власть Божью возможно искупить вину перед Господом) [20].

В многогранной русской народной культуре, отраженной в языке, представлены также аспекты и **гуманистической этики**, для которой характерно признание того, что законодателем, приверженцем и исполнителем морально-этических и нравственных норм выступает сам человек. Представители гуманистического взгляда на этические законы и нормы (Сократ, Ницше) убеждены, что врожденной вины у человека нет, что он рождается духовно и нравственно чистым и непорочным. Причинами грехов выступают собственная духовная слабость, слабо-

волие, неумение и нежелание противостоять различным соблазнам, человеческая лень вообще. Черты гуманистической этики в русском фразеологическом континууме репрезентированы следующими устойчивыми единицами: 1) *Грешному путь вначале широк, да после тесен; Не поддавайся черту, так ему и власти нет над тобой; Грехи не пироги, пережевав не проглотить* и др. [20] (констатация права и возможности самостоятельного выбора человеком между Добром и Злом; права и возможности свободного выбора человеком собственного жизненного пути); 2) *Грех сладок — человек падок; Ангел помогает, а бес подстрекает; Мы люди темные; не знаем, в чем грех, в чем спасение* и др. [20] (констатация того, что человек грешит по своей воле, слабости и неразумности; что грехи его есть его вина, что он является первопричиной своих грехов); 3) *Все на свете по грехам нашим дается; Чья беда, того и грех; Чья душа во грехе, та и в ответе* и др. [20] (констатация того, что наказание дается человеку за его собственные грехи, за неумение и нежелание поступать праведно).

По данным русской фразеологии, для православного человека **грех** — это *отказ от Бога, любая неправда, ябедничество, брань, божба, воровство*. В форме назидания в пословицах и поговорках проводится мысль о том, что грешно браниться, многое обещать, обижать людей, говорить плохое о ком или о чем-либо, давать/брать клятву, ходить без денег в церковь. Бедность также считается грехом, к тому же с оценкой «нет хуже». Это обусловлено тем, что именно *бедность* часто подталкивает человека к воровству, убийству, обману, являясь их причиной или следствием лени, нежелания трудиться.

Анализ паремий показывает, что богатство и деньги русским народным самосознанием в целом осуждаются. **Богатство** считается «великим» грехом перед Богом, если оно нажито нечестным способом. В деньгах же, по данным паремиологического и фразеологического фонда, православный народ видит корень зла: деньги искушают человека, толкают на преступление, помогают избежать справедливого наказания: *Богатство перед Богом великий грех, а бедность — перед людьми; Казенное (Казна) на грех наводит; Лучше жить бедняком, чем разбогатеть со грехом* [15].

Еще одним важнейшим фрагментом фразеологической картины мира, репрезентирующим особенности национального мировидения и духовного наследия предков, выступает континуум фразеологических и паремических единиц, обладающих **цветовой символикой**. Это определяется тем, что восприятие цвета и его оценка представляют собой достаточно субъективные явления, связанные не только с оптическими характеристиками самих оттенков цвета, но и с психофизиологическими процессами, происходящими при этом. Но наряду с субъективным восприятием цвета индивидуумом существует и интерсубъективность в отношении к различным цветам. В этом случае мы имеем дело с символикой цвета [21. С. 136]. Л.А. Голубь приходит к выводу о необходимости выделения **национальной цветовой картины мира**, поскольку этнокультурный компонент в развитии цветоименований детерминирован национальной культурной моделью. По мнению исследователя, этническое своеобразие цветовой картины мира составляют промежуточный предмет-эталон цветообозначения и символика, которая полностью зависит от культурной традиции [22. С. 22].

Способность отдельных цветов выступать в качестве символа чего-либо связана с особенностями взаимодействия цвета с сознанием и ощущениями человека. Существует мнение, согласно которому различные цвета выполняют информативную функцию в окружающей среде и поэтому стали общими символами для репрезентации различных понятий, феноменов и явлений. Цветовая символика обладает способностью меняться от языка к языку, отражая присущие только определенному языковому коллективу ассоциативно-образные связи системы денотатов, традиций, обычаев, условий жизни и др. Большое значение в становлении **символьной** системы цветообозначений имеет потребность человека в обозначении разных групп тонов, связанная с частотой проявления оттенков цветов в окружающей природе и с практическими нуждами языкового коллектива. Лексемы-цветообозначения, лексемы-колоризмы, выражающие актуальные «жизненные» понятия, выступают стержневым компонентом многих фразеологических выражений, в силу чего такие ФЕ характеризуются символичностью, образностью, эмоционально-экспрессивной окрашенностью, оценочностью, способностью транслировать новое культурное знание. Каждая культура, по мнению Н.В. Серова, имеет свой цвет. Изучение фразеологических оборотов с компонентом цветообозначения показывает, что не только лингвистические факторы определяют роль цветообозначений. Семантика названий цвета зависит и от ряда экстралингвистических факторов: от культурных традиций, уклада, нравов и обычаев народа, особенностей национальной психологии и сознания, а также от различных событий, фактов объективной действительности. Поэтому участие цветообозначений во фразеологизмах нельзя считать произвольным. Связь с действительностью в них может оказаться противоречивой и сложной, но она всегда налицо [23]. Цветовое восприятие объектов окружающего мира, являясь важным аспектом познавательной деятельности человека, находит свое отражение в лексической и фразеологической системах языка. Возникновение фразеологических единиц связано с появлением метафорических значений у слов-цветообозначений, на что решающее влияние оказывает символика цвета [24].

Фразеологизмы с компонентами-колоризмами выступают эффективным средством категоризации и вербализации мира, отражая в символической форме результаты познавательной и абстрагирующей деятельности человеческого мышления. Например, в русской лингвокультуре ФЕ с компонентом «**белый**» в образно-символьном ключе репрезентируют следующие объекты познания: 1) **Человека** — *Белая ворона; Белая кость; Белый негр* и др.; 2) **Болезнь** — *Белая горячка*; 3) **Документ** — *Белый билет*; 4) **Природные явления и феномены** — *Белые мухи; Белый свет; Белое золото*; 5) **Состояние и эмоции человека** — *Доводить/довести кого-л. до белого каления; Света белого не видеть* и др. Примеры взяты из работ [14; 25].

В системе русских устойчивых сравнений (УС) лексема «**белый**» часто используется при описании цвета лица человека, испытывающего **сильный страх, волнение или болезненное состояние**: *Белый как бумага; Белый как мел; Белый как мука; Белый как полотно; Белый как стена/стенка* [26. С. 32–33].

ФЕ с компонентом «**черный**» в образно-символьном ключе репрезентируют следующие объекты познания: 1) **Человека** — *Черная душа; Черная кость; Черная сотня; Черный клобук* и др.; 2) **Болезнь, нездоровье** — *Черная немочь; Черная смерть*;

3) **Неудачный, несчастливый период жизни, время, трагическое событие** — *Черная полоса; Черный понедельник; Черная пятница; (На) черный день; Черный год* и др.; 4) **Отношение к человеку** — *Держать в черном теле; Черная неблагодарность; Рисовать черными красками*; 5) **Состояние и эмоции человека** — *Чернее ночи (тучи)* и др. Примеры взяты из работ [14; 25].

ФЕ с компонентом «золотой» в образно-символьном ключе репрезентируют следующие объекты познания: 1) **Человека** — *Золотая голова; Золотая молодежь; Золотое сердце; Золотые руки; Золотых дел мастер; Золотой мешок* и др.; 2) **Счастливым период в жизни, счастливое время** — *Золотая пора; Золотая свадьба; Золотое время; Золотой век* и др.; 3) **Материальные ценности, деньги, богатство** — *Золотые горы; Золотой дождь; Золотой телец; Золотое дно; Золотой фонд* и др.; 4) **Действия, поступки** — *Купаться в золоте; Осыпать золотом; Золотить/Позолотить пилюлю* и др. Примеры взяты из работ [14; 25]. Подобной символикой обладают многие русские ФЕ с компонентами «красный», «голубой», «розовый», «синий», «серый» и др.

Таким образом, следует признать, что русские «цветовые» ФЕ отражают оценивание и **оценку** национальным менталитетом тех или иных предметов, объектов, поступков, событий, явлений, состояний, отношений и др. по градационной шкале «хорошо-плохо», «хороший-плохой» в образной форме показывая тем самым, как надо и нужно поступать, а как — плохо и нельзя.

Дальнейшее исследование лингвоконфессиональной специфики ФЕ как знака культуры и духовно-конфессионального маркера этноса является весьма перспективно: 1) необходимо установить семантико-смысловые акценты содержательной структуры ФЕ национальных языков, репрезентирующих конфессиональные ценности и константы; 2) актуально сопоставительное изучение **фразеоконфессионализма** языков мировых конфессий — английского, французского, немецкого, арабского, китайского и др.; 3) перспективны исследования фраземики в рамках лингвоконфессиологии для выявления и описания универсальных и эксклюзивных параметров **фразеологических лингвоконфессиональных (ЛК) картин мира** (православной ЛККМ, исламской ЛККМ, протестантской ЛККМ, буддистской ЛККМ, ЛККМ иудаизма и др.).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Фразеологизмы представляют собой уникальное когнитивное средство **образного** отражения мира как результата его познания человеком, вбирая в себя мифологические, религиозно-конфессиональные, нравственные и этические представления народа. Фразеология национального языка есть его культураносный «слой», объективирующий оригинальную систему ценностных и духовно-нравственных доминант социума. Русские ФЕ характеризуются как **национальные стереотипы** народной культуры, так как их когнитивная, семиотическая, образно-ассоциативная и денотативно-ситуативная мотивированность определяются менталитетом и мировосприятием самого народа. Формируясь на основе оценочного и образно-экспрессивного представления действительности, фраземы отражают и выражают обиходно-эмпирический, исторический и духовный опыт языкового коллектива, обусловленный традициями и спецификой его культуры

в целом. Именно поэтому представляется возможным трактовать фразеологическую картину мира как **национальную** в самом широком понимании: в ней в ассоциативно-образной форме репрезентируются общие представления людей, относящихся к одному этносу, о мире и своем месте в нем; их тождественные реакции на типичные ситуации; во многом похожие оценки и суждения.

Носители русского языка, формируясь в течение всей жизни в процессах воспитания и образования как языковые личности, опираясь на фразеологический фонд родного языка, постепенно «встраивают» — посредством речезыковой и коммуникативной деятельности — в свою когнитивную систему культуруносную информацию о нормах и традициях общечеловеческих взаимоотношений, принятых в данном этносе. Русская фразеология, таким образом, — своеобразный **код познания**, предметом которого, в свою очередь, выступает человек как носитель и выразитель конфессионально-духовных и культурных ценностей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- [1] *Буянова Л.Ю., Коваленко Е.Г.* Русский фразеологизм как ментально-когнитивное средство языковой концептуализации сферы моральных качеств личности. М.: Флинта; Наука, 2012. 184 с.
- [2] *Будагов Р.А.* Очерки по языкознанию. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1953. 279 с.
- [3] *Булаховский Л.А.* Введение в языкознание. Ч. II. М.: Учпедгиз, 1954. 175 с.
- [4] *Финкель А.М., Баженов Н.М.* Современный русский литературный язык. Киев: Радянська школа, 1954. 540 с.
- [5] *Реформатский А.А.* Введение в языкознание. М.: Учпедгиз, 1955. 402 с.
- [6] *Реформатский А.А.* Введение в языкознание. М.: Учпедгиз, 1960. 432 с.
- [7] *Алефиренко Н.Ф.* Фразеология в свете современных лингвистических парадигм. М.: ЭЛПИС, 2008. 272 с.
- [8] *Телия В.Н.* О термине «фразама» // Проблемы лингвистического анализа. М.: Наука, 1966. С. 186—199.
- [9] *Алефиренко Н.Ф.* Фразеология в системе современного русского языка. Волгоград: Перемена, 1993. 149 с.
- [10] *Семенов Н.Н.* Русские пословицы: функции, семантика, прагматика. Старый Оскол: РОСА, 2011. 353 с.
- [11] *Жуков В.П.* Семантика фразеологических оборотов. М.: Просвещение, 1978. 160 с.
- [12] *Атеистический словарь.* М.: Политиздат, 1986. 512 с.
- [13] *Буянова Л.Ю.* Лингвоконфессиология в системе современной гуманитарной гносеосферы: методологический инструментарий и понятийный аппарат // Мова: науково-теоретичний часопис з мовознавства. № 21. Украина, Одесса: Астропринт, 2014. С. 23—27.
- [14] *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. М.: Русский язык, 1989. 2289 с.
- [15] *Зимин В.И., Спиринов А.С.* Пословицы и поговорки русского народа. Объяснительный словарь. М.: Скуита, 1996. 544 с.
- [16] *Маслова В.А.* Лингвокультурология. М.: Академия, 2001. 183 с.
- [17] *Степанов Ю.С.* Константы: Словарь русской культуры. М.: Академия, 2001. 990 с.
- [18] *Семенов Н.Н.* Русская пословица как объект лингвокультурологического анализа // Фразеология-2000. Тула: Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л.Н. Толстого, 2000. С. 101—103.
- [19] *Фархутдинова Ф.Ф.* Роль пословиц в лингвокультурологических исследованиях // Фразеология-2000. Тула: Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л.Н. Толстого, 2000. С. 100—101.
- [20] *Пословицы русского народа: сборник пословиц В.И. Даля: в 3-х т. М.: Русская книга, 1993. Т. 1. 637 с.*

- [21] Фрумкина Р.М. Цвет, смысл, сходство: аспекты психолингвистического анализа. М.: Наука, 1984. 175 с.
- [22] Голубь Л.А. Сквозные мотивы языковой картины мира (на примере лексико-семантического поля «Цвет» в английском и русском языках): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2006. 19 с.
- [23] Серов Н.В. Цвет культуры. СПб.: Речь, 2003. 672 с.
- [24] Серов Н.В. Эстетика цвета. Методологические аспекты хроматизма. СПб.: ФПО-ГОО «БИОНТ», 1997. 64 с.
- [25] Фразеологический словарь русского языка / под ред. А.И. Молоткова. М.: Русский язык, 1978. 543 с.
- [26] Лебедева Л.А. Устойчивые сравнения русского языка: тематический словарь. М.: Флинта; Наука, 2013. 316 с.

© Буянова Л.Ю., 2017

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 02.03.2017

Дата принятия к печати: 10.04.2017

Для цитирования:

Буянова Л.Ю. Фразеология как культурный код познания и духовное наследие предков // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2017. Т. 15. № 3. С. 285—298. DOI: 10.22363/2313-2264-2017-15-3-285-298

Сведения об авторе:

Буянова Людмила Юрьевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего и славяно-русского языкознания ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»; основатель научной школы «Функциональная терминологическая дериватология и семиотика языка науки». Академик АПСН РФ (Академии педагогических и социальных наук РФ); член-корреспондент РАЕН (Российской академии естественных наук); профессор РАЕ (Российской академии естествознания); Член РоссТерма. Ветеран труда. Сфера научных интересов: фразеология, лингвоконфессиология и лингвоконцептология, когнитивная дериватология, терминологическая деривация языка науки, лингвистика предметной области, языковая концептуализация и категоризация, эмотивность и эмоциогенность языка, семиотика. Автор более 390 научных публикаций, в том числе 2 словарей, 8 монографий, 12 глав в десяти коллективных монографиях. Контактная информация: электронный адрес: lub_prof@mail.ru

PHRASEOLOGY AS A CULTURAL COGNITION CODE AND SPIRITUAL HERITAGE OF OUR PREDECESSORS

L.Y. Buyanova

Kuban State University
Stavropolskaya str., 149, Krasnodar, Russia, 350040

The article is devoted to the actual topic of modern linguistics — the problem of studying phraseology as cognitive and semiotic layer of Russian linguistic culture. Its units naturally combine information

about different aspects of folk life and its spiritual heritage. The aim of the article is to show cognitive, functional and semantic specificity of Russian idioms as cultural and confessional factors and operational units which form Russian phraseological world view. The material of the article are phraseological units taken with the help of continuous sampling method from established phraseological dictionaries and collections of Russian sayings and idioms. The key method of the article is the descriptive method, but we have also used cognitive analysis, semantic modelling, interpretative analysis. It is for the first time when the analysis of phraseological units is used in a new branch of cultural linguistics — linguoconfessiology, while the phraseological units are considered as cultural and confessional marker, as a complex phraseoconfessionism. This aspect allows us to conclude that phraseological units are ethno- and confessionally marked structures and the result of world decomposition and categorization. The result of the research is the conclusion that phraseological layer of a national language presents fully and in a unique way the image of a national soul, shows civilization development of the ethnos and its ethical and confessional values, stereotypes, experience, wisdom, works out and implicitly presents the national way of world and life arrangement.

Key words: phraseological unit, basic values, confessional culture, mentality, phraseological world picture, cognition code, Orthodox ethics, verbalization, linguoconfessiology

REFERENCES

- [1] *Bujanova L.Ju., Kovalenko E.G.* Russkij frazeologizm kak mental'no- kognitivnoe sredstvo jazykovoj konceptualizacii sfery moral'nyh kachestv lichnosti. M.: Flinta; Nauka, 2012. 184 s. (In Russ.)
- [2] *Budagov R.A.* Oчерki po jazykoznaniju. M.: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1953. 279 s. (In Russ.)
- [3] *Bulahovskij L.A.* Vvedenie v jazykoznanie. Ch. II. M.: Uchpedgiz, 1954. 175 s. (In Russ.)
- [4] *Finkel' A.M., Bazhenov N.M.* Sovremennyj russkij literaturnyj jazyk. Kiev: Radjans'ka shkola, 1954. 540 s. (In Russ.)
- [5] *Reformatskij A.A.* Vvedenie v jazykoznanie. M.: Uchpedgiz, 1955. 402 s. (In Russ.)
- [6] *Reformatskij A.A.* Vvedenie v jazykoznanie. M.: Uchpedgiz, 1960. 432 s. (In Russ.)
- [7] *Alefirenko N.F.* Frazeologija v svete sovremennyh lingvisticheskikh paradig. M.: JeLPIS, 2008. 272 s. (In Russ.)
- [8] *Telija V.N.* O termine «frazema» // Problemy lingvisticheskogo analiza. M.: Nauka, 1966. S. 186–199. (In Russ.)
- [9] *Alefirenko N.F.* Frazeologija v sisteme sovremennogo russkogo jazyka. Volgograd: Peremena, 1993. 149 s. (In Russ.)
- [10] *Semenenko N.N.* Russkie paremii: funkcii, semantika, pragmatika. Staryj Oskol: ROSA, 2011. 353 s. (In Russ.)
- [11] *Zhukov V.P.* Semantika frazeologicheskikh oborotov. M.: Prosveshhenie, 1978. 160 s. (In Russ.)
- [12] *Ateisticheskij slovar.* M.: Politizdat, 1986. 512 s. (In Russ.)
- [13] *Bujanova L.Ju.* Lingvokonfessiologija v sisteme sovremennoj gumanitarnoj gnoseosfery: metodologicheskij instrumentarij i ponjatijnyj apparat // Mova: nauko- teoretichnij chasopis z movoznavstva. № 21. Ukraina, Odessa: Astroprint, 2014. S. 23–27. (In Russ.)
- [14] *Dal V.I.* Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo jazyka: V 4-h t. M.: Russkij jazyk, 1989. 2289 s. (In Russ.)
- [15] *Zimin V.I., Spirin A.S.* Poslovicy i pogovorki russkogo naroda. Objasnitelnyj slovar. M.: Sjuita, 1996. 544 s. (In Russ.)
- [16] *Maslova V.A.* Lingvokul'turologija. M.: Akademija, 2001. 183 s. (In Russ.)
- [17] *Stepanov Ju.S.* Konstanty: Slovar russkoj kultury. M.: Akademija, 2001. 990 s. (In Russ.)
- [18] *Semenenko N.N.* Russkaja poslovica kak ob'ekt lingvokul'turologicheskogo analiza // Frazeologija–2000. Tula: Izd-vo Tul. gos. ped. un-ta im. L.N. Tolstogo, 2000. S. 101–103.
- [19] *Farhutdinova F.F.* Rol paremij v lingvokul'turologicheskikh issledovanijah // Frazeologija–2000. Tula: Izd-vo Tul. gos. ped. un-ta im. L.N. Tolstogo, 2000. S. 100–101. (In Russ.)
- [20] *Poslovicy russkogo naroda: sbornik poslovic.* V.I. Dalja: V 3-h t. M.: Russkaja kniga, 1993. T. 1. 637 s. (In Russ.)

- [21] *Frumkina R.M.* Cvet, smysl, shodstvo: aspekty psiholingvističeskogo analiza. M.: Nauka, 1984. 175 s. (In Russ.)
- [22] *Golub L.A.* Skvoznye motivy jazykovej kartiny mira (na primere leksiko-semantičeskogo polja «Cvet» v anglijskom i ruskom jazykah): avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. M., 2006. 19 s. (In Russ.)
- [23] *Serov N.V.* Cvet kultury. SPb.: Rech, 2003. 672 s. (In Russ.)
- [24] *Serov N.V.* Jestetika cveta. Metodologičeskie aspekty hromatizma. SPb.: FPO-TOO «BIONT», 2003. 64 s. (In Russ.)
- [25] *Frazeologičeskij slovar' russkogo jazyka / Pod red. A.I. Molotkova.* M.: Russkij jazyk, 1978. 543 s. (In Russ.)
- [26] *Lebedeva L.A.* Ustojčivye sravnenija russkogo jazyka: tematičeskij slovar. M.: Flinta; Nauka, 2013. 316 s. (In Russ.)

Article history:

Received: 02.03.2017

Accepted: 10.04.2017

For citation:

Buyanova L.Y. (2017) Phraseology as a cultural cognition code and spiritual heritage of our predecessors. *RUDN Journal of Russian and Foreign Languages Research and Teaching*, 15 (3), 285—298. DOI: 10.22363/2313-2264-2017-15-3-285-298

Bio Not:

Lyudmila Buyanova, Dr. Sc. in Philology, Professor, Federal State Budgetary Educational Establishment of Higher Education «Kuban State University»; General and Slavic Russian Linguistics Department; Professor. Founder of the scientific school «Functional Terminological Derivatology and Semiotics of the Language of Science». Academician of APSN of the Russian Federation (Academy of Pedagogical and Social Sciences of the Russian Federation); Corresponding Member of the Russian Academy of Natural Sciences (RANS); Professor RAE (Russian Academy of Natural Sciences); Member of RossTerm. Veteran of Labour. *Research interests:* phraseology, linguo-confessionology and linguoconceptology, cognitive derivatology, terminological derivation of the language of science, linguistics of the subject domain, linguistic conceptualization and categorization, emotivity and emotiogeneity of language, semiotics. Author of more than 390 scientific publications, including 2 dictionaries, 8 monographs, 12 chapters in 10 collective monographs. *Contact information:* e-mail: lub_prof@mail.ru

DOI 10.22363/2313-2264-2017-15-3-299-316

УДК 81'367,633

ПРЕДЛОГ: БОЛЬШИЕ ПРОБЛЕМЫ МАЛЕНЬКОЙ ЧАСТИ РЕЧИ

Е.Н. Виноградова, Л.П. Клобукова

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Ленинские горы, 1, стр. 51, Москва, Россия, 119991

Изучение современного морфологического облика категории предлога актуально для грамматических и лексикографических описаний русского языка, а также для прикладных дисциплин, связанных с преподаванием русского языка и автоматическим переводом. Цели статьи: сопоставление опубликованных в последние десятилетия лексикографических работ, посвященных предлогам; выявление основных проблем, встающих перед исследователями данной части речи сегодня, и поиск путей их решения.

Материалом для сравнения послужили реестры предлогов, выделенные в пяти словарях и специальных изданиях, опубликованных в XXI в. В результате сопоставительного анализа данных работ были выявлены три основные проблемы, стоящие перед исследователями предлогов в настоящее время: «разплывчатость» объема понятия предлог; субъективность отнесения языковых единиц к предлогам; «размытость» границ между предлогами и наречиями.

В статье предложены следующие пути решения указанных проблем:

- 1) поиск объективных критериев отнесения языковых единиц к предлогам;
- 2) использование «осторожных» терминов при номинации данных единиц;
- 3) представление категории предлога в виде функционально-грамматического поля.

Ключевые слова: предлог, предложная единица, функционально-грамматическое поле предлога, грамматикализация, эквивалент слова

ВВЕДЕНИЕ

Предлог как часть речи, начиная с середины прошлого века, является объектом пристального внимания русистов. Еще в 1947 г. В.В. Виноградов [1. С. 533] отмечал, что «категория предлогов в русском языке быстро растет за счет главным образом наречий, имен существительных и деепричастий...». И действительно, сегодня, спустя 70 лет, исследователи включают в число предлогов все большее количество единиц. Если в «Русской грамматике-80» (РГ-80) [2] перечислено 210 предлогов, то в книгах М.Г. Лепнева [3; 4] их около 600. Конечно, подобное увеличение можно было бы объяснить появлением новых предлогов, предсказанным В.В. Виноградовым, однако ситуация представляется более сложной.

Сопоставление реестров предлогов, выделяемых в различных лингвистических изданиях, демонстрирует значительные несовпадения. Так, целый ряд лексем фиксируется как предлоги только в некоторых работах. Например, *без ведома* [4–6], *без разрешения* [6; 7], *без ущерба для* [4; 8], *без сопровождения* [2; 8], *в ипотаси* [2; 4; 8], *во вред* [7; 8], *в окружении* [6; 7], *в опоре на* [4; 7] и многие др. Представляется, что на сегодняшний день морфологический облик предлога как часть

речи весьма размыт. Вновь, как и в 1947 г., исключительно актуальным становится высказывание В. В. Виноградова о том, что «характеристика этих процессов — смешения предлогов, изменения их функций, количественного роста предложных конструкций — должна быть предметом особого самостоятельного исследования» [1. С. 550].

ЦЕЛЬ

В последние десятилетия исследованию эволюции категории предлога были посвящены отдельные главы в монографиях Е. С. Шереметьевой, З. Д. Поповой, А. С. Цоя и А. В. Солоницкого [9—12]. В конце прошлого века вышли сводные таблицы служебных частей речи [5], в которых были собраны все предлоги из наиболее авторитетных словарей и справочников того периода. Цели данной статьи: сопоставление опубликованных в последние десятилетия лексикографических работ, посвященных предлогам, выявление основных проблем, встающих перед исследователями данной части речи сегодня, а также поиск путей их решения.

МЕТОДЫ И МАТЕРИАЛЫ

В статье анализируется материал, представленный в словарях [3; 4; 6; 7; 13; 14], сводных таблицах [5] и монографиях [8—10; 15].

Подчеркивая большую актуальность предпринятого исследования, отмечаем, что «портретирование» современного состояния предлога как части речи актуально для грамматики и лексикографии русского языка; оно имеет важное практическое значение для преподавания русского языка (в том числе, русского языка как иностранного), а также для улучшения современных систем автоматического перевода.

Традиционно считалось, что предлоги занимают незначительную часть лексикона — по любым подсчетам они составляют меньше процента словарного состава русского языка. Так, в первой грамматике собственно русского языка «Grammatica Russica» Г. Лудольфа (1696) [16] выделено 24 предлога. М. В. Ломоносов [17] через 50 лет также приводит список из 24 прямых предлогов. Но сопоставление даже этих двух реестров вскрывает целый ряд проблем. Дело в том, что количество предлогов, выделяемых русским и немецким учеными, совпадает, однако списки лексем оказались неидентичными (табл. 1).

Подобное несоответствие обусловлено несколькими факторами. Прежде всего, российский ученый, в отличие от Г. Лудольфа, не разграничивает предлоги и приставки, и потому в его реестре наличествуют *возь, вы, низь, разь* (сюда же, по видимому, можно отнести и *пре*), обязательное слитное написание которых он отмечает. Помимо этого, Г. Лудольф включает в свой реестр предлоги *кромѣ, околѣ, после, прежде, противѣ и черезъ*, М. В. Ломоносов же выносит подобные единицы из группы простых предлогов, называя их в ряду слов, которые одновременно выполняют функции предлогов и наречий: *прежде, внутри, внѣ, блиско, противу, около, подлѣ, чрезъ, сквозь, послѣ, мимо, кромѣ* и проч. Он пишет: «Это суть купно наречия и предлоги, ибо говорим: *прежде времени, внутри дома, внѣ храма, блиско или близъ рѣки, противъ горы, подлѣ берега, черезъ ровъ, сквозь двери, послѣ бури, мимо дѣла, кромѣ или опрѣчь товарища, позади церкви*. Здесь видим силу предлогов. Но

в я былъ прежде здоровъ, останься внутри или внѣ, не подходи блиско, вооружень противу, обойди около, не стой подлѣ, другъ прошолъ мимо, сквозь пробитья, перелестъ черезъ, притти послѣ, Онъ идетъ позади наречия находим» [17. С. 552]. Наконец, предлоги *безъ* и *опричь* выделяются только в “Grammatica Russica”, а *межь*, *надъ*, *ради* только в «Россійской грамматике». Если добавить к сопоставлению «предлоги-наречия», то общее количество предлогов, названных в грамматиках М.В. Ломоносова и Г. Лудольфа, составит **38** единиц, а пересечение — **21**, то есть **55%**.

Таблица 1

Предлоги в грамматиках Г. Лудольфа и М.В. Ломоносова

№ п/п	Г. Лудольф, 1696	М.В. Ломоносов	№ п/п	Г. Лудольф, 1696	М.В. Ломоносов
	предлоги (24)	прямые предлоги (24)		предлоги	прямые предлоги
1.	безъ	—	17.	околь	—
2.	въ (во)	въ (во)	18.	отъ	отъ
3.	—	возъ	19.	по	по
4.	—	вы	20.	подъ	подъ
5.	для	для	21.	после	—
6.	до	до	22.	—	пре
7.	за	за	23.	предъ	предъ
8.	изъ	изъ	24.	прежде	—
9.	къ (ку)	къ (ко)	25.	при	при
10.	кромѣ	—	26.	про	про
11.	—	межь	27.	противъ	—
12.	на	на	28.	—	ради
13.	—	надъ	29.	—	разъ
14.	—	низъ	30.	съ (со)	съ (со)
15.	о	о (объ)	31.	у	у
16.	опричь	—	32.	черезъ	—

Table 1

Prepositions in H. Ludolf's and M. Lomonosov's grammars

No.	G. Ludolf, 1696	M. Lomonosov	No.	G. Ludolf, 1696	M. Lomonosov
	prepositions (24)	direct prepositions (24)		prepositions	direct prepositions
1.	безъ	—	17.	околь	—
2.	въ (во)	въ (во)	18.	отъ	отъ
3.	—	возъ	19.	по	по
4.	—	вы	20.	подъ	подъ
5.	для	для	21.	после	—
6.	до	до	22.	—	пре
7.	за	за	23.	предъ	предъ
8.	изъ	изъ	24.	прежде	—
9.	къ (ку)	къ (ко)	25.	при	при
10.	кромѣ	—	26.	про	про
11.	—	межь	27.	противъ	—
12.	на	на	28.	—	ради
13.	—	надъ	29.	—	разъ
14.	—	низъ	30.	съ (со)	съ (со)
15.	о	о (объ)	31.	у	у
16.	опричь	—	32.	черезъ	—

РЕЗУЛЬТАТЫ

Сравнительный анализ работ первых грамматистов удивительным образом (как зеркало!) отражает проблемы, стоящие перед исследователями предлогов сегодня:

- 1) «расплывчатость» объема понятия предлог;
- 2) субъективность отнесения языковых единиц к предлогам;
- 3) «размытость» границ между предлогами и наречиями.

ОБСУЖДЕНИЕ

1. «Расплывчатость» объема понятия предлог. Сколько предлогов в современном русском языке? Для ответа на этот вопрос обратимся к основным грамматическим и лексикографическим работам последнего времени. РГ-80 [2] приводит закрытый список из **210** предлогов¹. В свободных таблицах [5], обобщающих данные основных словарей и специальных изданий [18; 19], представлено **358** предлогов. В «Словаре структурных слов русского языка» [13] характеризуется **205** предлогов. Т.Ф. Ефремова в «Толковом словаре служебных частей речи» [6] семантизирует **350** предлогов. В «Словаре наречий и служебных слов русского языка» [7] описано **450** предлогов. М.Г. Лепнев в работах, посвященных непроизводным и производным предлогам [3; 4], выделяет **603** предлога (54 и 549, соответственно). Еще две работы посвящены отдельным группам предлогов — производным [21] и фразеологическим [8]². Е.Т. Черкасова анализирует словообразовательные связи **107** производных предлогов, а Г.А. Шиганова приводит реестр из **465** фразеологических предлогов.

Объединение всех списков названных источников дает перечень в **892** предлога, а их пересечение составляет **46** предлогов³, или **5%**: *в зависимости от, в интересах, в качестве, в направлении к, в области, во время, во имя, в отличие от, в отношении, вплоть до, в пользу, в продолжение, в противоположность, в связи с, в силу, вслед за, в смысле, в соответствии с, в сравнении с, в течение, в целях, за исключением, за счет, на протяжении, начиная с, невзирая на, не в пример, независимо от, несмотря на, не считая, по линии, по мере, по направлению к, по отношению к, по поводу, по причине, по случаю, по сравнению с, по части, при помощи, при посредстве, смотря по, согласно с, с помощью, сравнительно с, с целью.*

Однако, безусловно, данные подсчеты должны быть проведены строже, без учета списков Е.Т. Черкасовой и Г.А. Шигановой, так как в них не содержатся однословные и непроизводные предлоги (кроме того, исследование [21] отражает состояние русского языка 50-летней давности). Исключение из рассмотрения

¹ В словаре «Толковом словаре русского языка» [20] пометы «предлог» и «в значении предлога» приписаны более чем 400 единицам.

² По мнению ученых челябинской школы, фразеологические предлоги (в отличие от лексических) состоят более чем из одного слова.

³ Отметим определенную относительность данных чисел: одни авторы считают, что *о / об / обо* — это три предлога, другие — варианты одного. В своих сводных материалах авторы исходили из того, что подобные случаи представляют собой морфонологические варианты одной морфонологической единицы.

словников, представленных в работах Е.Т Черкасовой и Г.А. Шигановой, уменьшает число предлогов (их остается **706**) и значительно увеличивает зону пересечения (**139** единиц), к которой добавляются следующие предлоги: *без, благодаря, близ, в, в адрес, вблизи, вблизи от, в виде, ввиду, вдалеке от, вдали от, вдоль, в духе, взамен, в знак, включая, вместе с, вместо, вне, возле, вокруг, вопреки, в ответ на, в порядке, впредь до, в районе, в рамках, в результате, вроде, вследствие, в случае, в стороне от, в сфере, в счет, в условиях, в ходе, в честь, для, до, за, из, из-за, из-под, исходя из, к, кончая, кроме, между, мимо, на, над, накануне, на основании, наподобие, напротив, наряду с, насчет, невдалеке от, о, около, от, перед, по, поверх, под, под видом, под предлогом, позади, помимо, поперек, посередине, после, посреди, посредством, при, при условии, про, против, путем, ради, рядом с, с, сверх, свыше, сзади, сквозь, совместно с, согласно, спустя, среди, судя по, у, через.*

Таким образом, общая часть (т.е. бесспорные предлоги, по мнению всех авторов) составляет в этом случае **20%** (табл. 2). Вспомним в этой связи, что в первых русских грамматиках, как отмечалось ранее, количество совпадающих единиц составляло 55%. Другими словами, можно с уверенностью констатировать, что за последние 300 лет категория предлога стала значительно более размытой.

Таблица 2

Соотношение числа предлогов, выделяемых грамматиках и специализированных словарях

Показатель	«Первый» список предлогов [16; 17]	«Полный» список предлогов [2—8; 13; 21]	«Строгий» список предлогов [2—7; 13]	Список «новых» предлогов в XXI в. [3; 4; 6—8]
Общее для всех работ количество предлогов	38	892	706	485
Количество предлогов в зоне пересечения	21	46	139	15
Соотношение предлогов в зоне пересечения по отношению к общему количеству, %	55	5	20	3

Table 2

The quantity correlation of prepositions's lists in Russian grammars and specialized dictionaries

	«The first» list of prepositions [16; 17]	«The full» list of prepositions [2—8; 13; 21]	«The strict» list of prepositions [2—7; 13]	The list of «new» prepositions in XXI century [3; 4; 6—8]
Total number of prepositions in all the lists	38	892	706	485
The number of prepositions in intersection zone	21	46	139	15
The correlation between intersection zone and total number of prepositions	55%	5%	20%	3%

Анализ работ, опубликованных в XXI в., при всей условности проводимой таким образом границы [3; 4; 6; 7; 8¹], показывает, что число «новых» предлогов (т.е. предлогов, не выделяемых в научных публикациях XX в.), названных в них, составляет **485** единиц. При этом только 15 единиц формируют список предлогов, представленных во всех работах: *в глазах, вдобавок к, в отдалении от, в разрезе, в составе, в угоду, из числа, к числу, на манер, на стороне, на уровне, от лица, под эгидой, по праву, по стопам.*

В каждой из указанных работ, опубликованных в XXI в., выделяется большое количество «уникальных» предлогов, не отмечаемых другими авторами, а именно:

— [8]: *без доли, без расчета на, без тени, без цели, близко к / от, в авангарде, в атмосфере, в вопрос, в годы, в голове, в дни, в единстве с, в итоге, в комбинации с, в контексте, в координации с, в миг, в направлении на, вне контекста, вне связи с, вне сравнения с, в ногу с, в облике, в обмен за, в обоснование, в образе, в объеме, во взаимосвязи, во вкусе, во времена, в основании, в основе, в отделении от, в отходе от, в период, в поддержание, в поддержку, в подражание, в подтверждение, в положении, в помощь, в пору, в последствии, в предложение, в противоречии с, в размерах, врозь с, в руках, в ряд с, в ряды, в соавторстве с, в совокупности с, в состав, в сотрудничестве с, в союзе с, в среде, в сумме, в фундаменте, в эпоху, доходя до, емкостью в, за бортом, за годы, за дело, задолго до, за кадром, за кулисами, заодно с, за период, за плечами, за порогом, за скобками, за стеной, за фасадом, за ширмой, из власти, к исходу, к моменту, к направлению, к услугам, на взгляд, на время, на границе, над головой, на долю, над ухом, на заре, на месте, на момент, на положении, на примере, на славу, на службу, на стыке, не в пользу, одновременно с, от рук, от руки, перед ликом, перед носом, по всей строгости, по всем правилам, по горячим следам, под боком, под впечатлением от, под гнетом, под завесой, под знаменем, под временем, под крылом, под крышей, под лозунгом, под маской, под носом, по долгу, под печать(ю), под рукой, под соусом, под спудом, под тяжестью, под углом, под угрозой, под ширмой, по милости, по образу, по обстоятельствам, по обыкновению, по пятам, по свежим следам, по свидетельству, по силе, по следам, по согласованию, по соображениям, по типу, по условиям, при наличии, при отсутствии, протяженностью в, размером в / с, рядышком с, с видом, с момента, с начала, со времен, со дня, со слов, стоимостью в, тиражом в, у порога, ценой в, численностью в;*

— [7]: *боком к, в комплекте с, в лоне, в лоно, в награду за, в нагрузку к, в окружности, в оплату за, в погоне за, в притык к, в ранге, времен, времена, в соприкосновении с, в стенах, до и после, заботами, задом к, за ненадобностью, из расчета, исходя от, минуя, на виду у, на волоске от, на волосок от, на завтра после, на задворках, на отлете от, на поводе, на подступах к, на рельсы, невысоко над, не считаясь с, от ... до, от ... к, плюс к, по бокам от, по воле, под руководством, под сень, поперед, по-под, по принципу, посередке, по уполномочию, при учете, прочь от, рядком с, совокупно с, созвучно с, сообща с, с подачи, сродни;*

¹ Авторы считают правомерным учитывать в процессе анализа «новых» предлогов XXI в. и реестр Г.А. Шигановой, поскольку подавляющее большинство «новых» предлогов являются неоднословными образованиями. Исключение составляют четыре единицы: *вдогон, вдогонку, вразрез, снаружи.*

— [4]: *аналогично (к / с), без оглядки на, в бытность, вверх от, сверху, в видимости, в глубинах, в глубину, в глубины, в довершение к, в зону, в исходе, в канве, в канву, в контакте с, в контраст с, в контрасте с, в круг, в лад с, в мире, вне круга, вне области, вне поля, вне русла, вне ряда, вне числа, в отсутствие, в пандан (к / с), в паре с, в придачу к, в противоположность к, в противоход (к), в противоходе к / с, в русло, в ряд, в соразмерность с, в супряге с, в сферу, в тандеме с, в тон, в угодность, дополнительно к, за исключением, за канвой, за минованием, за спиной у, за спину, извне, из глубин, из глубины, из канвы, из русла, из ряда, из сферы, из ... вглубь, кнаружи от, кнутри от, кпереди от, на волне, навроде, на горизонте, на канве, на ниве, на память о, наперехват, на страже, начиная (от) ... (и) заканчивая / кончая, начиная от ... и (вплоть) до, начиная с ... (и) вглубь / впродоль до / заканчивая / замыкая / по, не включая (и), не говоря (уже) про, несообразно, от ... вглубь, от ... (и) вплоть до, памяти, под названием, позднее, по канве, по минованию, по неимению, при опоре на, сквозь призму, с оглядкой на, с опорой на, со стороны ... вплоть до, с условием, с ущербом;*

— [6]: *без согласия, вдогоночку, в согласии, независимо, обочь, по аналогии, под председательством.*

Таким образом, видно, что анализ исследований, опубликованных в XXI-м в. и посвященных описанию русских предлогов, демонстрирует размытость границ, определяющих количественный состав лексем данной части речи в современном русском языке. Одной из причин такого положения вещей, безусловно, является субъективность того или иного автора при решении вопроса об отнесении языковых единиц к предлогам.

2. Субъективность отнесения языковых единиц к предлогам. Как определить, является ли словосочетание предлогом? Представляется, что здесь возможны три не противоречащие друг другу алгоритма исследовательской деятельности:

- 1) поиск объективных критериев отнесения языковых единиц к предлогам;
- 2) использование «осторожных» терминов при номинации данных единиц;
- 3) представление категории предлога в виде функционально-грамматического поля.

2.1. Поиск объективных критериев отнесения языковых единиц к предлогам. Представленный ранее языковой материал со всей очевидностью показывает, что назрела насущная необходимость выработки объективных критериев, которые позволяли бы авторам словарей и грамматик однозначно определять, является ли та или иная языковая единица предлогом как частью речи. Ведь общеизвестно, что в определенных конструкциях некоторые слова начинают употребляться в функции предлогов, однако как понять, когда они становятся предлогами? Например, относятся ли к предлогам такие единицы, как *в сочетании, в арсенале, на заре, на закате, на стыке, в разгар, в ипостаси, в подобие, в авангарде*? Три из них названы предлогами в РГ-80 [2] (*в сочетании, в ипостаси, в подобие*); три отмечены в работе [8] (*на стыке, на заре, в авангарде*), а *на закате, в арсенале* и *в разгаре* не представлены ни в одном из источников.

Наиболее адекватный лингвистический инструментарий для понимания процессов, происходящих в поле предлога, предоставляет, на взгляд авторов статьи, современная теория грамматикализации, основные положения которой сформу-

лированы в таких «программных» работах, как [22—27]. Действительно, если понимать грамматикализацию как «процесс, в ходе которого лексические единицы и конструкции в определенных языковых контекстах приобретают грамматические функции и затем продолжают развивать новые грамматические функции» [25. С. xv]¹, то «опредложивание» есть не что иное как процесс грамматикализации. Так, например, существительные *следствие*, *род*, *середина*, глаголы *смотреть*, *включать*, *взирать* некогда в определенных контекстах начали выполнять (грамматическую) функцию предлогов и далее окончательно эволюционировали в предлоги *вследствие чего*, *вроде чего*, *посередине чего*, *несмотря на что*, *включая что*, *невзирая на что*. Другие же языковые конструкции находятся на разных стадиях данного процесса, ср.: *в авангарде чего*, *в арсенале у кого*, *в благодарность кому за что*, *в количестве скольких единиц*, *размером со что*, *за спиной у кого*, *в глазах кого*, *перед лицом чего* и др.

Выработке операциональных критериев определения степени «опредложивания» единицы посвящены работы [29—31]. Данные критерии можно разделить на три группы.

1. Семантические факторы.

Семантические факторы связаны с определенной метафоризацией значения исходного существительного, которая проявляется в появлении новых синтагматических связей данной лексической единицы в **определённой** грамматической форме; в других же морфологических формах предлогообразующее существительное в подобных лексических сочетаниях никогда не используется. Например, *Мы также настроены на продолжение совместных усилий в рамках четверки международных посредников в деле палестино-израильского урегулирования на основе «дорожной карты»* [НКРЯ] — **рамки четверки*. *Теперь, перед лицом опасности, он вдруг совсем успокоился* [НКРЯ] — **лицо опасности*.

2. Синтаксические факторы.

Существительные, ставшие предлогами, демонстрируют целый ряд синтаксических особенностей своего функционирования в контексте. Так, обнаруживается следующее:

— невозможность вставить внутрь предлога прилагательное-модификатор: ср.: **в плавное течение часа*, но *Апостол и евангелист Лука на самой заре христианства создал эту икону* [НКРЯ];

— невозможность для предлогообразующего существительного занять соответствующую позицию в исходной прототипической модели предложения: *Заботами*² *этого храма открылась школа грамоты для девочек и при Ярославской мануфактуре*. **Заботы этого храма открыли школу грамоты* [НКРЯ].

¹ Ср. также наблюдения советского лингвиста В.М. Жирмунского, во многом предвосхитившего появление теории грамматикализации: «Грамматизация словосочетания связана с большим или меньшим ослаблением лексического значения одного из его компонентов, с последовательным его превращением из лексически значимого (знаменательного) слова в полуслужебное или служебное, а всей группы слов как целого — в грамматическую форму слова» [28. С. 15].

² Подробнее о грамматикализации конструкций типа *трусами*, *усилиями*, *заботами* и др. см. в работе [32].

3. Морфологические факторы.

Анализ функционирования в тексте предложившихся единиц показывает, что они обладают следующими специфическими морфологическими особенностями:

— обособление предлогообразующего существительного от других слов с аналогичным категориальным значением, ср.: соматизмы: *лицо, нос, щеки ребенка* — *от лица ребенка*, но не: **от носа, от щек ребенка; глаза, очи, брови ученых* — *глазами ученых*, но не **очами ученых, *бровями ученых*;

— наличие морфосинтаксических вариантов: *в пандан чего* — *в пандан чему* — *в пандан к чему* — *в пандан с чем* при невозможности **пандан чему* — *пандан к чему* — *пандан с чем*;

— выпадение из морфосинтаксической парадигмы: *во избежание потерь*, но **у избежания потерь* — **перед избежанием потерь* — **избеганием потерь* и др.

Однако, как показывает исследование большого лингвистического материала, данные критерии не всегда достаточны для однозначной категоризации единиц, функционирующих как предлоги. Возможно именно эта трудность проведения жесткой границы между предлогами и не-предлогами, а также стремление не «размывать» категорию предлога как части речи и побудили лингвистов использовать своего рода «осторожные», или описательные, термины при изучении подобных языковых единиц, безусловно весьма активно функционирующих в современной русской речи.

2.2. Использование «осторожных» терминов при номинации единиц, функционирующих как предлоги. Целый ряд исследователей сегодня (как представляется, сознательно) отказывается от использования термина «предлог». Так, в «Толковом словаре русского языка» [20] есть пометы «предлог» и «в значении предлога», а в «Русском семантическом словаре» [33] используются пометы «предлог» и «в роли предлога». В челябинской научной школе принято разделять лексические и фразеологические предлоги, в качестве синонима к последним используется номинация «релятивные фразеологизмы» [8; 34]. В публикациях, подготовленных в рамках проекта «Славянские предлоги в синхронии и диахронии» [15; 30–32; 35], принят широкий термин «предложные единицы», позволяющий рассматривать в одном ряду как собственно предлоги, так и единицы, находящиеся на «пути» в предлоги (эквиваленты предлогов). Ученые владивостокской научной школы уходят от слова «предлог» даже в описательных конструкциях и называют «отыменными релятивами» служебные единицы «отыменного происхождения, которые выполняют функции, подобные функциям предлогов, но не равные им» [9. С. 8].

Наконец, заслуженную популярность в русистике приобрел термин «эквивалент слова»¹, позволяющий рассматривать в одном ряду самые различные образования, выполняющие грамматические функции. Он активно используется в «Толковом словаре сочетаний, эквивалентных слову» [14], а также в работе [15] для обозначения не до конца предложившихся единиц. Тем не менее, приходит-

¹ Убедительные аргументы в пользу целесообразности использования данного термина см. в работе [36].

ся констатировать, что к настоящему моменту представляется весьма затруднительным определить категориальный статус большого количества единиц, находящихся на пути в предлоги. В этом случае можно говорить о более или менее «определенных» единицах, своего рода континууме единиц, который удобнее всего рассматривать в виде функционально-грамматического поля.

2.3. Представление категории предлога в виде функционально-грамматического поля. Важной характеристикой поля, как известно, служит наличие ядра и постепенно расширяющейся периферии. Единицы, находящиеся в ядерной и приядерной зонах, обладают полным набором свойств, присущих той или иной категории. Ближе к периферии наблюдается ослабление данных категориальных характеристик. М. В. Всеволодова [35] предложила использовать понятие функционально-грамматического поля предлога, которое позволяет системно и комплексно исследовать все единицы, способные выполнять функции предлога, — от собственно предлогов в ядре до многочисленных сочетаний, окказионально употребляющихся в предложной функции на периферии поля. Другими словами, структура функционально-грамматического поля предлога может быть представлена следующим образом:

- **ядро** составляют немотивированные (непроизводные) предлоги (*в, на, о*);
- **припериферийную зону ядра** формируют мотивированные (производные) предлоги — давно предложившиеся и оторвавшиеся от слов своей части речи единицы (*вследствие, вроде, несмотря на, касательно*);
- **приядерную периферийную зону** составляют потенциальные предлоги: компаративы (*свыше, ниже, менее*), авторские метафоры (*на заре, на канве, в канун*), переходные варианты реализаций предложных единиц (*на глазах у, лицом к*), еще не окончательно оторвавшиеся от словоформ знаменательных частей речи;
- **периферийная зона** включает в себя эквиваленты предлогов: аналоги представляют собой два типа единиц:
 - словоформы слов-классификаторов, способных к предложиванию (*в сфере — вне сферы — за сферой — в сферу — из сферы — за сферу — из-за сферы — в сферах — вне сфер — за сферами — в сферы — из сфер — за сферы — из-за сфер*),
 - словоформы, образуемые по аналогии с определенными единицами в определенных семантических зонах (*в преддверии — в предвкушении — в ожидании*).
- корреляты предлогов — словоформы параметрических существительных (*размером с — размера с — в размере — размерами с — размеров с — в размерах*).

Таким образом, как видим, процесс грамматикализации словоформ знаменательных частей речи представляет собой не что иное, как пословное движение с периферии функционально-грамматического поля предлога в центр.

На взгляд авторов, использование понятия «функционально-грамматическое поле предлогов» и «осторожных» терминов для номинации языковых единиц, формирующих данное поле, позволяет «уйти» от необходимости однозначного

решения вопроса о частеречной принадлежности единицы, в определенных условиях функционирующей как предлог, и описать все языковое многообразие в данной лексико-грамматической подсистеме. Отметим, что подобная ситуация складывается и при описании служебных слов в целом, так как в настоящее время это, пожалуй, наименее четко дифференцируемая зона языка, о чем свидетельствует, в частности, использование разных терминов, употребляемых для номинации отдельных классов служебной лексики; например, «дискурсивные слова», «слова-гибриды», «структурные слова» и под. В то же время анализ словарей выявляет еще одну проблему¹, связанную с частеречной классификацией, — проблему «размытости» границ между предлогами и наречиями.

3. «Размытость» границ между предлогами и наречиями. Почему нельзя поменять местами части бессоюзного предложения *На полу разбросаны вещи, возле стоит чемодан*²? Ср. **Возле стоит чемодан, на полу разбросаны вещи*. Видимо, сначала необходимо назвать «ориентир», или актанта, для слова *возле*. Тогда к какой части речи следует относить *возле*? К предлогам или к наречиям?

М.В. Всеволодова [35] и Ф.И. Панков [38] показали, что есть основания считать подобные лексемы предлогами с нулевой формой анафорического элемента: *Возле меня улеглась кошка — Кошка улеглась возле* («меня») — **Кошка вернулась с прогулки и улеглась возле*. Однако зачастую трактовка единиц этой группы как наречий более очевидна, ср: *Выстрелить мимо. Все слова проходят мимо* — наречие, *сесть мимо стула* — предлог; *Осмотреться вокруг. Ни одной деревни вокруг* — наречие; *Уложить косу вокруг головы; путешествие вокруг света; Спор разгорелся вокруг политики* — предлог (БТСРЯ). Отметим, что во всех указанных контекстах возможно восстановление актанта: *Выстрелить мимо мишени; Все слова проходят мимо него; осмотреться вокруг себя; Ни одной деревни вокруг нашего села*. Решение животрепещущего вопроса о частеречной принадлежности подобных единиц не входит в задачи авторов статьи. Отметим лишь, что, возможно, здесь было бы корректнее всего говорить об омонимии частей речи или о бифункциональных словах.

Представляется, что именно подобные омонимические явления (или бифункциональность предлогов и наречий) и заставили авторов РГ-80 выделить группу наречных³ предлогов, типа: *вблизи чего, вглубь чего, взамен чего, внутри чего, внутри чего, возле чего, вокруг чего, впереди чего, вслед чему, мимо чего, наверху чего, навстречу чему, накануне чего, наперекор чему, напротив чего, позади чего, поперек чего, после чего, посреди чего, посередине чего, прежде чего, сбоку чего, сверх чего, свыше чего, сзади чего, сквозь что*. Заметим, что в эту группу включены и предлоги *касательно чего, сообразно чему, согласно чему, подобно чему* и др., которые не имеют наречных употреблений. Обращает на себя внимание определенная непоследовательность данной классификации: деривационный статус отыменных (*в связи с чем, ввиду чего, во время чего, в отношении чего* и др.) и отглагольных (*благодаря чему, несмотря на что, судя по чему* и др.) предлогов достаточно про-

¹ Впрочем, как было показано ранее, об этом писал уже М.В. Ломоносов.

² Пример взят из словарной статьи наречия *возле* в работе [37].

³ Ср.: отыменные, отглагольные и наречные предлоги в работе [2].

значен. Что же касается наречных предлогов, то даже неспециалисту очевидны субстантивная деривация предлогов *вместе с чем, вокруг чего, вроде чего, вслед чему, наверху чего, навстречу чему, накануне чего, наряду с чем* и отадъективная — предлогов *касательно чего, независимо от чего, относительно чего, соответственно чему, сравнительно с чем*. Таким образом, оказывается, что наречные предлоги выделяются не по словообразовательному принципу, а по функциональному — омонимии с наречиями, которая, однако, прослеживается далеко не для всей группы наречных предлогов.

Подобная «размытость» границ между предлогами и наречиями вызывает целый ряд противоречий в лексикографических описаниях. Зачастую одни и те же единицы трактуются в различных словарях по-разному. Так, в работе [4] к предлогам отнесена лексема *аналогично*, а в работах [6; 7] она классифицируется как наречие; при этом в качестве иллюстрации приводится: *Решать эти задачи нужно **аналогично** предыдущим*. Ср. также в работе [8] *в авангарде* — предлог, в — [7] — наречие (*Наша группа была **в авангарде** (чего?) экологического движения¹*), *в довершение* в — [4; 5; 8] — предлог, а в — [6; 7] — наречие (***В довершение** (чего?) непрерывных дождей начался ветер*), *в ногу с* в — [8] — предлог, в — [7] — наречие (*шагал **в ногу с** веком*), *зadолго до* в — [8] — предлог, в — [7] — наречие (***Zadолго до** прихода весны купил плащ*), *за спиной у* в — [4; 8] — предлог, в — [6; 7] — наречие (***За спиной** у меня 30 лет стажа в этой области*) и т.д. В приведенных примерах нельзя не обратить внимание на наличие управления, которое, как известно, не свойственно наречиям как части речи.

Как видим, проблема «размытости» границ между предлогами и наречиями реально существует, и поиск путей ее решения, безусловно, — актуальная задача как лексикографов, так и грамматистов. На взгляд авторов, подобную работу необходимо проводить с учетом целого ряда положений.

1. Прежде всего, следует признать, что в современном русском языке наблюдается активный процесс пословного перехода предлогов определенного типа в наречия (но не наоборот!), при этом конкретные единицы находятся на разных стадиях данного пути.

2. В этой связи целесообразным представляется использование понятий «поле предлога» и «поле наречия», позволяющих выявлять зоны пересечений, типичные для всех полевых структур.

3. Необходимо продолжить выработку операциональных критериев, позволяющих однозначно отнести единицу в каждом тексте к предлогам или наречиям. Формально такая попытка предпринимается в работе [37], где последовательно для каждой бифункциональной единицы выделяются два омонима, представленные в одной словарной статье: наречие и предлог. При этом для наречий всегда (заметим, что это редкость в лексикографической практике) даются примеры без управляемого слова.

4. Возможно также признание подобных единиц предлогами, регулярно употребляющимися с нулевой формой актанта, всегда восстанавливаемого из контекста или ситуации общения.

¹ Примеры из называемого издания.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный анализ авторитетных лексикографических описаний выявил «расплывчатый» и «текучий» морфологический облик предлога в современном русском языке. Как показывают рассмотренные примеры, во множестве случаев ученые затрудняются провести четкую границу между предлогами и предложными сочетаниями, предлогами и наречиями. К основным проблемам, возникающим перед исследователями данной части речи, относятся следующие:

- 1) диффузный характер категории предлога;
- 2) отсутствие объективных критериев отнесения словоформ к предлогам;
- 3) зыбкость границы между предлогами и наречиями.

Представляется, что на данном этапе развития русистики наиболее релевантными и эффективными инструментами для описания единиц, функционирующих как предлоги, служат понятия «функционально-грамматическое поле предлога» и «грамматикализация». Функционально-грамматическое поле предлога позволяет рассматривать в едином, терминологически непротиворечивом комплексе как единицы, находящиеся в ядре поля, так и периферийные явления, которые затруднительно квалифицировать как предлоги. Грамматикализация как постепенная эволюция менее грамматичных конструкций в более грамматичные (т.е. пошаговое движение языковых единиц от периферии поля предлога к его центру) наиболее адекватно отражает переходные процессы, происходящие в современном русском языке. Актуальными остаются также вопросы объективизации лингвистических описаний с помощью формулирования необходимого и достаточного количества операциональных критериев категоризации предлогов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- [1] *Виноградов В.В.* Русский язык (грамматическое учение о слове). М.: Высшая школа, 1972. 615 с.
- [2] РГ-80 — Русская грамматика. Т. I / под ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Наука, 1980. 783 с.
- [3] *Лепнев М.Г.* Словарь производных предлогов современного русского языка. СПб.: ИЦ «Гуманитарная академия», 2009. 176 с.
- [4] *Лепнев М.Г.* Русские производные предлоги. Проблемы семантики. Словарные материалы. СПб.: ИП «Ефименко Д.Л.», 2010. 313 с.
- [5] *Богданов С.И., Рыжова Ю.В.* Русская служебная лексика. Сводные таблицы. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 1997. 168 с.
- [6] *Ефремова Т.Ф.* Толковый словарь служебных частей речи русского языка. М.: Рус. яз., 2001. 863 с.
- [7] *Буцева В.В.* Словарь наречий и служебных слов русского языка. М.: Рус.яз. Медиа, Дрофа, 2010. 750 с.
- [8] *Шиганова Г.А.* Релятивные фразеологизмы русского языка. Челябинск: Изд-во Челяб. гос. пед. ун-та, 2003. 306 с.
- [9] *Шереметьева Е.С.* Отыменные релятивы современного русского языка. Семантические этюды. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2008. 236 с.
- [10] *Попова З.Д.* Предложно-падежные формы и обороты с производными предлогами в русских высказываниях. Воронеж: Изд. дом ВГУ, 2014. 232 с.
- [11] *Цой А.С.* Служебные слова как объект русской лексикографии. М.: Изд-во Лит. ин-та им. А.М. Горького, 2008. 280 с.

- [12] *Солоницкий А. В.* Проблемы семантики русских первообразных предлогов. Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 2003. 126 с.
- [13] *Словарь структурных слов русского языка / В. В. Морковкин, Н. М. Луцкая, Г. Ф. Богачева и др.* М.: Лазурь, 1997. 420 с.
- [14] *Рогожникова Р. П.* Толковый словарь сочетаний, эквивалентных слову: Ок. 1500 устойчивых сочетаний рус. яз. М.: АСТ, Астрель, 2003. 416 с.
- [15] *Всеволодова М. В., Кукушкина О. В., Поликарпов А. А.* Русские предлоги и средства предложного типа. Материалы к функционально-грамматическому описанию реального употребления. Кн. 1: Введение в объективную грамматику и лексикографию русских предложных единиц / под общ. ред. М. В. Всеволодовой. М.: Кн. дом «Либроком», 2014. 304 с.
- [16] *Ларин Б. А.* Три иностранных источника по разговорной речи Московской Руси XVI—XVII веков. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2002. 688 с.
- [17] *Ломоносов М. В.* Полное собрание сочинений. Т. 7. Тр. по филологии 1739—1757. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1952. 995 с.
- [18] *Леденев Ю. И.* Материалы для словаря неполнозначных слов и их омонимов. Вопросы изучения неполнозначных слов. Ставрополь: [б. и.], 1966. 93 с.
- [19] *Рогожникова Р. П.* Словарь эквивалентов слова: наречные, служебные, модальные единства. М.: Рус. яз., 1991. 254 с.
- [20] *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1999. 944 с.
- [21] *Черкасова Е. Т.* Переход полнозначных слов в предлоги / отв. ред. В. В. Виноградов. М.: Наука, 1967. 280 с.
- [22] *Bybee J. L., Perkins R., Pagliuca W.* The evolution of grammar: Tense, aspect and modality in the languages of the world. Chicago: The Univ. of Chicago Press, 1994. 398 pp.
- [23] *Heine B., Kuteva T.* World lexicon of grammaticalization. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2002 (Kindle edition).
- [24] *Heine B., Claudi U., Hünnemeyer F.* Grammaticalization: A conceptual frame work. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1991. 318 pp.
- [25] *Hopper P., Traugott E.* Grammaticalization (Cambridge textbooks in linguistics). Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2003. 276 pp.
- [26] *Lehmann C.* Thoughts on grammaticalization: A programmatic sketch. Arbeitspapiere des Seminars für Sprachwissenschaft, Philosophische Fakultät, Universität, Erfurt. Second, revised edition. 2002. 183 pp. (Available at: <http://www.christianlehmann.eu/publ/ASSidUE09.pdf>)
- [27] *Traugott E., Heine B.* (eds). Approaches to grammaticalization. Vol. 1. (Typological studies in language. 19.) Amsterdam: John Benjamins, 1991. 556 pp.
- [28] *Жирмунский В. М.* О границах слова // Вопросы языкознания. 1961. № 3. С. 3—21.
- [29] *Тихомирова Т. С.* Процессы адвербиализации форм творительного беспредложного в польском языке: дисс. ... канд. филол. наук: спец. 10.02.03 «Славянские языки». М., 1972. 372 с.
- [30] *Всеволодова М. В.* К вопросу об операциональных методах категоризации предложных единиц // Вестник Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2011. № 3. С. 105—135.
- [31] *Виноградова Е. Н.* Грамматикализация в русском языке: от формы существительного к предлогу (на материале соматизмов) // Вопросы языкознания. 2016. № 1. С. 25—50.
- [32] *Виноградова Е. Н.* Мотивированные предлоги и аналоги предлогов: пути грамматикализации // Вестник Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2013. № 4. С. 138—163.
- [33] *Русский семантический словарь / под общ. ред. акад. Н. Ю. Шведовой.* Т. III. М.: Азбуковник, 2003. 720 с.
- [34] *Чепасова А. М., Голощанова Т. Г., Павлова Н. А.* и др. Лексические и фразеологические предлоги в современном русском языке: учеб. пособие / научн. ред. В. М. Мокиенко. М.: Флинта; Наука, 2007. 176 с.
- [35] *Всеволодова М. В.* Грамматические аспекты русских предложных единиц: типология, структура, синтагматика и синтаксические модификации // Вопросы языкознания. 2010. № 4. С. 3—26.

- [36] Мустайоки А., Копотев М. К вопросу о статусе эквивалентов слова типа *потому что*, в зависимости от, к сожалению // Вопросы языкознания. 2004. № 3. С. 88–107.
- [37] Большой толковый словарь русского языка / глав. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2008. 960 с.
- [38] Панков Ф.И. Русские наречия в соотношении с русскими предлогами // Мир русского слова. 2009. № 1. С. 12–19.

© Виноградова Е.Н., Клобукова Л.П., 2017

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 12.04.2017

Дата принятия к печати: 25.05.2017

Для цитирования:

Виноградова Е.Н., Клобукова Л.П. Предлог: большие проблемы маленькой части речи // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2017. Т. 15. № 3. С. 299–316. DOI: 10.22363/2313-2264-2017-15-3-299-316

Сведения об авторах:

Клобукова Любовь Павловна, доктор педагогических наук, заведующий кафедрой русского языка для иностранных учащихся гуманитарных факультетов Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, профессор. Член-корреспондент Российской академии образования. Сфера научных интересов: теория и методика преподавания русского языка как иностранного (РКИ), профессионально ориентированное обучение РКИ, лингводидактическое тестирование. Автор более 450 научных и научно-методических публикаций. *Контактная информация*: электронный адрес: klobukov@list.ru

Виноградова Екатерина Николаевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка для иностранных учащихся гуманитарных факультетов МГУ им. М.В. Ломоносова. *Сфера научных интересов*: функциональная грамматика, лексикография, грамматика служебных частей речи, теория грамматикализации, дистанционное обучение русскому языку как иностранному. Автор более 110 научных публикаций. *Контактная информация*: электронный адрес: katinko2007@yandex.ru

PREPOSITION: THE BIGGEST CHALLENGES OF A SMALL PART OF SPEECH

E.N. Vinogradova, L.P. Klobukova

Lomonosov Moscow State University
Leninskie gory, 1, p. 51, Moscow, Russia, 119991

The research of modern morphological image of preposition as a category is a burning issue for Russian grammar and lexicography as well as for applied disciplines such as teaching of Russian and machine translation. The purposes of the article are as follows: a comparison of recent lexicographic proceedings devoted to prepositions; a detection of main problems arising while studying the part of speech in question today and a quest for the ways of solving them.

The comparison is based on the prepositional lists elicited from five dictionaries and special editions being published in the XXI century. The comparative analysis results have brought to light three key problems the Russian language researches deal with currently: the fuzziness of concept “preposition”, bias of prepositional categorization, diffuseness of borders between prepositions and adverbs.

The authors suggest the following solutions for the stated problems:

- 1) quest for the objective criteria to attribute linguistic units to prepositions as a part of speech;
- 2) use of discrete terms to define the units of the kind;
- 3) consideration of prepositional units within a functional grammatical field.

Key words: preposition, prepositional unit, functional grammatical field of preposition, grammaticalization, equivalent of word

REFERENCES

- [1] Vinogradov V.V. *Russkii yazyk (grammaticheskoe uchenie o slove)*. Moscow: Vysshaya shkola, 1972. 615 s. (in Russ.)
- [2] RG-80 — *Russkaya grammatika*. Tom I. pod red. Shvedovoi N.Yu. Moscow: Nauka, 1980. 783 s. (in Russ.)
- [3] Lepnev M.G. *Slovar' neproizvodnykh predlogov sovremennogo russkogo yazyka*. Saint-Petersburg: ITs «Gumanitarnaya akademiya», 2009. 176 s. (in Russ.)
- [4] Lepnev M.G. *Russkie proizvodnye predlogi. Problemy semantiki. Slovarnye materialy*. Saint-Petersburg: IP «Efimenko D.L.», 2010. 313 s. (in Russ.)
- [5] Bogdanov S.I., Ryzhova Yu.V. *Russkaya sluzhebnyaya leksika. Svodnye tablitsy*. Saint-Petersburg: izd-vo S.-Peterburgskogo un-ta, 1997. 168 s. (in Russ.)
- [6] Efremova T.F. *Tolkovyi slovar' sluzhebnykh chastei rechi russkogo yazyka*. Moscow: Rus. yaz., 2001. 863 s. (in Russ.)
- [7] Burtseva V.V. *Slovar' narechii i sluzhebnykh slov russkogo yazyka*. Moscow: Rus.yaz. Media, Drofa, 2010. 750 s. (in Russ.)
- [8] Shiganova G.A. *Relyativnye frazeologizmy russkogo yazyka*. Chelyabinsk: izd-vo Chelyab. gos. ped. un-ta, 2003. 306 c. (in Russ.)
- [9] Sheremet'eva E.S. *Otymennye relyativy sovremennogo russkogo yazyka. Semanticheskie etyudy*. Vladivostok: izd-vo Dal'nevost. un-ta, 2008. 236 c. (in Russ.)
- [10] Popova Z.D. *Predlozhno-padezhnye formy i oboroty s proizvodnymi predlogami v russkikh vyskazyvaniyakh*. Voronezh: Izdatel'skii dom VGU, 2014. 232 s. (in Russ.)
- [11] Tsoi A.S. *Sluzhebnye slova kak ob"ekt russkoi leksikografii*. Moscow: izd-vo Literaturnogo instituta imeni Gor'kogo A.M., 2008. 280 s. (in Russ.)
- [12] Solonitskii A.V. *Problemy semantiki russkikh pervoobraznykh predlogov*. Vladivostok: izd-vo Dal'nevostochnogo un-ta, 2003. 126 s. (in Russ.)
- [13] *Slovar' strukturnykh slov russkogo yazyka*. Morkovkin V.V., Lutsкая N.M., Bogacheva G.F. i dr. Moscow: Lazar', 1997. 420 s. (in Russ.)
- [14] Rogozhnikova R.P. *Tolkovyi slovar' sochetanii, ekvivalentnykh slovu: Ok. 1500 ustoichivyykh sochetanii rus. yaz.* Moscow: AST, Astrel', 2003. 416 s. (in Russ.)
- [15] Vsevolodova M.V., Kukushkina O.V., Polikarpov A.A. *Russkie predlogi i sredstva predlozhnogo tipa. Materialy k funktsional'no-grammaticheskomu opisaniyu real'nogo upotrebleniya. Kn. 1: Vvedenie v ob"ektivnyuyu grammatiku i leksikografiyu russkikh predlozhnykh edinits*. Pod obshch. red. Vsevolodovoi M.V. Moscow: Knizhnyi dom «Librokom», 2014. 304 s. (in Russ.)
- [16] Larin B.A. *Tri inostrannykh istochnika po razgovornoj rechi Moskovskoi Rusi XVI—XVII vekov*. Saint-Petersburg: izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2002. 688 s. (in Russ.)
- [17] Lomonosov M.V. *Polnoe sobranie sochinenii*. Tom 7. Trudy po filologii 1739—1757. Moscow-Leningrad: izd-vo AN SSSR, 1952. 995 s. (in Russ.)
- [18] Ledenev Yu.I. *Materialy dlya slovarya nepolnoznachnykh slov i ikh omonimov. Voprosy izucheniya nepolnoznachnykh slov*. Stavropol: [b. i.], 1966. 93 s. (in Russ.)

- [19] Rogozhnikova R.P. *Slovar' ekvivalentov slova: narechnye, sluzhebnye, modal'nye edinstva*. Moscow: Rus. yaz., 1991. 254 s. (in Russ.)
- [20] Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka*. Moscow: Azbukovnik, 1999. 944 s. (in Russ.)
- [21] Cherkasova E.T. *Perekhod polnoznachnykh slov v predlogi*. otv. red. Vinogradov V.V. Moscow: izd-vo «Nauka», 1967. 280 s. (in Russ.)
- [22] Bybee J.L., Perkins R., Pagliuca W. *The evolution of grammar: Tense, aspect and modality in the languages of the world*. Chicago: The Univ. of Chicago Press, 1994. 398 pp.
- [23] Heine B., Kuteva T. *World lexicon of grammaticalization*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2002 (Kindle edition).
- [24] Heine B., Claudi U., Hünnemeyer F. *Grammaticalization: A conceptual frame work*. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1991. 318 pp.
- [25] Hopper P., Traugott E. *Grammaticalization* (Cambridge textbooks in linguistics). Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2003. 276 pp.
- [26] Lehmann C. *Thoughts on grammaticalization: A programmatic sketch*. Arbeitspapiere des Seminars für Sprachwissenschaft, Philosophische Fakultät, Universität, Erfurt. Second, revised edition. 2002. 183 pp. (Available at: <http://www.christianlehmann.eu/publ/ASSidUE09.pdf>)
- [27] Traugott E., Heine B. (eds). *Approaches to grammaticalization*. Vol. 1. (Typological studies in language. 19.) Amsterdam: John Benjamins, 1991. 556 pp.
- [28] Zhirmunskii V.M. O granitsakh slova. *Topics in the study of language*. 1961. № 3. S. 3–21. (in Russ.)
- [29] Tikhomirova T.S. *Protsessy adverbializatsii form tvoritel'nogo bespredlozhnogo v pol'skom yazyke*: diss. ... kand. filol. nauk: spets. 10.02.03 «Slavyanskie yazyki». Moscow, 1972. 372 s. (in Russ.)
- [30] Vsevolodova M.V. K voprosu ob operatsional'nykh metodakh kategorizatsii predlozhnykh edinit. *Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology*. 2011. № 3. S. 105–135. (in Russ.)
- [31] Vinogradova E.N. Grammatikalizatsiya v russkom yazyke: ot formy sushchestvitel'nogo k predlogu (na materiale somatizmov). *Topics in the study of language*. 2016. № 1. S. 25–50. (in Russ.)
- [32] Vinogradova E.N. Motivirovannyye predlogi i analogi predlogov: puti grammatikalizatsii. *Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology*. 2013. № 4. S. 138–163. (in Russ.)
- [33] *Russkii semanticheskii slovar'*. pod obshch. red. akad. Shvedovoi N.Yu. Tom III. Moscow: Azbukovnik, 2003. 720 s. (in Russ.)
- [34] Chepasova A.M., Goloshchapova T.G., Pavlova N.A. i dr. *Leksicheskie i frazeologicheskie predlogi v sovremennom russkom yazyke: ucheb. posobie*. Nauchn. red. Mokienko V.M. Moscow: Flinta; Nauka, 2007. 176 s. (in Russ.)
- [35] Vsevolodova M.V. Grammaticheskie aspekty russkikh predlozhnykh edinit: tipologiya, struktura, sintagmatika i sintaksicheskie modifikatsii. *Topics in the study of language*. 2010. № 4. S. 3–26. (in Russ.)
- [36] Mustaioki A., Kopotev M. K voprosu o statuse ekvivalentov slova tipa potomu chto, v zavisimosti ot, k sozhaleniyu. *Topics in the study of language*. 2004. № 3. S. 88–107. (in Russ.)
- [37] *Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka*. Glav. red. Kuznetsov S.A. Saint-Petersburg: Norint, 2008. 960 s. (in Russ.)
- [38] Pankov F.I. Russkie narechiya v sootnoshenii s russkimi predlogami. *The World of Russian Word*. 2009. № 1. S. 12–19. (in Russ.)

Article history:

Received: 12.04.2017

Accepted: 25.05.2017

For citation:

Vinogradova E.N., Klobukova L.P. Preposition: the biggest challenges of a small part of speech. *RUDN Journal of Russian and Foreign Languages Research and Teaching*, 15 (3), 299–316. DOI: 10.22363/2313-2264-2017-15-3-299-316

Bio Note:

Liubov Klobukova, Doctor of Education, Head of the Department, Professor, Department of Russian language for foreign students of humanitarian faculties, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University. Corresponding member, the Russian Academy of Education. *Research interests:* Teaching Methodology and Theory of Russian as a Foreign Language (RFL), Vocational-focused Teaching of RFL, Linguodidactic Testing. Author of over 450 scientific and tutorial publications. *Contact information:* e-mail: klobukov@list.ru

Ekaterina Vinogradova, PhD in Linguistics, Associate Professor, Department of Russian language for foreign students of humanitarian faculties, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University. *Research interests:* Functional Grammar, Lexicography, Grammar of functional words, grammaticalisation theory, distance learning of Russian as a foreign language. Author of over 110 scientific publications. *Contact information:* e-mail: katinko2007@yandex.ru

DOI 10.22363/2313-2264-2017-15-3-317-332

УДК 81'272

МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ И ПОВЕДЕНЧЕСКИХ ПРИОРИТЕТОВ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ ПОД ВОЗДЕЙСТВИЕМ ТЕКСТОВ КОНВЕРГЕНТНЫХ СМИ

В.Н. Левина, С.В. Гуськова

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина
ул. Интернациональная, 33, Тамбов, Россия, 392000

Актуальность исследования определяется высокой степенью влияния современных средств массовой информации на мировоззрение молодежной аудитории, процесс формирования жизненной позиции, приоритетов, идеалов и ценностей, которой находится в динамике. Цель работы — описание механизмов формирования культурных ценностей, в том числе речевой культуры, и коммуникативного поведения студенческой молодежи под воздействием текстов конвергентных средств массовой информации. В ходе анализа текстов СМИ были использованы текстологический метод, метод контент-анализа, сравнительно-сопоставительный, филологический анализ текста, а также метод фокус-группового исследования. В настоящей статье представлен сравнительный анализ данных исследования, проведенного в 2016 г. с учетом гендерных особенностей респондентов, с результатами ранее проведенных исследований студенческой аудитории. В ходе анализа эмпирического материала было установлено, что конвергентные СМИ обладают лучшим потенциалом, чем традиционные, выступая одним из основных инструментов формирования речевой культуры современной молодежи и приоритетов коммуникативного поведения. Определены векторы дальнейшего исследования механизмов формирования культурных ценностей и поведенческих приоритетов современной молодежи, основу которых составляет речевая культура и адекватное ситуации коммуникативное поведение.

Ключевые слова: молодежь, речевая культура, культурные ценности, поведенческие приоритеты, медиатекст, коммуникативное поведение

ВВЕДЕНИЕ

Текст как языковое социокультурное явление, как важнейшая коммуникативная единица значительно расширил за последнее время свои традиционные понятийные границы. Попадая на «страницы» конвергентных СМИ, слово становится уже составной частью медийного контента, текста с аудиовизуальным наполнением, т.е. креолизованным текстом. В силу того, что у современной молодежи, как показывают результаты многочисленных социологических опросов, наблюдается активное «потребление» медиатекста, в социуме возникает проблема с определением «инструментария» передачи культурных ценностей современному поколению молодых людей, утрачиваются в какой-то степени и межпоколенческие связи. Согласно исследованию компании GfK, обнародованному

в начале 2015 г., в конце 2014 г. 96% молодых людей в возрасте 16—29 лет были пользователями глобальной сети; 89% из них отметили, что заходят в Интернет ежедневно [1].

Анализируя в связи с этим фактом сложившуюся на сегодня в нашей стране ситуацию с чтением, следует выделить две стратегии: чтение художественной литературы и чтение как поиск информации. Их смешение или неразграничение целей и задач информационного чтения и чтения художественного текста приводит к утилитарному подходу. А ведь одним из основных средств, формирующих мировоззрение, способствующих принятию современным читателем норм, нравственных установок и общечеловеческих и национальных ценностей является художественный текст и его осмысление [2. С. 64].

В условиях снижения читательской культуры, а также интереса к чтению лучших образцов классической литературы XIX—XX вв., которые были до некоторого времени инструментом передачи культурных ценностей и поведенческих приоритетов молодежи, эту функцию выполняют, в первую очередь, медийные тексты. Язык масс-медиа в большей степени, чем произведения литературы, оказывают сильное влияние на молодежную аудиторию, формирование ее речевой культуры и коммуникативного поведения, языкового сознания. В современных условиях существования масс-медийного сектора первенство в этом плане, бесспорно, принадлежит конвергентным медиа, поскольку именно к ним молодежная аудитория в большинстве своем обращается ежедневно.

Вместе с тем следствием потребления медиатекстов является стремление к экономии языковых средств в процессе коммуникации, которая сегодня в большей степени сводится к интернет-общению. Например, русские слова *прекрасно*, *чудесно*, *изумительно* и т.п. в речи молодых людей заменяются одним словом *круть*, выражающим целый спектр как положительных, так и отрицательных эмоций.

Наряду с этим, как отмечает Н.И. Клушина, «современный публицистический дискурс дает не так много примеров положительной стилистической тональности текстов. Если в советскую эпоху соотношение позитивной тональности и негативной находилось в определенной пропорции (с одной стороны, описывались положительные примеры ударного труда, давались портреты передовиков производства, с другой — клеймились общественные пороки, критиковалась политика капиталистических стран), то сегодня в целом публицистический дискурс тяготеет к агрессивной тональности. В основном здесь играют роль экстралингвистические факторы, установка на сенсационность, на культурный шок, так как именно они обеспечивают рост тиражей» [3. С. 102]. Все эти тенденции, несомненно, оказывают влияние на аудиторию потребителей медиаконтента, так как «внушаемость посредством слова — глубинное свойство психики, возникшее гораздо раньше, нежели способность к аналитическому мышлению» [4. С. 84].

Поэтому в современной науке особую остроту приобретает проблема влияния современных текстов конвергентных СМИ на формирование культурных ценностей и поведенческих приоритетов студенческой молодежи. Безусловно, «каждому человеку свойственна индивидуальная иерархия личностных ценностей», которые «выступают в роли регуляторов поведения человека» и, «формируясь только в социальной среде (и благодаря ей), ... служат социальной адаптации

личности» [5. С. 64]. Однако «при нарастающей активности профессиональных и полупрофессиональных разговоров о манипулировании сознанием адресата средствами массовой информации остается не до конца выясненной сущность феномена медийного воздействия, его силы, характера влияния на реальное сознание, процессов, происходящих в последнем и пр.» [6. С. 19].

Как справедливо отмечает Т.В. Романова, «современный человек живет в постиндустриальном информационном обществе, жестко управляемом СМИ. В этой связи возникают и актуализируются многие новые аксиологические и идеологические смыслы. Молодежь выступает в качестве прослойки общества, наиболее подверженной этим переменам и веяниям» [5. С. 64]. Исследователь также считает очевидным «наличие взаимосвязи между употреблением студентами жаргона и их ценностной ориентацией, а также уровнем общекультурного развития личности». В ходе проведенного Т.В. Романовой исследования языкового сознания молодого россиянина, «наиболее значимыми ценностями в сознании молодежи являются межличностные отношения, досуг, карьера (деньги, научно-технический прогресс). Отношение к спорту, политике, культуре практически не выражено в студенческом жаргоне, что говорит о меньшей значимости данных сфер жизни для молодежи» [5. С. 64].

Вместе с тем распространение цифровых технологий в сфере СМИ постепенно стирает «разрыв между различными формами информации, и по одному и тому же каналу информации может передаваться и текст, и аудиовизуальное изображение. В результате слияния текста, звука и изображения, передаваемых одновременно в интерактивном режиме, СМИ приобретают исключительно важную характеристику — мультимедийность» [7. С. 206].

К числу основных типологических характеристик современных российских СМИ можно отнести приоритетность тематики и проблематики, географическую характеристику (территорию распространения), целевую аудиторию и др. Именно последний критерий служит одним из важнейших в определении читательского адреса, поскольку именно на аудиторию (потенциальную и реальную), ее читательские потребности и запросы ориентируется издатель и творческий коллектив редакции, работая над вербальным контентом материала. Это обусловлено, прежде всего, тем, что «ежедневно язык СМИ объединяет миллионы людей, интегрирует их в единое информационное и ценностно смысловое пространство, конструирует культуру нации...» [8. С. 8].

Исходя из возрастных характеристик аудитории масс-медиа, особое внимание следует обратить на молодежную аудиторию, определение возрастных рамок которой в различных источниках варьируется (в одних — это период от 16 до 25 лет, в других, — от 14 до 30 лет, в-третьих, — молодость относят к периоду 21—28 лет). При этом, как правило, при определении нижней возрастной границы многие исследователи руководствуются тем, что с 14—16 лет у молодых людей наступает физическая зрелость, человек может самостоятельно заниматься трудовой деятельностью. Определяя верхнюю возрастную границу молодежной аудитории, ученые исходят из того, что в этом возрасте человек достигает экономической самостоятельности, профессиональной и личной стабильности. Все это свидетельствует об условности обозначенных возрастных границ молодежной аудито-

рии, так как здесь необходимо учитывать и индивидуальные особенности развития личности молодого человека.

В предлагаемом исследовании внимание сосредоточено на студенческой молодежной аудитории в возрасте от 18 до 24 лет, которая является одним из основных читателей текстов конвергентных СМИ. При определении возраста аудитории также учитывались особенности современного двухступенчатого образования «бакалавриат» и «магистратура». При этом в указанный возрастной период вписывается определение «студенческой молодежи» как особой социальной группы. В ходе исследования также учитывался гендерный фактор.

ЦЕЛЬ

Целью данной работы является описание механизмов формирования культурных ценностей и поведенческих установок студенческой молодежи (в число которых входят языковая культура и коммуникативное поведение), формирующихся под воздействием текстов конвергентных средств массовой информации. Постановка цели обусловлена значительным влиянием СМИ на мировоззренческие установки читательской аудитории посредством языкового контента различного содержания, а также аудиовизуальных иллюстраций. В этом смысле молодежная аудитория наиболее уязвима, так как процесс формирования ее мировоззрения, жизненной позиции, приоритетов поведения, идеалов и ценностей находится в динамике.

МЕТОДЫ И МАТЕРИАЛЫ

Для анализа был выбран необходимый медиаматериал методом сплошной выборки (с учетом тематики и языкового контента СМИ), который, по мнению исследователей, способен вызвать рефлексию со стороны студенческой аудитории (вывод был сделан на основе ранее проведенных экспериментальных исследований). Для анализа медиаматериалов применялись текстологический метод, метод контент-анализа.

Отметим, что предлагаемая методика исследования может быть использована при изучении проблемы влияния медиаконтента на молодежную аудиторию в различных аспектах. Интересные данные может дать исследование, в ходе которого аудитории испытуемых предлагаются: 1) материалы различных по форме представления информации СМИ (печатное СМИ, телевидение, радио, интернет-СМИ), объединенных одной темой или проблемой; 2) материалы одного журналиста, представленные в различных СМИ (печатное СМИ, интернет-СМИ, телевидение, радио); 3) материалы одного журналиста, представленные в конвергентном СМИ (контент масс-медиа, содержащий текстовую, иллюстративную, аудио- и видеоинформацию). В данном случае был выбран второй вариант исследования, когда предварительно были отобраны материалы одного журналиста, работающего в различных по форме представления информации масс-медиа, так как подобная универсальность журналиста как раз реализуется конвергентными средствами массовой информации [9]. Из всего количества выбранных его публикаций была выделена статья, которая стала основой проведения исследования.

Выбор обусловлен тематикой и проблематикой близкой молодежной аудитории, а значит, способен вызвать рефлексию у читателей, оказать влияние на формирование культурных ценностей и поведенческих установок аудитории, к числу которых относятся речевая культура и коммуникативное поведение.

Наиболее эффективным, на взгляд авторов статьи, методом для подобного рода исследований является метод фокус-группового исследования. Методика его проведения состоит в следующем: формируется группа испытуемых, чаще всего объединенных по какому-либо признаку (определяется в соответствии с исследовательскими задачами), в данном случае в качестве такого признака выступает возрастная характеристика аудитории — молодежь. Модератор заранее определяет проблематику исследования, подбирает соответствующий материал, формулирует ключевые вопросы, на которые должны ответить респонденты. Затем, последовательно задавая ключевые вопросы, модератор предельно точно фиксирует ответы аудитории с помощью аудио-/видеозаписывающих устройств. Отдельные пометки модератор (или его помощник) может делать на бумаге, поскольку значение в данном случае могут иметь не только вербальные ответы испытуемых, но и невербальные средства выражения мыслей, чувств, эмоций (например, мимика, жесты; молчание, ухмылка и др. вместо словесного ответа также может расцениваться как ответ).

Регулярные замеры, проводимые с использованием подобной методики, позволяют определить специфику влияния текстов конвергентных СМИ на формирование культурных ценностей и поведенческих приоритетов молодежной аудитории в динамике.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Полученные в ходе исследования результаты позволяют сделать выводы о специфике влияния СМИ на формирование культурных ценностей и поведенческих приоритетов современной молодежи через призму восприятия ими материала, опубликованного в масс-медиа. Исследования, направленные на выявление культурных ценностей и поведенческих приоритетов современной молодежи в обозначенном авторском ракурсе, ранее проводились. Обнаруживаются работы, в которых устанавливается влияние СМИ на молодежь в целом. Так, в работе О.Ю. Петровской рассматривается влияние подростковой и молодежной прессы на ее непосредственную аудиторию [10]. В поле зрения В.С. Собкина и Т.А. Феофановой находилось телевидение и его влияние на молодежную аудиторию [11], в частности, В.С. Собкин проводил исследования в среде молодежи еще в 80-х годах XX в. Исследование современной молодежной аудитории, вскрывающее механизмы медиавосприятия, проводилось И.В. Приваловой и Н.В. Купцовой [12]. Однако комплексных исследований медиаконтента конвергентных СМИ в аспекте их влияния на формирование культурных ценностей, приоритетов в поведении студенческой молодежи, формировании ее речевой культуры и коммуникативного поведения не выявлено. Более того, чаще для изучения данной проблемы используются методы наблюдения, опроса, анкетирования. Применение метода фокус-группового исследования позволяет получить ответы аудитории в ходе непосредственного общения с ней модератора, оценить уровень речевой культу-

ры, а также определить особенности функционирования современного русского языка в молодежной среде.

Проведенное исследование позволило описать с учетом и гендерных особенностей механизмы формирования культурных ценностей и поведенческих приоритетов, присущих студенческой аудитории, под влиянием языкового и невербального контента конвергентных СМИ. Наряду с этим, были выявлены особенности речевой культуры молодежи, в ходе языкового анализа ответов испытуемых на поставленные модератором вопросы.

ОБСУЖДЕНИЕ

«Современные средства массовой информации, сообщая человеку сведения о состоянии окружающего мира, оказывают влияние на весь строй его мышления, стиль мировосприятия, язык и тип культуры настоящего. Культура нередко трактуется как система коллективного знания, с помощью которого люди моделируют окружающий мир. В русле этой концепции индивидуальные действия людей, неразрывно связанные с коммуникативными процессами, относятся к комплексной системе коллективного знания, передаваемого через язык. Посредниками в распространении коллективного знания в настоящее время и являются СМИ» [13. С. 83]. Более того, состояние психического здоровья молодого поколения, структура мотивов его жизни детерминированы социально-экономическими условиями, в которых оно растет и развивается. Формирующаяся личность, впитывая проблемы социума, отражает «здоровые и больные грани» своего времени [14. С. 256].

Неподготовленность молодежной аудитории к потреблению медиаконтента в силу недостатка жизненного опыта, знаний создает потенциальную опасность для данной аудитории, поскольку современные масс-медиа обладают значительным потенциалом не только по внушению и пропаганде, но и откровенному манипулированию сознанием аудитории (Кара-Мурза С.Г., Дзялошинский И.М. и др.).

Напомним, что «культурные ценности» — понятие, которое широко используется в различных областях гуманитарного знания (философии, социологии, культурологии, юриспруденции, истории и др.). В настоящем исследовании за основу взято понятие «культурные ценности», используемое в культурологии, под которым понимаются «нравственные и эстетические идеалы, нормы и образцы поведения, языки, диалекты и говоры, национальные традиции и обычаи, произведения искусства и культуры, результаты и методы научных исследований культурной деятельности, имеющие историко-культурную значимость здания, сооружения, предметы и технологии, уникальные в историко-культурном отношении территории и объекты» [15]. На основе этого определения к культурным ценностям можно отнести и речевую культуру, а к поведенческим приоритетам — адекватное современным нравственно-этическим нормам коммуникативное поведение.

Настоящее исследование позволяет определить, с одной стороны, механизмы формирования культурных ценностей и поведенческих установок молодежи под

воздействием креолизованных текстов конвергентных средств массовой информации, в том числе его языкового контента, а, с другой стороны, важную роль, которую выполняют СМИ как инструмент передачи национальных культурных кодов.

Например, один из этапов комплексного фокус-группового исследования молодежной аудитории выглядел так. Фокус-групповое исследование было проведено в марте — мае 2016 г. В нем приняли участие 86 человек (24 юноши и 62 девушки) в возрасте от 18 до 24 лет, которые были студентами Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина, направления подготовки «Журналистика», «Издательское дело», «Реклама». В каждой группе было задействовано от 8 до 24 человек.

В качестве материала для фокус-группового исследования был взят текст корреспондента газеты «Комсомольская правда» О. Адамовича «Развлечения золотой молодежи Москвы: заложница в «Бентли», дворники на «Феррари» [16]. Газета «Комсомольская правда» относится к типу конвергентных СМИ, т.е. массовое, достаточно популярное издание, выступающее в роли так называемого транслятора массовой культуры. По мнению В.А. Буряковской, для современной массовой культуры характерны, «карнавальность, простота, анти-интеллектуальность, восхваление зла», а также «стереотипизация мышления, выражающаяся в готовых формулах поведения и активно предлагаемая массовой культурой, противостоит рациональному и самостоятельному мышлению, которое в современном обществе (как западном, так и российском) не культивируется. Такой стереотипизации современного человека способствует пропаганда гламурного стиля жизни, сводящего восприятие окружающей действительности до максимальной простоты. <...> Наиболее негативный эффект воздействия постмодернистских тенденций на общество видится в распространении агрессивных форм коммуникативного поведения» [17. С. 125].

Привлекает внимание заголовочный комплекс выбранной для исследования публикации «Развлечения золотой молодежи Москвы: заложница в «Бентли», дворники на «Феррари», который можно отнести к группе интригующих заголовков [18. С. 32]. Традиционно заголовок определяется как компонент текста, тесно связанный с другими элементами текстовой структуры, отражающий, как в данном случае, авторскую оценку. Так, автор использует в качестве заголовка метафорическую конструкцию «*золотая молодежь*» и сочетает в нем не сочетаемое с точки зрения современных представлений «*дворник на “Феррари”*», подчеркивая тем самым парадоксальность текста статьи.

Модераторы исследования предложили респондентам ознакомиться с публикацией в конвергентном СМИ, используя интернет-версию статьи как наиболее привычную для восприятия молодежной аудитории. Фабула предложенного материала такова. Неизвестные на автомобиле «Бентли Континенталь» в центре столицы затолкали в багажник девушку. О преступлении сообщили очевидцы, после чего в городе объявили план «Перехват». Через несколько минут после предполагаемого похищения машину определили. Полицейские блокировали «Бентли», из багажника достали заложницу, а водителя и двух его напарников повезли в отделение. Когда они сидели в кабинете дознавателя, выяснилось, что никакого

преступления не было: это был розыгрыш, организованный «золотой» молодежью Москвы. Однако их ждал штраф, который они с легкостью оплатили. Также в материале сообщается, что случай розыгрыша в столице не единичен. Публикация сопровождается фотографиями и видеоматериалами.

В ходе исследования модераторы задавали аудитории вопросы, четко фиксируя ответы. Каждый респондент отвечал на поставленные вопросы по принципу добровольности. Однако на отдельные, наиболее важные для исследования вопросы, модераторы попросили ответить каждого респондента.

Группам испытуемых было предложено ознакомиться с материалом и затем ответить на следующие вопросы.

1. Вызвал ли у вас интерес предложенный материал и почему?
2. Какие чувства и эмоции у вас вызывает материал?
3. Как вы относитесь к действиям «шутников»? Как, по вашему мнению, следует с ними поступить?
4. Какие у них, с вашей точки зрения, мотивы такого поведения?
5. Если бы у вас были неограниченные финансовые возможности, на что бы вы потратили деньги?
6. Как вы думаете: способны ли сделать человека счастливым неограниченные финансовые возможности?
7. Сколько средств вам нужно, чтобы почувствовать себя счастливым?
8. Как вы думаете, с какой целью журналистом был создан данный материал?

В ходе исследования были получены следующие результаты.

1. Материал вызвал интерес у 24 испытуемых юношей (100%) и 57 девушек (91,9%). Среди ответов следует выделить частотные: *«Интересно!»*, *«Да уж!..»*, *«Каждый сходит с ума по-своему»*, *«Ничего себе!»*, *«Материал интересен, потому что ничего подобного не читал/-а, не видел/-а»*, *«Нужно запомнить и поприкалываться с друзьями. Не с такими затратами, конечно, но вполне можно реализовать»*, *«Круть!»*.

2. Большинство испытуемых девушек указывают на то, что материал вызвал негативные эмоции: возмущение, раздражение, неприязнь, негодование, страх, чувство незащищенности. Юноши в большинстве своем отмечают интерес; менее половины испытуемых юношей (10 человек) высказали негодование по поводу действий героев публикации (*«Деньги девать некуда»*, *«С жиру бесятся»*, *«Папы наворовали — сынки с дочками транжирят»*, *«Ворованные деньги не жалко»*, *«Беспредел!»*, *«Сажать таких “шутников” надо!»*, *«Лучше бы отдали деньги на лечение больных детей / на обустройство приютов для бездомных животных»*, *«Очередная группа отморозков»*).

3. 10 юношей (41,6% от всех испытуемых юношей) и 52 девушки (83,9% от всех испытуемых девушек) высказались за то, что «шутников» нужно наказывать (вводить жесткие штрафные санкции, лишать водительских прав, изымать автомобиль, лишать свободы).

4. В доминирующем большинстве случаев называются «развлечение», «веселое времяпрепровождение», «ничего неделанье» как мотивы поведения героев публикации.

5. Интересные ответы получены на вопрос о том, если бы были неограниченные финансовые возможности, на что бы вы их потратили. Многие следовали ранее озвученным точкам зрения, высказывая свою позицию: «*Я бы тоже так поступил/-а*». Отдельные респонденты дали несколько ответов. Так, самый популярный ответ — приобретение жилья для себя и своей семьи (38 человек), чуть менее популярные — приобретение автомобиля (27 человек), открытие собственного дела, организация бизнеса (22 человека). Далее следуют ответы: на образование (18 человек), на устройство на работу, о которой мечтаю (17 человек), на путешествия, посещение интересных мест (14 человек), лечение себя / родственников (12 человек), покупал/-а бы все, что хочется (11 человек), помощь детям, оставшимся без попечения родителей, помощь больным детям (10 человек), положил/-а бы в банк для дальнейшей обеспеченной жизни (6 человек).

6. Ответы типа «*Не в деньгах счастье*», «*Деньги счастья не приносят*» дали 36 человек; 24 ответили, что «*возможно, но не все покупается; здоровье не купишь*»; 26 человек затруднились ответить (большинство — юноши). Встречались и ироничные ответы с жаргонными элементами типа «*Бабла много не бывает*», «*Чужое бабло счастья не принесет*».

7. «*Много*» — ответили 18 человек (12 юношей, 6 девушек) на вопрос о том, сколько нужно средств, чтобы почувствовать себя счастливыми; «*Миллион, два миллиона*» — ответили 8 человек (5 юношей, 3 девушки), «*Деньги не дадут ощущения счастья*» — 6 человек.

8. Значительная часть участников исследования (24 человека) на вопрос о цели журналиста, создавшего материал, ответили следующее: «*Написал, чтобы проинформировать о том, что такое может быть*», «*Хотел предупредить читателей*». 7 человек высказали следующую точку зрения: «*Тема интересная, захотел привлечь внимание читателей к себе*». 11 человек высказали мнение о том, что журналист хотел предупредить аудиторию не поддаваться на возможные провокации «золотой» молодежи. Высказаны мнения (6 человек) и о том, что, возможно, описанной ситуации вовсе не было — информационный повод сфабрикован журналистом ради очередной сенсации («*А может, и вовсе ничего такого не было*», «*Очередная «утка» желтой прессы*», «*Сенсация ради сенсации*», «*Слабо верится, что такое вообще было — имена участников-то не разглашаются, а надо бы*»).

Проведенное исследование обнаружило определенные гендерные различия в отношении сформировавшихся у студенческой молодежи культурных ценностей и поведенческих установок. Кроме того, выявлены языковые особенности молодежной аудитории. В силу наблюдаемого дефицита словарного запаса большинство испытуемых при ответах на вопросы модератора ограничились междометными высказываниями типа «*Да уж!*» и односложными восклицаниями «*Интересно!*», а также жаргонного характера — «*Круть!*». В более распространенных ответах наблюдается также наличие жаргонной лексики, например, «*поприкалываться*». Следует отметить, что в ходе спонтанной речи молодежь не считает нужным соблюдать нормы литературного языка, такой вывод сделан также и в ходе анализа данных предыдущих исследований, когда респондентам предлагалось написать эссе и выразить свое отношение к той или иной проблеме, затронутой в текстах СМИ. Тенденция упрощения устной формы речи связана, по мнению

многих лингвистов, с развитием интернет-пространства, где функционирует так называемая устно-письменная форма речи, где важно содержание, а не форма выражения этого содержания, которое чаще всего сопровождается невербалика.

Стоит отметить, что активность в общении в целом и в деловом общении, в частности, и юношей, и девушек различная, что также наблюдалось в ходе проведения фокус-группового исследования. Действительно, «основа различий в поведении женщин и мужчин состоит в базисных ориентирах общения девочек и мальчиков. Общаясь между собой, девочки учатся создавать и поддерживать отношения близости и равенства, критиковать других в приемлемой форме, аккуратно интерпретировать речь других девочек. Мальчики же учатся в общении утверждать позицию доминирования, привлекать к себе и поддерживать внимание аудитории, заявлять о себе, когда слово принадлежит другим» [19]. Действительно, юноши в своих ответах были более кратки и категоричны, четко выражали свою позицию односложными высказываниями. Напротив, обращает на себя внимание высокий уровень эмоциональности девушек, в связи с чем, на вопросы, заведомо содержащие экспрессивный компонент, они отвечали со свойственной им эмоциональностью; ответы ранее ответивших девушек нередко вызвали критику, однако в допустимых деловым общением речевых рамках. Следует отметить, что к подобному выводу (оценке эмоциональности девушек как высокой) пришла группа ученых в ходе проведенного исследования личностных и мотивационных особенностей студентов медицинского вуза [20]. Причем в каждой группе испытуемых большую речевую активность проявляли также девушки (если учитывать в процентном соотношении; численное же превосходство в любом случае в каждой группе была на стороне девушек).

Можно констатировать, что у девушек доминантны такие культурные ценности, как желание помочь ближним (родственникам, детям, больным). Обеспеченно жить — это хорошо, но для девушек более характерен подход: «*Не все измеряется деньгами*». Напротив, юноши в большинстве своем склонны к тому, что владение деньгами способно сделать человека не только финансово независимым, но и обеспечить человека желаемыми благами (были ответы типа «*Были бы деньги, и здоровье можно купить*»). Для юношей сам информационный повод, сценарий поведения в большей степени представляет интерес, некоторыми воспринят как руководство к действию. Девушки, напротив, эмоционально осуждали героев публикации и им подобных представителей «золотой» молодежи столицы, в их высказываниях было больше оценочных слов.

В ходе проведенного фокус-группового исследования было установлено, что для студенческой молодежи в качестве приоритетных жизненных ориентиров можно выделить получение образования, трудоустройство, организация собственного бизнеса (были высказаны идеи об организации бизнеса в сфере своих профессиональных интересов: открытие типографии, издательства, журнала).

Для сравнения приведем официальные данные, которые были обнародованы в 2016 г. в преддверии Дня молодежи со ссылкой на ВЦИОМ, Росстат, Институт демографии ВШЭ. Так, согласно этим данным, в стране проживает около 33 миллионов человек от 14 до 30 лет. При этом на 1000 юношей в возрасте 20—24 лет приходится 959 девушек. По результатам экспериментальных замеров (статисти-

ка, опросы, анкетирование), проводимых на территории Российской Федерации, 81% студентов считает упорство в получении знаний необходимым условием для получения хорошего образования; 79% выпускников вузов ожидают зарплаты на первом месте работы от 35 тысяч рублей в месяц. Российская молодежь в качестве первого места работы рассматривает, прежде всего, сферу торговли и ресторанный бизнес. Среди молодых россиян больше всего выпускников экономических и юридических факультетов. Свыше 45% молодых людей не задерживаются на одной работе больше одного года; 60% молодежи хотели бы открыть свое дело [21]. Очевидно, что студенческой молодежи не чужды такие чувства, как доброта, сострадание, милосердие. Она, по сути, осознает свою ответственность за незащищенные слои населения, за тех, кто нуждается в помощи.

Результаты опроса «Влияние СМИ на молодежь», проведенного О.Ю. Петровской, свидетельствуют о предпочтении всех групп молодежи электронным СМИ. Показательно, что «в среднем треть всех опрошенных отметила, что сцены насилия вызывают у них противоречивые чувства (отчасти привлекают, отчасти нет). Если к неопределившимся добавить почти 7% тех, кто затруднился ответить на этот вопрос, то группа молодежи со смутными чувствами по отношению к сценам насилия будет составлять 36%. Среди чувств, которые испытывают опрошенные во время просмотра сцен насилия, на втором месте по частоте после негативного отношения стоит ответ «все равно». Для 8,5% респондентов это нормально, интересно. Чувство сострадания испытывают только 5,6% опрошенных» [10. С. 75].

Что касается поведенческих приоритетов, можно отметить: студенты решительны и категоричны в своих ответах и намерениях. Многие считают, что именно жесткие штрафные санкции и наказания способны переломить ситуацию со вседозволенностью обеспеченных молодых людей. Кроме того, показателен тот факт, что, имея возможность не отвечать на поставленные вопросы, студенческая молодежь, задействованная в фокус-групповом исследовании, в большинстве сформированных групп отвечала на все вопросы модераторов.

Проведенное исследование позволило выявить и особенности речевого поведения молодежи, в том числе в зависимости от гендерных особенностей испытуемых.

Как отмечает Е.К. Боброва, «частым стало такое явление, как незнание или неточное знание значения слова (явление агнонии). И даже устойчивые сочетания слов — фразеологизмы, безошибочно воспроизводимые ранее представителями различных общественных групп, далеко не всегда правильно применяются и интерпретируются современной молодежью. Это объясняется отсутствием языковой и культурологической компетенции. Многие исследователи современной языковой ситуации говорят о тенденции примитивизации языкового сознания молодежи, обусловленной общественными процессами» [22. С. 12].

Так, установлено, что юноши более немногословны, чем девушки, часто свое отношение выражают путем использования междометных образований («*да уж!*», «*ничего себе*», «*вот это да!*», «*ого!*» и т.п.). Часто молодежь использует сленговые слова и выражения («*поприкалываться*», «*прикольнуться*», «*бабло*», «*бабки*», «*отморозки*» и т.п.). Причем не установлена зависимость частоты использования

данных слов и выражений от пола испытуемого. Очевидно, что молодежь не знает «более русских» аналогов употребляемым словам. Вместо слов «*удивительно*», «*неожиданно*», обозначающих недоумение или удивление сложившейся ситуацией, чаще всего употребляется слово «*круть*», «*жест*» и т.п.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как справедливо отмечает Буряковская В.А., «производители массмедийной продукции отвечают на информационные, гедонистические и рекреативные потребности аудитории... Однако исключать суггестивного воздействия СМИ на индивида не стоит. Степень этого воздействия индивидуальна и зависит от многих факторов, лежащих в области психологии, образования, воспитания, индивидуальных особенностей личности» [23].

На основании полученных в ходе проведенного исследования в определенной степени можно прогнозировать ситуацию — направление дальнейшего формирования культурных ценностей и поведенческих установок молодежной аудитории — в ситуации дальнейшего систематического потребления контента конвергентных масс-медиа аудиторией. Так, очевидно, что стремления студенческой молодежи к дальнейшему образованию, трудоустройству, финансовой независимости останутся стабильно высокими, поскольку эта тенденция в 2010-х гг. подтверждается данными, полученными в ходе других исследований. Однако чувства доброты, милосердия, сострадания также характерны для юношей и девушек. Они осознают свою ответственность за незащищенные слои населения и имеют стремление помочь им. С другой стороны, если говорить о формировании речевой культуры и коммуникативного поведения молодежи, то тенденция стремления к примитивизму, когда содержание важнее формы, когда «...общение сводится к примитивным формам, укладывается в стандартный на все случаи жизни набор фраз, то нарушается культурная преемственность поколений, исчезает живая основа ярких мыслей и чувств и способность к сопереживанию» [24. С. 120].

Все это говорит о важной миссии, которая возложена на конвергентные средства массовой информации — формирование культурных ценностей и поведенческих приоритетов современной молодежи, которая на сегодня, являясь одной из наиболее активных категорий граждан России, переживает период становления гражданской позиции, способна стать активной участницей социальных, экономических, политических процессов, происходящих в стране.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- [1] Исследование World Wide Web Foundation: Рейтинг развития Интернета в странах мира в 2014 году. URL: <http://gtmarket.ru/news/2015/02/05/7084> (дата обращения: 25.08.2015).
- [2] Беллина Е.В. О развитии понятия «культура чтения» в русской культуре и науке // Человек и образование. 2014. № 3(40). С. 61–65.
- [3] Клушина Н.И. Публицистический текст в прагматическом аспекте // Язык массовой и межличностной коммуникации. М.: Медиа-Мир, 2007. С. 75–106.
- [4] Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. М.: ЭКСМО-Пресс, 2002. 832 с.
- [5] Романова Т.В. Языковое сознание молодого россиянина // Мир русского слова. 2009. № 2. С. 60–67.

- [6] *Бутакова Л.О., Миронова Н.Ю.* Автор — текст — реципиент: тексты СМИ в аспекте рецепции авторами // *Филология и человек*. 2008. № 1. С. 19–29.
- [7] *Луканина М.В.* Текст средств массовой информации и конвергенция // *Политическая лингвистика*. Вып. 20. Екатеринбург, 2006. С. 205–214.
- [8] *Вартанова Е.Л.* Новые медиа как культурное пространство современного общества // *Меди@льманах*. 2015. № 4. С. 8–10.
- [9] *Гуськова С.В.* Влияние конвергентных средств массовой информации на молодежную аудиторию // *Вестник Тамбовского университета*. 2013. Вып. 9 (125). С. 249–254.
- [10] *Петровская О.Ю.* Влияние СМИ на молодежь // *Вестник МГОУ. Серия «Экономика и право»*. 2012. № 1 (7). С. 71–77.
- [11] *Собкин В.С., Феофанова Т.А.* Телевидение в жизни современных подростков // *Социология образования. Труды по социологии образования. Серия «Социокультурные проблемы в жизни современного образования / под ред. В.С. Собкина. М., 2011. С. 237–256.*
- [12] *Привалова И.В., Купцова Н.В.* Электронная коммуникация молодежи: монография. Саратов: Изд-во Саратовского гос. мед. ун-та, 2016. 139 с.
- [13] *Левина В.Н.* Актуализация пейзажной единицы в информационном поле газетного текста // *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*. 2011. № 7. С. 83–86.
- [14] *Андреева Г.М.* Социальная психология. М.: Аспект Пресс, 1997. 384 с.
- [15] *Конonenko Б.И.* Большой толковый словарь по культурологии, 2003. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_culture/1796 (дата обращения: 10.07.2016).
- [16] *Адамович О.* Развлечения золотой молодежи Москвы: заложница в «Бентли», дворники на «Феррари» // *Комсомольская правда*. 2016. 19 апреля. URL: <http://www.kp.ru/daily/26518/3535107/> (дата обращения: 22.04.2016).
- [17] *Буряковская В.А.* Аксиологические векторы массовой культуры // *Вестник КемГУ*. 2014. №1(57). С. 123–125.
- [18] *Guskova S.V.* Header complex in Russian newspapers: functions and types // *Russian linguistic Bulletin*. 2016. № 2 (6). P. 31–32.
- [19] *Грошев И.В.* Особенности речевого поведения мужчин и женщин // *Вопросы психологии*. 2013. № 2. С. 80–93.
- [20] *Власенко Н.Ю., Гефеле О.Ф., Филиппченкова С.И.* Гендерное исследование личностных и мотивационных особенностей студентов медицинского вуза // *Перспективы науки*. 2010. № 5 (07). С. 32–35.
- [21] Молодежь России: цифры и факты // Современный учительский портал. URL: http://easyen.ru/news/molodezh_rossii_cifry_i_fakty/2016-07-06-951 (дата обращения: 10.12.2016).
- [22] *Боброва Е.К.* Роль средств массовой информации в развитии речевой культуры молодежи // *Вестник МГОУ. Серия «Русская филология»*. 2011. № 1. С. 11–14.
- [23] *Буряковская В.А.* Рефлексия аудитории на тему СМИ // *Современные проблемы науки и образования*. 2014. № 5. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=15033> (дата обращения: 17.02.2017).
- [24] *Немыка А.А., Пешков А.А.* Современная молодежная среда: специфика речевой коммуникации // *Вестник РУДН. Серия «Русский и иностранные языки и методика их преподавания»*. 2012. № 4. С.118–122.

© Левина В.Н., Гуськова С.В., 2017

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 18.03.2017

Дата принятия к печати: 25.04.2017

Для цитирования:

Левина В.Н., Гуськова С.В. Механизмы формирования культурных ценностей и поведенческих приоритетов студенческой молодежи под воздействием текстов конвергентных СМИ //

Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2017. Т. 15. № 3. С. 317–332. DOI: 10.22363/2313-2264-2017-15-3-317-332

Сведения об авторах:

Левина Вера Николаевна, доктор филологических наук, доцент кафедры русского языка № 1 факультета русского языка и общеобразовательных дисциплин Российского университета дружбы народов. *Сфера научных интересов:* русский язык, русская языковая культура, теория текста, теория коммуникации, язык масс-медиа, вербальное общение, лингвокультурология. Автор более 100 научных публикаций. *Контактная информация:* электронный адрес: levina_vn@mail.ru

Гуськова Светлана Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы и журналистики Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина. *Сфера научных интересов:* массовая и межличностная коммуникация, язык масс-медиа, психология журналистики, типология средств массовой информации, региональные медиа. Автор более 180 научных публикаций. *Контактная информация:* электронный адрес: guskova_s_v@mail.ru

MECHANISMS OF CULTURAL VALUES AND STUDENTS' BEHAVIORAL PRIORITIES FORMING UNDER THE INFLUENCE OF CONVERGED MEDIA MATERIALS

S.V. Guskova, V.N. Levina

Tambov State University of G.R. Derzhavin
International, 33, Tambov, Russia, 392000

The topicality of the study is determined by a high degree of influence of modern media to the world audience; the more susceptible to outside influence is a youth audience, in which the process of formation of outlook, position in life, priorities, ideals and values is dynamic. Objective of the work is an exploratory study of cultural values and behaviors of students, which are formed under the influence of converged media materials, as well as forecasting of the situation. To study the materials involved in convergent media. During the work with material there were some methods of the use: textual method, content analysis method, comparative benchmarking. Effect materials converging media on the youth audience determined by the method of attracting the focus group study conducted in 2016, taking into account gender-specific subjects. A comparison with the data obtained in other studies in which young people are involved as subjects. The study revealed that converged media have a greater potential than traditional one, in particular, it is established a high degree of their influence on the youth audience. The situation is predicted for the future development of cultural values and behaviors of students under the influence of the mass media.

Key words: youth, speech culture, behavioral priorities, media text, communicative behavior

REFERENCES

- [1] Issledovanie World Wide Web Foundation: Reiting razvitiya Interneta v stranakh mira v 2014 godu. URL: <http://gtmarket.ru/news/2015/02/05/7084> (data obrashcheniya: 25.08.2015) (in Russ).

- [2] *Belina E.V.* O razvitii ponyatiya «kul'tura chteniya» v russkoi kul'ture i nauke // *Chelovek i obrazovanie*. 2014. № 3(40). S. 61–65 (in Russ).
- [3] *Klushina N.I.* Publitsisticheskii tekst v pragmaticheskom aspekte // *Yazyk massovoi i mezhlichnostnoi kommunikatsii*. M.: Media-Mir, 2007. S. 75–106 (in Russ).
- [4] *Kara-Murza S.G.* Manipulyatsiya soznaniem. M.: EKSMO-Press, 2002. 832 s (in Russ).
- [5] *Romanova T.V.* Yazykovoe soznanie molodogo rossiyana // *Mir russkogo slova*. 2009. № 2. S. 60–67 (in Russ).
- [6] *Butakova L.O., Mironova N.Yu.* Avtor — tekst — retsipient: teksty SMI v aspekte retseptsii avtorami // *Filologiya i chelovek*. 2008. № 1. S. 19–29 (in Russ).
- [7] *Lukanina M.V.* Tekst sredstv massovoi informatsii i konvergentsiya // *Politicheskaya lingvistika*. Vyp. 20. Ekaterinburg, 2006. S. 205–214 (in Russ).
- [8] *Vartanova E.L.* Novye media kak kul'turnoe prostranstvo sovremennogo obshchestva // *Medi@Imanakh*. 2015. № 4. S. 8–10 (in Russ).
- [9] *Guskova S.V.* Vliyanie konvergentnykh sredstv massovoi informatsii na molodezhnuyu auditorii // *Vestnik Tambovskogo universiteta*. 2013. Vyp. 9 (125). S. 249–254 (in Russ).
- [10] *Petrovskaya O.Yu.* Vliyanie SMI na molodezh // *Vestnik MGOU. Seriya «Ekonomika i pravo»*. 2012. № 1 (7). S. 71–77 (in Russ).
- [11] *Sobkin V.S., Feofanova T.A.* Televidenie v zhizni sovremennykh podrostkov // *Sotsiologiya obrazovaniya. Trudy po sotsiologii obrazovaniya. Seriya «Sotsiokul'turnye problemy v zhizni sovremennogo obrazovaniya / Pod red. V.S. Sobkina*. M., 2011. S. 237–256 (in Russ).
- [12] *Privalova I.V., Kuptsova N.V.* Elektronnyaya kommunikatsiya molodezhi: monografiya. Saratov: Izd-vo Saratovskogo gos. med. un-ta, 2016. 139 s. (in Russ).
- [13] *Levina V.N.* Aktualizatsiya peizazhnoi edinitsy v informatsionnom pole gazetnogo teksta // *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2011. № 7. S. 83–86. (in Russ).
- [14] *Andreeva G.M.* Sotsial'naya psikhologiya. M.: Aspekt Press, 1997. 384 s. (in Russ).
- [15] *Kononenko B.I.* Bol'shoi tolkovyi slovar' po kul'turologii, 2003. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_culture/1796 (data obrashcheniya: 10.07.2016). (in Russ).
- [16] *Adamovich O.* Razvlecheniya zolotoi molodezhi Moskvy: zalozhnitsa v «Bentli», dvorniki na «Ferrari» // *Komsomol'skaya pravda*. 2016. 19 aprelya. URL: <http://www.kp.ru/daily/26518/3535107/> (data obrashcheniya: 22.04.2016). (in Russ).
- [17] *Buryakovskaya V.A.* Aksiologicheskie vektory massovoi kul'tury // *Vestnik KemGU*. 2014. № 1(57). S. 123–125. (in Russ).
- [18] *Guskova S.V.* Header complex in Russian newspapers: functions and types // *Russian linguistic Bulletin*. 2016. № 2 (6). P. 31–32. (in Russ).
- [19] *Groshev I.V.* Osobennosti rechevogo povedeniya muzhchin i zhenshchin // *Voprosy psikhologii*. 2013. № 2. S. 80–93. (in Russ).
- [20] *Vlasenko N.Yu., Gefele O.F., Filippchenkova S.I.* Gendernoe issledovanie lichnostnykh i motivatsionnykh osobennosti studentov meditsinskogo vuza // *Perspektivy nauki*. 2010. № 5 (07). S. 32–35. (in Russ).
- [21] Molodezh' Rossii: tsifry i fakty // *Sovremenniy uchitel'skii portal*. URL: http://easyen.ru/news/molodezh_rossii_cifry_i_fakty/2016-07-06-951 (data obrashcheniya: 10.12.2016). (in Russ).
- [22] *Bobrova E.K.* Rol sredstv massovoi informatsii v razvitii rechevoi kul'tury molodezhi // *Vestnik MGOU. Seriya «Russkaya filologiya»*. 2011. № 1. S. 11–14. (in Russ).
- [23] *Buryakovskaya V.A.* Refleksiya auditorii na temu SMI // *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*. 2014. № 5. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=15033> (data obrashcheniya: 17.02.2017). (in Russ).
- [24] *Nemyka A.A., Peshkov A.A.* Sovremennaya molodezhnaya sreda: spetsifika rechevoi kommunikatsii // *Vestnik RUDN. Seriya Russkii i inostrannye yazyki i metodika ikh prepodavaniya*. 2012. № 4. S. 118–122. (in Russ).

Article history:

Received: 18.03.2017

Accepted: 25.04.2017

For citation:

Guskova S.V., Levina V.N. (2017) Mechanisms of cultural values and students' behavioral priorities forming under the influence of converged media materials. *RUDN Journal of Russian and Foreign Languages Research and Teaching*, 15 (3), 317–332. DOI: 10.22363/2313-2264-2017-15-3-317-332

Bio Note:

Levina Vera Nikolayevna, Associate Professor of the Russian language department No. 1 of the faculty of Russian language and General education, Peoples' Friendship University of Russia. *Sphere of scientific interests*: Russian linguistic culture, Russian language, text theory, communication theory, mass media language, verbal communication, linguistic and cultural studies. Author of more than 100 scientific publications. *Contact information*: e-mail: levina_vn@mail.ru

Guskova Svetlana Vladimirovna, Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Russian and Foreign Literature and Journalism, Tambov State University named after G.R. Derzhavin. *Sphere of scientific interests*: mass and interpersonal communication, language of mass media, psychology of journalism, typology of mass media, regional media. Author of more than 180 scientific publications. *Contact information*: e-mail: guskova_s_v@mail.ru

DOI 10.22363/2313-2264-2017-15-3-333-345

УДК 81'243

ФРАЗЕОЛОГИЯ ОБУЧАЕМОГО И ФРАЗЕОЛОГИЯ ОБУЧАЮЩЕГО (ПРОБЛЕМЫ МЕТОДИКИ ОСВОЕНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ)

В.М. Мокиенко

Санкт-Петербургский государственный университет
Университетская наб., 7-9, Санкт-Петербург, Россия, 199034

В данной статье рассмотрены проблемы методики освоения фразеологизмов. Автор обращается к классификации фразеологических единиц на «натуральные» и «конвенционные», предложенную польским исследователем Ст. Скорупкой, и доказывает ее актуальность для методики обучения родному и иностранным языкам. Выявлена и обоснована необходимость включения фразеологического материала в процесс обучения. Проанализированы характерные особенности использования фразеологии в процессе обучения родному и иностранному языку в целях интенсификации усвоения учебного материала. Подчеркивается, что использование фразеологического материала в обучении родному и иностранному языкам повышает интерес обучаемых к овладению языком и стимулирует творческое отношение к нему. Учитывается специфика фразеологии обучаемого и обучающего и зависимость количества и качества излагаемого учебного материала от уровня знаний обучаемых. «Уровневый» подход позволяет дифференцированно оценивать целесообразность включения фразеологии в процесс обучения. Не меньшее значение имеет учет в таком процессе родного языка учащихся: для родственных языков это более ускоряет усвоение материала, чем для неродственных. Особо оценивается автором и популярный в современной фразеологии и паремиологии так называемый «паремиологический минимум», идею которого выдвинул Г.Л. Пермяков. В принципе полезный, такой минимум не может быть универсальным для каждого языка в силу своей изменчивости и зависимости от языкового уровня носителей языка. В процессе обучения выработка такого минимума требует дифференциации в зависимости от методических целей, поставленных преподавателем. На основе проведенного исследования автором предлагается ряд методов обучения фразеологии для различных групп обучающихся. Учитывается как отечественный, так и зарубежный опыт преподавания фразеологии.

Ключевые слова: фразеология, фразеологизм, фразеологическая единица, методика преподавания родного и иностранного языков, лингвострановедение, языковая картина мира, идеографическая классификация фразеологизмов

ВВЕДЕНИЕ

Развитие теории фразеологии достаточно быстро привело и к ее внедрению в практику преподавания иностранных языков. Это и понятно: ведь фразеологический материал отражает язык во всем его многоцветии. Изучая фразеологизмы и пословицы, можно заниматься и фонетикой, грамматикой, лексикой, синтаксисом. Но — более того, расшифровка фразеологических образов дает многое и для понимания национальной культуры, мифологии, современной жизни. В каком-то смысле фразеология — это окно в «этноязыковое видение мира» [1. С. 74] и тем самым в глубины национальной ментальности.

Усиленный интерес к фразеологии как объекту лингводидактики демонстрирует не только отечественная, но и зарубежная лингвистика. Так, в Чехии фразеология активно внедряется в процесс обучения с начального до высшего уровня. Опыт такого внедрения описан в книге М. Чеховой, руководившей проектом обучения иностранных студентов чешскому языку в Карловом университете и университете им. Я. Пуркине в Усти над Лабе [2]. Автором убедительно показана роль фразеологии в процессе обучения родному и иностранному языкам как способ прививки любви к ним. При этом, естественно, экспериментальные данные обнаружили значительные индивидуальные различия в понимании фразеологии и объема их усвоения [2. С. 113]. М. Чехова проводит глубокое зондирование реальных знаний обучаемых и приходит к объективному выводу о том, что «многие традиционные народные фраземы предаются забвению» [2. С. 118], что ставит прагматическую задачу об их проработке в процессе обучения.

Одной из прагматических задач, решением которой постоянно заняты преподаватели русского и иностранных языков, является, собственно, и проблема практики перевода, т.е. использование его как средства обучения. В лучшем случае (как это и делается во многих университетах) преподаватель должен быть билингом и оперативно семантизировать студентам непонятные словосочетания на их родном языке. Методисты, обычно спорящие о целесообразности такого оперативного перевода лексики, практически единодушно подтверждают целесообразность подобной переводной семантизации для фразеологии [3. С. 81; 4. С. 56]. Способы такой семантизации хорошо известны и переводчикам, и составителям двуязычных и многоязычных словарей. Вот их общий перечень:

- 1) перевод фразеологизмами, тождественными по своему компонентному составу, семантике, стилистике и функции в тексте;
- 2) перевод фразеологизмами, тождественными семантически и функционально;
- 3) перевод словом, словосочетанием, предложением и др., с описательной экспликацией значения фразеологизма.

Разумеется, не истолковав значения фразеологизма, невозможно работать с ним в иностранной аудитории. Однако простое толкование и даже перевод на родной язык дает представление лишь о верхушке фразеологического айсберга изучаемого языка. Преподавательский опыт показывает, что те студенты, которые по-настоящему интересуются русским языком, стремятся овладеть идиоматикой во всем ее разноцветии, проникнуть в глубь ее образов, постигнуть ее «обертоны смысла» и стилистические полутона.

Такая задача, естественно, не под силу тому, кто только начал изучать иностранный язык, или тому, кто хочет овладеть им на уровне «магазинного» общения. Фразеология — это языковая культура, а освоение любой культуры требует немалого времени и усилий.

ЦЕЛЬ

Целью настоящей статьи является аналитический обзор возможных методических и прагматических подходов к фразеологии в процессе обучения родному и иностранному языкам.

МЕТОДЫ И МАТЕРИАЛЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Проблема «Язык и культура» в спектре фразеологии вылилась, как известно, в проблему лингвострановедения — особую отрасль прагматической лингвистики и методики преподавания русского языка как иностранного, цель которой — дать учащимся экстралингвистическую информацию на языковых занятиях [5; 6].

Лингвострановедение, собственно, вновь вернуло фразеологов к разграничению фразеологических массивов разных языков на конвенциональную и натуральную, которое было предложено Ст. Скорупкой в докладе на IV-м Международном съезде славистов в Москве в 1958 году [7. С. 124—155; 8. С. 119—130]. Это было время, когда фразеологический «бум» еще лишь начинался и многие теоретические и практические вопросы фразеологии как специальной лингвистической дисциплины только ставились. Один из них — взаимодействие универсального и уникального, общечеловеческого и национально специфического, объективно-материального и субъективно-социального — и попытался поставить польский лексикограф.

Разграничение фразеологизмов на *конвенциональные* и *натуральные* для него было разграничением диахроническим, ориентированным на их «генезис» (что, между прочим, подчеркнуто и в заглавиях его статей). «Фразеологические сочетания, которые я называю *натуральными*, — писал Ст. Скорупка, — часто являются общими для многих языков, возникают независимо друг от друга, поскольку имеют общую основу в явлениях природы, в наблюдениях человека над природой, ее проявлениями и жизнью, в общих физических и психологических видах деятельности человека, в общих условиях развития. Фразеологические же сочетания, которые я называю *конвенциональными*, отражают специфические условия развития данного народа: его занятия, условия существования, обычаи, религиозные и культурные различия, — словом, развитие материальной и духовной культуры человека» [7. С. 123].

Ст. Скорупка не только предложил это общее разграничение, но и проиллюстрировал его обильным количеством примеров из разных языков — как славянских, так и неславянских. Эти примеры также даются им с диахронической направленностью, ибо “*tertium comparationis*” разграничения является их внутренняя форма. Вот почему его классификация фразеологизмов достаточно прямолинейно переросла в классификацию их опорных компонентов. Так, к *натуральным* фразеологизмам исследователь относит в основном выражения и обороты, построенные на аналогиях с названиями частей человеческого тела, его внутренних органов, его деятельности и чувств. Соматизмы (т.е. названия частей человеческого тела типа «голова», «рука»), географические и метеорологические термины («море», «океан», «туча»), анимализмы (т.е. названия животных типа «конь», «собака», «вол») — вот основной набор компонентов, который описывается польским исследователем в разделе о *натуральной* фразеологии.

ОБСУЖДЕНИЕ

Концепция Ст. Скорупки требовала *диахронического* взгляда на фразеологию. В русистике, однако, в то время еще не был накоплен материал для диахрониче-

ского, историко-этимологического анализа. Понадобились три десятилетия, чтобы создать хотя бы минимальную базу для изучения этой проблемы. Практическим стимулом для этого и послужило *лингвострановедение*, связанное с обучением русскому языку как иностранному. Известно, что основное искомое этой новой и популярной у преподавателей и студентов дисциплины — «культурный фон», накапливаемый языком благодаря *кумулятивной функции* последнего, т.е. способности накапливать экстралингвистическую информацию. Фразеология и афористика — мощные «накопители» такой фоновой информации, емкие ресурсы фоновых знаний [5. С. 303]. Фразеологический фон создается благодаря категориальной двуплановости фразеологии и ее постоянной апелляции к диахронии. Страноведческая ценность фразеологизмов складывается из трех составляющих: комплексного (целостного), расчлененного (компонентно акцентированного) и «прототипного» (генетически обусловленного) отражения национальной культуры [9. С. 85]. Студента, стремящегося почти всегда выйти за пределы «чистого» языка и получить культурологическую информацию параллельно с лингвистической, интересует расшифровка всех этих трех составляющих. Именно такую расшифровку и предполагает разграничение фразеологического материала на две общие категории, выделенные Ст. Скорупкой.

Методическую эффективность такого разграничения доказывают и многие преподаватели русского языка как иностранного, и фразеологи-слависты (Р. Брейтшпрехер, Л.И. Степанова, А.Б. Новиков, С.С. Волков, Н.Е. Якименко, Е.К. Николаева, Н.М. Кабанова, А.Г. Гринева и др.). Важно теперь прагматически оценить массив русской конвенциональной фразеологии с точки зрения ее лингвистической обоснованности и объективности. Ведь некоторая непоследовательность деления всех фразеологизмов на «естественные» и «натуральные» бросалась в глаза и раньше, — например, при интерпретации оборотов, отражающих «профессиональные» реалии [10. С. 163—166].

Прагматические цели преподавания требуют и других способов классификации фразеологии. Таковы два ее типа, которые, как кажется, имеют немаловажное значение для глубокого освоения фразеологизмов в иностранной аудитории.

Речь идет об изучении фразеологии по *идеографическому* принципу, т.е. в рамках определенных тематических концентров. Такой прагматический подход овеян давней методической традицией. Не случайно он широко применялся Яном Амосом Коменским, труды которого считаются краеугольным камнем современной педагогики. Пословицы и поговорки были для чешского просветителя и основателя европейской методики преподавания иностранных языков важным материалом развития эстетического, эмоционального и образного мышления учащихся, своеобразным «*Světém v obrazech*» (Миром в картинах) и «*Obrazem světa*» (Картиной мира).

Показательна в этом плане история публикации его паремииологического сборника «*Moudrost starých Čechů, za zrcadlo vystavěna potomkům*». Выросший из собрания слов для книги «*Thesaurus linguae Bohemicae*», этот сборник был издан первоначально лишь как дополнение к первому изданию «*Didaktiky české*». Составленный в рукописи около 1630 года, он увидел свет вместе с «*Didaktikou českou*» только в 1849 году. Она вышла благодаря издательским усилиям «*Matice*

české». Второе издание — 1871 года, вышедшее у И.Л. Кобра к годовщине смерти Я.А. Коменского и через 30 лет переизданное [11], также было своеобразным паремиологическим «послесловием» к «Дидактике». Уже сам факт появления этой единокнижной публикации “Moudrosti” и “Didaktiky” свидетельствует о том, сколь высоко Я.А. Коменский оценивал дидактические ресурсы паремиологического (resp. фразеологического) материала.

Внимательно вчитываясь в собрание чешских паремий и следя за тематическим распределением языкового материала, можно прийти к весьма важному для современных фразеологов и преподавателей иностранных языков выводу. Оказывается, пословицы и поговорки служили Я.А. Коменскому своеобразным пробным камнем для его дидактических рекомендаций. Более того — он строил свою дидактическую «картину мира» именно на основе паремий. Известный издатель собрания сочинений Я.А. Коменского В. Новак в своем предисловии к их 4-му тому детально сопоставляет композицию одного из основных дидактических трудов «Учителя народов» — «Vrána...» с его сборником чешских пословиц и поговорок. И как показал такой сопоставительный анализ, тематическая композиция этих двух работ совпадает почти полностью [11. IX—XIII].

Перед нами, собственно говоря, — одна из первых в европейской традиции идеографических классификаций лексики и фразеологии в широком смысле последнего термина. Идеография помогла систематизировать большой учебный материал, что и открывало учащимся «Ворота в мир». Тематическая группировка паремий с интерпретаций их внутренней формы на долгое время стала одним из ведущих классификационных принципов в славянской паремиологии. Ему следуют в эпоху славянского национального Возрождения такие собиратели, как П.А.Р. Затурецкий, Фр. Лад. Челаковский, В.И. Даль, И. Франко и др. При этом, разумеется, паремиологическая «матрица» Я.А. Коменского всякий раз конкретизировалась и модифицировалась в зависимости от материалов собирателя.

Идеографический подход к фразеологии до сих пор, пожалуй, остается основным способом презентации материала в учебных целях. Он основывается на разрабатываемых сейчас в славянской фразеологии принципах идеографического анализа с погружением в историю и этимологию устойчивых оборотов. В современной лингвометодике такой подход полностью оправдывается коммуникативными установками обучения иностранным языкам. Тематические блоки паремий органично вписываются в коммуникативные циклы, требующие актуализации, и делают их более естественными и яркими. Известны пособия, целиком построенные на идиоматической идеографии (типа серии “English through idioms”, популярной в США или «Русская фразеология для чехов» [12], где соотношение общеязыковой «коммуникативный блок — идиоматический коммуникативный блок» изменило (и вполне оправданно) свою иерархию. Идиоматика и паремиология в таких случаях становятся отправными точками учебной коммуникации.

Понятно, что пособия такого рода эффективны для работы на продвинутых этапах обучения, когда студенты уже накопили солидные языковые и страноведческие познания. Идеографическая группировка помогает кристаллизировать эти понятия, оживлять их образными и экспрессивными элементами, связывать их новыми, живыми и актуальными нитями.

Идеографическая группировка идиоматики и паремиологии имеет двойственную природу. Ее дуалистичность коренится в противоречивости общеязыковой дихотомии «синхрония — диахрония», порождающей два принципиально различных типа идеографической классификации фразем [13]. На синхронной оси идеографические рубрики отличаются большой избирательностью. Фразеология, как мы видели, обслуживает в основном понятийные сферы, тяготеющие к экспрессивности, поэтому активно представленными группами являются такие, которые характеризуют человека (*семи пядей во лбу, у кого ума палата, у кого золотая голова* ‘об очень умном человеке’; *глуп как пробка, чурка с ушами, у кого голова мякиной набита* ‘об очень глупом человеке’), его состояния (*пьян как сапожник, пьян в стельку, лыка не вяжет* ‘об очень пьяном человеке’; *кого шатает как былинку, еле-еле душа в теле, на ладан дышит* ‘об ослабленном болезнью, очень больном человеке’), интенсивные действия (*лететь стрелой, нестись со всех ног, только пятки сверкают* ‘очень быстро бежать’; *работать как вол, вкалывать как лошадь, трудиться до седьмого пота* ‘много и тяжело работать’), чрезмерное множество (*как песку морского, кишмя кишит, хоть пруд пруди*) и др.

По принципу синхронной идеографической классификации строятся некоторые учебные пособия по фразеологии. Таковы, например, тематический словарь по русскому языку как иностранному Р.И. Яранцева (1985), пособие для русских и чешских студентов Л.И. Степановой и Р.И. Яранцева [14; 15], пособие по русской фразеологии для иностранцев Н.И. Демьяновича (1993) и учебник по немецкой фразеологии [16]. Их методическая эффективность доказывается практикой — пособия Р.И. Яранцева и Б. Вотяк и М. Рихтер, например, выдержали по несколько изданий.

Синхронно-идеографический принцип отражает в основном «антропоцентрические» характеристики фразеологии. Диахронно-идеографический же принцип во многом «нацелен» на отражение объективной реальности — разумеется, отражение глазами человека. Собственно говоря, любая классификация фразеологии и паремиологии так или иначе будет перекликаться с идеографической «матрицей» Я.А. Коменского. Один из ее «осовремененных» методических вариантов представлен в лингвострановедческом словаре по русской фразеологии для иностранцев В.П. Фелицыной и автора этих строк [17. С. 217—221]. Большинство русских выражений, диахронически истолкованных в основном корпусе этого словаря, в приведенной в приложении части «раскладываются по полочкам» лингвострановедчески ориентированной идеографической схемы. Некоторые примеры ее наполнения следующие.

1. Природа, животный и растительный мир:

Тише воды ниже травы, воды не замутит, как в воду смотрел, белые мухи, как с гуся вода; смотреть как баран на новые ворота, убить бобра, стреляный воробей, ворон считать, ходить гоголем, ездить зайцем, комар носу не подточит, конь не валялся, попасть как кур во щи, писать как курица лапой, медведь на ухо наступил; белены объелся, бобы разводить, накормить березовой кашей, развесистая клюква, ободрать как липку, дрожать как осиновый лист, хуже горькой редьки, дешевле пареной репы, маковой росинки во рту не было.

2. Человек. Анатомия человека. Жесты.

Выходить боком, под боком, на боковую, не в бровь, а в глаз, висеть на волоске, глаз набит, с глазу на глаз, в первую голову, сломя голову, заговаривать зубы, ни в зуб ногой, на корточках, на карачки, кровь с молоком, водить за нос, молоко на губах не обсохло, чувство локтя, один как перст, золотые руки, как рукой сняло, на скорую руку, сидеть сложа руки, приложить руку, с легкой руки, развешивать уши, говорить на разных языках; махнуть рукой, по рукам, под руку, положила руку на сердце, разводить руками, с распростертыми объятиями, на большой палец.

3. Бытовые представления.

Задать баню, пристать как банный лист, ни в какие ворота не лезет, от ворот поворот, не ко двору, на задворках, ни зги не видно, бросать камешек в чей огород, хоть кол на голове теши, палка о двух концах, с три короба, дым коромыслом, из кулька в рогожку, лаптем щи хлебать, не мытьем, так катаньем, на мякине не проведешь, небо с овчинку показалось, огород городить, хоть топор вешай, ни тпру ни ну, мелкая сошка, переметная сума, моя хата с краю, к черту на кулички, нести окоlesiцу, вставлять палки в колеса, сбиться с панталыку; рубаха-парень, спусти рукава, держать в ежовых рукавицах, шиворот-навыворот, прийти к шапочному разбору; печь как блины, за семь верст киселя хлебать, седьмая вода на киселе, калачом не заманишь, тертый калач, заварить кашу, мало каши ел, отрезанный ломоть, пуд соли съесть, не фунт изюму, заморить червячка.

4. История.

В бегах, в нетях, ни бельмеса, коломенская верста, во всю Ивановскую, казанская сирота, как Мамай прошел, пока суд да дело, узнать всю подноготную, Иван, не помнящий родства, ни к селу ни к городу, гол как сокол, погибнуть как швед под Полтавой, турусы на колесах.

5. Социальные отношения. Этикет. Профессиональные характеристики.

Всем миром, свой брат, седьмая вода на киселе; милости просим! не солоно хлебавши, не поминай лихом, бить челом, ломать шапку, от ворот поворот, туда и дорога, пальца в рот не клади, брать слово; брать на арапа, нести вахту, поставить заслон, хоть караул кричи, бить в набат, забрить лоб, тихой сапой, на ура; показать товар лицом, наклеивать ярлык; взятки гладки, судить да рядить, откладывать в долгий ящик, положить под сукно, концы хоронить, звонить во все колокола, подвести под монастырь; играть в бирюльки, играть в жмурки, играть в прятки, и карты в руки, втереть очки, жив курилка, заткнуть за пояс.

6. Духовная культура.

Ни аза; от аза до ижицы, с азов, буква в букву, с большой буквы, для галочки, филькина грамота, прописать ижицу, от корки до корки, от доски до доски, по складам читать, склонять во всех падежах, с красной строки, ходить фертом, на ять, брать на карандаш, плести словеса; кисейная барышня, лебединая песня, путевка в жизнь; бес попутал, после дождичка в четверг, душа не лежит, пустить красного петуха, брать грех на душу, на кой черт, черт возьми, ни богу свечка ни черту кочерга; бабушка ворожит, чудеса в решете, тупун тебе на язык, выносить сор из избы, чин чином, хлеб-соль, родиться в сорочке, перемывать косточки; ад крошечный, посыпать голову пеплом, как на духу, краеугольный камень, одним миром

мазаний, на седьмом небе, притча во языцех, воздать строицей, как у Христа за пазухой.

7. Фольклор, народная речь, юмор.

На авось, ни бе ни ме, по щучьему велению, красная девица, диву даваться, рожки да ножки, весь белый свет, ни слуху ни духу, за тридевять земель, трын-трава, при царе Горохе; от горшка два вершка, до морковкина заговенья, шарашкина контора, кот заплакал, на рыбьем меху, без году неделя, когда рак на горе свистнет, праздновать трусу.

Внутри каждого из этих семи тематических циклов фразеологизмы располагаются по более мелким рубрикам, в рамках которых можно и проходить ту или иную лингвострановедческую тему по русскому языку. Педагогический опыт уже показал, что такой ретроспективный тематический комментарий фразеологии повышает интерес учащихся к русскому языку, создает «фоновые знания», стимулирует творческое отношение к образной речи.

Синхронная и диахроническая идеография фразеологизмов не только отвечает коммуникативным и лингвострановедческим установкам обучения, но и позволяет создавать компактные «банки информации» для различных методических целей.

В этом плане весьма важны многочисленные попытки определить так называемый «фразеологический минимум». В отличие от минимума лексического, определяемого в основном фактором частотности лексем, фразеологический минимум характеризуется большим количественным и качественным разбросом [18]. Вот почему заранее обречены на неудачу усилия методистов, желающих создать универсальный фразеологический «Словарь-минимум». Не случайно также при обилии европейских фразеологических словарей до сих пор не создано ни одного частотного фразеологического словаря.

Причина этого в том, что и отбор фразеологического минимума, и создание частотных словарей требуют чрезвычайной детализации целевых, адресатных и уровневых установок обучения. Одно дело, например, фразеологический минимум русского языка для студентов-славян, другое — для вьетнамцев или китайцев, минимум для пассивного или активного освоения языка, среднего или продвинутого этапа обучения, филологов или студентов технических вузов и т.д.

В таком ключе написано немало работ, посвященных именно проблемам дифференциального подхода к дидактическим аспектам фразеологии. Отбор и минимизация фразеологического материала, демонстрация страноведческой ценности фразеологизмов, создание учебных фразеологических словарей, разработка комплексов упражнений, учет модели обучения, межъязыковая фразеологическая интерференция, фразеология и аналитическое чтение — вот далеко не полный перечень конкретных проблем, решаемых специалистами (Ж.А. Арутюнова, О.И. Быкова, Т.Н. Кочетов, О.С. Гузина, Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров, С.Н. Киселева, М. Леонидова, Т.А. Марусенко, И.В. Казнышкина, О.И. Меншутина, Г.Г. Стрелкова, Э.М. Шахсуварова, Н.Е. Якименко, Р.И. Яранцев и др.).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

При отборе и интерпретации фразеологического материала для обучения необходимо учесть лингводидактическую триаду: *коммуникативный, речевой и языковой* уровни. Это имплицитно и эксплицитно вновь возвращает нас, по сути, к идеографической рубрикации фразеологии. Так, например, при коммуникативном подходе к отбору фразеологического материала для краткосрочных курсов русского языка (16—13-недельного курса обучения) выявляются следующие основные сферы общения: социально-бытовая, социально-культурная и зрелищно-массовая [19. С. 13]. Каждая из них, в сущности, соответствует идеографическим схемам, созданным фразеологами.

Общелингвистическое противопоставление «Язык — речь» для методики в какой-то мере проецируется в оппозицию «активное — пассивное освоение языка». Для активного речевого уровня набор фразеологизмов и их число, несомненно, — иной, чем для уровня пассивно языкового. Так, если для коммуникативных целей интенсивного обучения русскому языку методисты определяют фразеологический минимум в 115 фразеологизмов (при соотношении усваиваемых оборотов и слов 1:15 и в интервал 1:18, 5:20 [19. С. 10]), то для обучения пониманию фразеологизмов в художественном тексте этот минимум определяется в 350 выражений, причем, — без учета их многообразных вариантов и трансформаций [20. С. 11].

Такие соотношения, разумеется, — весьма относительны, хотя и вытекают из определенного опыта преподавания. Относительность многих дидактических выводов и рекомендаций по фразеологии и различная эффективность освоения фразеологизмов обусловлены, помимо прочего, и субъективным, индивидуально-психологическим восприятием этих единиц как эмоционально-экспрессивного и образного языкового элемента. Отсюда — различная степень «усвояемости» всех основных типов упражнений по фразеологии — языковых, условно-речевых и речевых. Различна и реакция обучаемых на три уровня сформированности самостоятельной деятельности студентов — копирующего, воспроизводящего и творческого [21. С. 13]. Различна даже степень усвоения так называемых «элементов трехчленной идеальной сущности фразеологизмов» — абсолютной, относительной и сочетательной ценности.

Все эти различия приходится постоянно учитывать в определенной учебной аудитории, гибко и оперативно меняя тактику обучения. Менять ее приходится и под влиянием быстро меняющихся интересов учащихся и мотивации изучения русского языка как иностранного.

Но как бы ни менялись интересы учащихся и преподавателей, в какую бы сторону ни обращалась политическая, языковая и дидактическая фортуна, фразеология всегда будет сохранять свою привлекательность для тех, кто хочет овладеть иностранным и собственным языками во всем их многоцветии. Ибо именно через ее каналы лежит дорога к национальной и общеевропейской культуре и менталитету.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- [1] Шаклеин В.М. Этноязыковое видение мира как составляющая лингвокультурной ситуации // Вестник Московского университета. Лингвистика и межкультурная коммуникация. № 1. 2000. С. 73—78.
- [2] Čechová Marie. Řeč o řeči. Praha: Academia, 2012. 311 s.
- [3] Быстрова Е.А. Семантизация русских фразеологизмов // Вопросы методики обучения русскому языку учащихся национальной школы. М.: Русский язык, 1976. С. 81—90.
- [4] Бирих А.К., Волков С.С., Никитина Т.Г. Словарь русской фразеологической терминологии / под ред. проф. В.М. Мокиенко. Hsg. von A. Bierich. München: Verlag Otto Sagner, 1993. 136 с.
- [5] Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Лингвострановедческая теория слова. М.: Русский язык, 1980. 416 с.
- [6] Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, рече-поведенческих тактик и сапиентемы. М.: Изд-во «Индрик», 2005. 1040 с.
- [7] Skorupka St. Idiomatyzmy frazeologiczne w języku polskim i ich geneza // Славянская филология. Т. 3. М.: Наука, 1958. С. 124—155.
- [8] Skorupka St. Z zagadnień frazeologii porównawczej // Prace Filologiczne, 1965. № 18. S. 119—130.
- [9] Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. Лингвострановедение и преподавание русского языка как иностранного. М.: Русский язык, 1983. 269 с.
- [10] Мокиенко В.М. Славянская фразеология. 2-е изд., испр. и доп. М.: Высшая школа, 1989. 287 с.
- [11] Komenský Jan Amos. Moudrost starých Čechů, za zrcadlo vystavěna potomkům. Z rukopisu Lesenského // Spisy Jana Amosa Komenského. Vydal Jan Novák. Číslo 2. Praha, 1901. 113 s.
- [12] Mokienko V.M., Štěpánova L. Ruská frazeologie pro Čechy. Русская фразеология для чехов. 2. vydání (rozšířené). Olomouc: Univerzita Palackého v Olomouci, filozofická fakulta, 2008. 259 s.
- [13] Мокиенко В.М. О тематико-идеографической классификации фразеологизмов // Словари и лингвострановедение / под ред. Е.М. Верещагина. М.: Русский язык, 1982. С. 108—121.
- [14] Яранцев Р.И., Степанова Л.И. Учебное пособие по русско-чешской фразеологии (Раздел «Эмоции и чувства человека»). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1989. 169 с.
- [15] Яранцев Р.И., Степанова Л.И. Русско-чешская фразеология (Свойства и качества характера). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1992. 96 с.
- [16] Wotjak B., Richter M. Sage und schreibe. Deutsche Phraseologismen in Theorie und Praxis. Leipzig-Berlin-München: Langenscheidt, 1994. 150 s.
- [17] Фелицына В.П., Мокиенко В.М. Русские фразеологизмы. Лингвострановедческий словарь / под ред. Е.М. Верещагина, В.Г. Костомарова. М.: Русский язык, 1990. 222 с.
- [18] Мокиенко В.М. Паремииологический минимум и паремииологические максимы современной русской жизни // Слова. Концепты. Мифы. К 60-летию Анатолия Фёдоровича Журавлёва / Отв. ред. Г.К. Венедиктов. М.: Изд-во «Индрик», 2011. С. 218—231.
- [19] Казнышкина И.В. Коммуникативный подход к отбору фразеологического материала для краткосрочных курсов русского языка: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Л., 1985. 14 с.
- [20] Якименко Н.Е. Обучение иностранных студентов-филологов III курса пониманию фразеологизмов в художественном тексте: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Л., 1990. 16 с.
- [21] Гузина О.С. Лексический аспект совершенствования устной речи монгольских студентов-филологов (на материале фразеологии): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 1992. 18 с.

© Мокиенко В.М., 2017

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 18.03.2017

Дата принятия к печати: 31.03.2017

Для цитирования:

Мокиенко В.М. Фразеология обучаемого и фразеология обучающего (Проблемы методики освоения фразеологизмов) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2017. Т. 15. № 3. С. 333–345. DOI: 10.22363/2313-2264-2017-15-3-333-345

Сведения об авторе:

Мокиенко Валерий Михайлович, доктор филологических наук, профессор кафедры славянской филологии Санкт-Петербургского гос. университета; председатель фразеологической комиссии при Международном комитете славистов. Почетный работник Высшего образования РФ. *Сфера научных интересов*: сопоставительная лингвистика, славянские (чешский, украинский) языки, лексикология, лексикография, фразеология и фразеография, паремиология, лингвокультурология, теория и практика перевода. Автор более 1150 научных публикаций, в том числе 23 монографий и 14 учебников и учебных пособий по русскому и другим славянским языкам. *Контактная информация*: электронный адрес: mokienko40@mail.ru

PHRASEOLOGY OF THE LEARNED AND OF THE LEARNER (PROBLEMS OF THE METHODOLOGY OF MASTERING PHRASEOLOGICAL UNITS)

V.M. Mokienko

Saint Petersburg State University
Universitetskaya nab. 7-9, St. Peterburg, Russia, 199034

In this article the problems of the methodology of mastering phraseological units are considered. The author refers to the classification of phraseological units into “natural” and “conventional” ones, proposed by the Polish researcher St. Skorupka, and proves its relevance to the methodology of teaching native and foreign languages. The need to include phraseological material in the learning process is identified and justified. Characteristic features of the use of phraseology in the process of teaching native and foreign languages are analyzed with the aim to intensify the assimilation of educational material. It is emphasized that the use of phraseological material in teaching native and foreign languages increases the interest of learners to master language and stimulates creative attitude towards it. The specificity of the phraseology of the learned and the learner and the dependence of the quantity and quality of the educational material presented on the level of knowledge of the trainees are taken into account. The “level” approach allows differentiating the appropriateness of the inclusion of phraseology in the learning process. It is no less important to take into account in this process the native language of students: for related languages, this accelerates the learning of the material more than for unrelated ones. The author of the so-called “paremiological minimum”, which is proposed by G.L. Permyakov and became popular in modern phraseology and paremiology. In principle, useful, such a minimum can not be universal for each language due to its variability and dependence on the language level of specific native speakers. In the process of teaching, the development of such a minimum requires differentiation, depending on the methodological goals set by the teacher. Based on the study, the author suggests a number of methods of teaching phraseology for different groups of students. It takes into account both domestic and foreign experience teaching phraseology.

Key words: phraseology, phraseology, phraseological unit, teaching methods of native and foreign languages, linguistic culture, language picture of the world, ideographic classification of phraseological units

REFERENCES

- [1] *Shaklein V.M. Jetnojazykovoe videnie mira kak sostavljajushhaja lingvokul'turnoj situacii. Vestnik Moskovskogo universiteta. Lingvistika i mezhkul'turnaja kommunikacija. 2000. № 1. P. 73—78. (In Russ.)*
- [2] *Čechová Marie* Řeč o řeči. Praha: Academia, 2012. 311 p.
- [3] *Bystrova E.A. Semantizacija russkih frazeologizmov // Voprosy metodiki obuchenija russkomu jazyku uchashhijhsja nacional'noj shkoly. M.: Russkij jazyk, 1976. P. 81—90. (In Russ.)*
- [4] *Birih A.K., Volkov S.S., Nikitina T.G. Slovar' russkoj frazeologičeskoj terminologii. Pod red. prof. V.M. Mokienko. Hsg. von A. Bierich. München: Verlag Otto Sagner, 1993. 136 p. (In Russ.)*
- [5] *Vereshhagin E.M., Kostomarov V.G. Lingvostranovedčeskaja teorija slova. M.: Russkij jazyk, 1980. 416 p. (In Russ.)*
- [6] *Vereshhagin E.M., Kostomarov V.G. Jazyk i kul'tura. Tri lingvostranovedčeskie koncepcii: leksičeskogo fona, reče-povedenčeskich taktik i sapientemy. M.: Izd-vo «Indrik», 2005. 1040 p. (In Russ.)*
- [7] *Skorupka St. Idiomatyzmy frazeologiczne w języku polskim i ich geneza // Славянская филология. Т. 3. М.: Nauka, 1958. P. 124—155.*
- [8] *Skorupka St. Z zagadnien frazeologii porownawczej // Prace Filologiczne. № 18. 1965. P. 119—130.*
- [9] *Vereshhagin E.M., Kostomarov V.G. Jazyk i kul'tura. Lingvostranovedenie i prepodavanie russkogo jazyka kak inostrannogo. Izd. 3-e. M.: Russkij jazyk, 1983. 269 p. (In Russ.)*
- [10] *Mokienko V.M. Slavjanskaja frazeologija. 2-e izd., ispr. i dop. M.: Vysshaja shkola, 1989. 287 p. (In Russ.)*
- [11] *Komenský Jan Amos* Moudrost starých Čechů, za zrcadlo vystavěna potomkům. Z rukopisu Lesenského // Spisy Jana Amosa Komenského. Vydal Jan Novák. Číslo 2. Praha, 1901. 113 p.
- [12] *Mokienko V.M., Štěpánova L. Ruská frazeologie pro Čechy. Русская фразеология для чехов. 2. vydání (rozšířené). Olomouc: Univerzita Palackého v Olomouci, filozofická fakulta, 2008. 259 p.*
- [13] *Mokienko V.M. O tematiko-ideograficheskoj klassifikacii frazeologizmov // Slovári i lingvostranovedenie / Pod red. E.M. Vereshhagina. M.: Russkij jazyk, 1982. P. 108—121. (In Russ.)*
- [14] *Jarancev R.I., Stepanova L.I. Učebnoe posobie po rusko-česhskoj frazeologii (Razdel „Jemocii i čuvstva človeka“). M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1989. 169 p. (In Russ.)*
- [15] *Jarancev R.I., Stepanova L.I. Russko-česhskaja frazeologija (Svojtva i kachestva haraktera). M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1992. 96 p. (In Russ.)*
- [16] *Wotjak B., Richter M. Sage und schreibe. Deutsche Phraseologismen in Theorie und Praxis. Leipzig-Berlin-München: Langenscheidt, 1994. 150 p.*
- [17] *Felicyna V.P., Mokienko V.M. Russkie frazeologizmy. Lingvostranovedčeskij slovar'. Pod red. E.M. Vereshhagina i V.G. Kostomarova. M.: Russkij jazyk, 1990. 222 p. (In Russ.)*
- [18] *Mokienko V.M. Paremiologičeskij minimum i paremiologičeskie maksimy sovremennoj russkoj zhizni // Slova. Koncepty. Mify. K 60-letiju Anatolija Fjodoroviča Zhuravl'jova / Otv. red. G.K. Venediktov. M.: Izd-vo «Indrik», 2011. P. 218—231. (In Russ.)*
- [19] *Kaznyshkina I.V. Kommunikativnyj podhod k otboru frazeologičeskogo materiala dlja kratkosročnyh kursov russkogo jazyka. Avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. L., 1985. 14 p. (In Russ.)*
- [20] *Jakimenko N.E. Obuchenie inostrannyh studentov-filologov III kursa ponimaniju frazeologizmov v hudozhestvennom tekste. Avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. L., 1990. 16 p. (In Russ.)*
- [21] *Guzina O.S. Leksičeskij aspekt sovershenstvovanija ustnoj reči mongol'skich studentov-filologov (na materiale frazeologii). Avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. SPb., 1992. 18 p. (In Russ.)*

Article history:

Received: 18.03.2017

Accepted: 31.03.2017

For citation:

Mokienko V.M. (2017) Phraseology of the learned and of the learner (problems of the methodology of mastering phraseological units). *RUDN Journal of Russian and Foreign Languages Research and Teaching*, 15 (3), 333–345. DOI: 10.22363/2313-2264-2017-15-3-333-345

Bio Not:

Valerij Mokienko, Doctor of Philology, Professor of the Department of Slavic Philology of St. Petersburg State University. University; Chairman of the phraseological commission of the International Committee of Slavists. Honored Worker of Higher Education of the Russian Federation. *Sphere of scientific interests*: comparative linguistics, Slavic (Czech, Ukrainian) languages, lexicology, lexicography, phraseology and phraseography, paremiology, linguoculturology, theory and practice of translation. The author of more than 1150 scientific publications, including 23 monographs and 14 textbooks and teaching aids on Russian and other Slavic languages. *Contact Information*: e-mail: elena-m-m@mail.ru

DOI 10.22363/2313-2264-2017-15-3-346-357

УДК 81'374

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА В УСЛОВИЯХ ВАРИАНТНОСТИ ТЕРМИНОВ «ИСКОННЫЙ — ИНОЯЗЫЧНЫЙ»

В.С. Звягинцев

Московский городской педагогический университет (Самарский филиал)
ул. Стара Загора, 76, Самара, Россия, 443081

Несмотря на наличие международных стандартов, рекомендаций и методических пособий, медицинская терминология характеризуется высоким процентом формально-семантического варьирования. Актуальность статьи обусловлена необходимостью выявить причины неупорядоченности терминологии, предложить рекомендации для ее нормализации и кодификации. Источником сбора языкового материала послужил «Энциклопедический словарь медицинских терминов» В.И. Покровского (М., 2005). Языковой материал собирался методом сплошной выборки, анализировался с помощью описательного, историко-этимологического метода, метода анализа словарных дефиниций, сравнительного, статистического метода. Одной из самых многочисленных является вариантность терминов, противопоставленных критерием происхождения. Новизна статьи — в функциональном, прагматическом подходе к термину. В работе не только фиксируются и анализируются случаи вариантности, недостатки терминов, но и предлагаются рекомендации для дальнейшей лексикографической практики, учитывающие традиции науки, внутренние и внешние причины языковых изменений.

Ключевые слова: вариантность терминов, терминография, иноязычный термин, исконный русский термин

ВВЕДЕНИЕ

Отобранные методом сплошной выборки 172 пары терминов в статистическом освещении представляют следующую картину: замена русского слова на иноязычный — 61 случай, 35%; замена иностранного слова на русский — 111 случаев, 65%.

Проблемы нормализации и кодификации специальной лексики обусловлены прежде всего вариативностью терминосистем. В современном терминоведении противопоставлены две взаимоисключающие концепции. Суть изоморфной концепции: всякой единице плана содержания должна соответствовать единица плана выражения. Ее основоположником является один из первых советских терминоведов Д.С. Лотте. Опираясь на его работы, в 1968 г. Комитет научно-технической терминологии АН СССР подготовил рекомендации «Как работать над терминологией». Эта публикация послужила основой «Краткого методического пособия по разработке и упорядочению научно-технической терминологии» (1979). Задача пособия — сформулировать общие принципы правильного построения терминологических систем [1. С. 6]. Пособие оказалось внутренне противоречивым, поскольку, по мысли авторов, изменяющейся системе значений должна соответ-

ствовать неизменная форма их выражения. При этом, объективно оценивая терминосистемы различных наук, авторы пособия приводят достаточное количество примеров варьирования, отклонения от одно-однозначного соответствия термина понятию. Составители пособия главным называют требование единообразия оформления видовых наименований, поскольку форма термина обусловлена его положением в таксономическом ряду. Единицы одного уровня классификации должны быть упорядочены в соответствии с принципом единоформленности.

С семидесятых годов XX в. позиция об изоморфном устройстве терминосистем начала подвергаться критике, хотя сама проблема терминологической вариантности еще не была поставлена. В терминоведении все более и более утверждается позиция, обозначенная В.П. Даниленко: автор призывает не игнорировать признаки слова вообще у специальных слов. Термин обладает всеми парадигматическими и синтагматическими свойствами, которые реализуются как внутри терминологического поля, так и в сфере функционирования, когда профессиональные единицы изымаются из рамок замкнутой системы и свободно вплетаются в общелитературное изложение [2].

В 1983 г. В.И. Сифоров и Т.Л. Канделаки в статье «Методологические аспекты терминологической работы Комитета научно-технической терминологии АН СССР» сформулировали более гибкие формы подхода к стандартизации (упорядочению, унификации) терминологии. Определяющей для современного терминоведения стала мысль об однозначности термина только внутри некой единой терминосистемы и о возможности одновременного существования разных (авторских) аспектов исследования научного феномена внутри одной дисциплины [3].

В других терминоведческих исследованиях было предложено понятие «идеального» термина как отвечающего всем критериям нормативности.

Отношение к термину как к варьирующемуся знаку в науке сложилось не сразу. Переломным в данном вопросе оказалась конференция «Вариантность как свойство языковой системы», на которой в ряде докладов было доказано, что наука о терминах должна учитывать языковые аспекты специальных слов на всех уровнях языковой системы (фонетическом, лексическом, словообразовательном, грамматическом) и что основой терминологических систем большей частью являются слова естественного языка, и эта субстратная основа заставляет функционировать терминологические поля по законам, действующим в любом национальном языке.

В.П. Даниленко и Л.И. Скворцов пришли к парадоксальному для своего времени выводу: для терминопотребления в целом характерна бóльшая, чем для общелитературного словоупотребления, вариантность форм. Однако при унификации терминов требование однозначности соотношения термина и понятия должно быть твердым. Существующие дублеты и варианты терминов нельзя игнорировать как справочный аппарат для стандартизации терминологии [4. С. 10–14].

Эти теоретические взгляды были более детально обоснованы и углублены в коллективной монографии И.С. Квитко, В.М. Лейчика, Г.Г. Кабанцева «Терминоведческие проблемы редактирования» [5]. В пособии критерием нормативно-

сти термина называется не реализация принципа изоморфизма и отсутствие системных отношений, а правильность его образования и употребления в соответствии с нормами русского литературного языка.

Последняя треть XX в. связана в терминоведении со сменой доминирующей научной парадигмы. Переход от структурных к структурно-функциональным методам изучения сделал термин открытым для многих принципиально новых идей в отношении его основных понятий и категорий, а среди существенных свойств термина ученые выделили такие его качества, как процессуальность, динамизм, противоречивость, способность к формально-семантическому варьированию. Среди современных работ, связанных с вариативностью термина, отметим: Авербух К.Я. [6], Валединская О.Р., Голанова Е.И. [7], Глинская Н.П. [8], Гринев С.В. [9], Гуреева А.М., Мишланова С.Л. [10], Иванова Г.А. [11], Козлова О.Н. [12], Лейчик В.М. [13], Маринова Е.В. [14], Николаева Н.Н. [15] и др.

Новизна статьи — в функциональном, прагматическом подходе к термину. В работе не только фиксируются и анализируются случаи вариантности, недостатки терминов, но и предлагаются рекомендации для дальнейшей лексикографической практики, учитывающие традиции науки, внутренние и внешние причины языковых изменений.

Научно-методологической основой статьи послужили работы Д.С. Лотте, В.В. Виноградова, В.И. Сифорова, Т.Л. Канделаки, Т.С. Коготковой, В.П. Даниленко, Л.И. Скворцова, И.С. Квитко, Г.Г. Кабанцева, А.В. Растягаева, А.М. Терпигорева, К.Я. Авербуха, О.Р. Валединской, Н.П. Глинской, Е.И. Голановой, С.В. Гринева, А.М. Гуреевой, Г.А. Ивановой, О.Н. Козловой, В.М. Лейчика, Т.В. Лукояновой, Е.В. Мариновой, С.Л. Мишлановой, Н.Н. Николаевой, Ю.В. Сложеникиной, И.Ю. Черныш, С.Д. Шелова, некоторых др. Для верификации исследования использовалась справочная и словарная литература П.Я. Черных, А.А. Быкова. Для воссоздания исторического контекста привлечен текст Я.П. Козельского.

Авторский вклад. Выявленные автором статьи внешние и внутренние причины языковой вариантности позволили дать оценку субституции терминов «русский — иноязычный», «иноязычный — русский», указать на приемлемые и некорректные замены. Авторский вклад — постулирование рекомендаций для упорядочения и кодификации медицинских терминов в словарях.

Цель статьи — разработка рекомендаций по упорядочению и кодификации медицинской терминологии.

МЕТОДЫ И МАТЕРИАЛЫ

Языковой материал собирался методом сплошной выборки, анализировался с помощью описательного, статистического, историко-этимологического метода, метода анализа словарных дефиниций, сравнительного метода.

ОБСУЖДЕНИЕ

Академик В.В. Виноградов обращал внимание на тесную связь исторической, военной, географической, естественно-научной и технической терминологии с народно-областными выражениями [16. С. 6—7]. Т.С. Коготкова в монографии

«Национальные истоки русской терминологии» пишет о становлении русской терминологической базы в связи с развитием материальной и духовной культуры народа — носителя русского национального языка. Лексемы древних времен, именующие предметы и процессы земледелия, скотоводства, бортничества, промыслов (рыболовства и охоты), ремесел: строительного, кожевенного, ткацкого, кузнечного, литейного, гончарного, сапожного, плотнического, бочарного и многих др. — вошли в современные профессиональные терминологии [17; 13].

Древнерусские тексты, в том числе разного рода «Лечебники», «Травники», «Вертограды», зафиксировали многие обще- и восточнославянские слова, до сих пор выполняющие функцию терминов в языке медицины: *бельмо*, *бесплодие*, *болезнь*, *грыжа*, *желчь*, *мышца*, *печень*, *плод*, *почка*, *рак*, *селезенка*, *сердце*, *ухо* и др. Некоторые из древнерусских слов стали лексическими архаизмами, вышли из активного употребления: *златница* (желтуха), *камчюг* (артрит), *падучая немочь* (эпилепсия), *прокажение* (лепра, волчанка) и некоторые др. Часть слов изменила свое значение, став семантическими архаизмами. Например, слово *мозоль* с XI в. в древнерусском языке обозначало язву, ссадину, опухоль.

Иноязычные по происхождению термины могут заимствоваться как полностью, так и отдельными терминоподъемами. Значительная часть заимствованной лексики в терминологиях разных языков представлена интернациональной лексикой, созданной на базе греко-латинской морфемики [18. С. 463]. Такие термины составляют словесный фонд мировой цивилизации. Сложеникина Ю.В. отмечает ряд их преимуществ в сравнении с русскими обозначениями: 1) заимствованный элемент является нейтральным знаком, к достоинствам которого можно отнести отсутствие добавочного смысла, экспрессии, предельную моносемантическую; 2) построенный из интернациональных элементов термин понятен носителям разных языков; 3) он точен и краток; 4) на его основе легко формируются ряды единообразных терминологических парадигм, открытых для создания новых обозначений. Любой национальный язык науки может использовать такие термины в соответствии с внутренним законом своего языка [19; 28].

Грецизмы медицинского содержания уже с X в. встречаются в переводных церковнославянских сочинениях, представляющих собой компиляции из произведений Аристотеля, Гиппократов, Галена. Латинизмы первоначально также заимствовались через византийскую литературу, затем, в XV—XVI вв. через польское посредство. Просветитель Епифаний Славинецкий переводом «Эпитоме» Везалия заложил предпосылки освоения западноевропейской терминологии медицины, апробировал в переводческой деятельности два способа перевода терминов: использование исконно русских эквивалентов и калькирование, при этом почти не сохранял заимствований.

Проблема предпочтения русского или иноязычного термина возникла практически одновременно с началом активного заимствования профессиональных и научных слов в Петровскую эпоху. Учреждение Академии наук, коммуникация на латинском языке как общепринятом языке науки, научная деятельность приглашенных немецких профессоров, научная и переводческая деятельность отечественных ученых способствовали активному проникновению в русский язык иноязычных заимствований.

В противовес ориентации на иноязычную терминологию возникало недовольство чужеродными терминами. Например, русский просветитель, переводчик, автор сочинений по математике, механике, артиллерийскому делу, философии Я.П. Козельский в «Рассуждениях двух индийцев Калана и Ибрагима о человеческом познании» устами Ибрагима заявлял: «...выдуман ученый, но притом и варварский термин (*specificis*) образно без нужды и к большему затруднению...» [20. С. 215].

Точка зрения, отстаивающая приоритет отечественной терминологии, доминировала и в советской науке. Вопрос о создании русской анатомической терминологии обсуждался на V Всесоюзном съезде анатомов, гистологов и эмбриологов в Ленинграде в 1949 г. Один из основателей русской терминологической школы академик А.М. Терпигорев, выступая в 1953 г. от имени Комитета технической терминологии, призывал специалистов в области терминологии избегать иноязычных заимствований при отборе терминов, поскольку они «обладают существенным недостатком: препятствуют простоте и доходчивости всей терминологической системы» [21. С. 76]. В 1972 г. приказом министра здравоохранения СССР была утверждена комиссия, разработавшая русскую анатомическую терминологию. Такая же тенденция сохраняется и при кодификации современного языка медицины.

При выборе русского или иноязычного варианта действуют как экстра-, так и собственно лингвистические факторы. К причинам внутреннего изменения терминосистемы отнесем действие закона экономии языковых средств. Например, наиболее распространенной формой вариативных замен служит субституция зависимого компонента в термине-словосочетании. Иноязычное определение может замещать сразу несколько русских синонимов, как-то: три термина *аборт внебольничный*, *аборт незаконный*, *аборт преступный* дефинируются в словарной статье *аборт криминальный* (2)¹.

Замена на нейтральный иноязычный термин помогает снять ненужные ассоциации. Так, одно из требований к «идеальному» термину — отсутствие образности. Происхождение терминов *астроцит откормленный Ниссля*, *астроцит тучный* связано с приписыванием клеткам звездчатой формы человеческих свойств. Поэтому замена согласованных определений на слово *гипертрофированный* представляется вполне уместной (101).

Иностранный термин помогает устранить тавтологию, возникшую в исконном наименовании. Например, словарь рекомендует заменить термин *ацидоз молочнокислый* на *лактат-ацидоз* (117). Словосочетание *ацидоз молочнокислый* содержит удвоение признака, поскольку морфема *ацид-* в латинском языке и так связана с обозначением кислотности (лат. *acidus* кислый, *acidum* кислота). В термине *лактат-ацидоз* такая избыточность устраняется.

Иногда исконный термин может быть ложномотивированным. Например, устаревшее название *лейкоза* — *белокровие* (138). При недостаточном количестве гемоглобина кровь имеет более бледный красный цвет, но это видно лишь специалисту под микроскопом.

¹ Здесь и далее все ссылки даются по источнику [22] с указанием страницы в круглых скобках.

Отметим переименования терминов-имен существительных: *выворот мочевого пузыря* — см. *экстрофия мочевого пузыря* (261), *выслушивание* — см. *аускультация* (263), *выстукивание* — см. *перкуссия* (263), *вытяжка* — см. *экстракт* (263), *вычерпывание* — см. *экссколеция* (264) и др.

Среди специальных определений (согласованных и несогласованных): *бактерии болезнетворные* — см. *патогенные* (124), *бред превращения* — см. *метаморфозы* (179), *бред сутяжничества* — см. *кверулянтов* (179), *галлюцинации повелевающие* — см. *императивные* (269), *ваготомия избирательная* — см. *селективная* (194), *ванны сероводородные* — см. *сульфидные* (200), *вдувание* — см. *инсуффляция* (203), *вирус заразного моллюска* — см. *вирус контагиозного моллюска* (230) и др.

Принятая в отечественном языке медицины Парижская анатомическая номенклатура регулирует термины, связанные с локацией: все термины даются исходя из вертикального положения человека. Поэтому предпочтительными являются международные обозначения типа: *боковое возвышение* — см. *коллатеральное* (160), *беременность межуточная* — см. *интерстициальная* (140), *брыжейка передняя* — см. *вентральная* (187), *брыжейка спинная* — см. *дорсальная* (187).

К факторам внешнего воздействия отнесем наличие нормативных документов, стандартизирующих термины медицины. В настоящее время в каждом национальном подязыке медицины различают международную анатомическую терминологию латинского происхождения и исконную. Первые анатомические термины-названия появились более 3000 лет назад в Древней Греции. Римляне заимствовали греческую терминологию и пополнили ее собственными обозначениями. В европейских странах латинские термины встраивались в структуру национальных языков, принимая их языковые особенности.

Вопросы упорядочения медицинской терминологии как факт языковой политики были поставлены в конце XIX в. В 1889 г. в Германии была создана специальная международная комиссия, составившая список латинских анатомических терминов. Он был принят в Базеле (1895) и получил название Базельской анатомической номенклатуры (*Baseler Nomina: Anatomica* — *BNA*).

В 1923 г. Немецкое анатомическое общество предложило новый список терминов. Принятый в 1935 г. на съезде Общества список анатомических терминов известен как Йенская анатомическая номенклатура (*Jenaer Nomina Anatomica* — *JNA*).

В 1950 г. решением V Международного конгресса анатомов в Оксфорде был создан Международный номенклатурный комитет в целях создания новой международной анатомической номенклатуры. В ее основу была положена *BNA*. Руководствуясь выработанными принципами, комитет стремился к единообразию терминов. Они должны были быть краткими, простыми и легко запоминающимися. VI Международный конгресс анатомов (Париж, 1955) утвердил список под названием Парижской анатомической номенклатуры — *Parisiana Nomina Anatomica* (*PNA*). Парижский конгресс рекомендовал национальным анатомическим обществам руководствоваться официально утвержденным списком.

Список русских эквивалентов был утвержден в 1974 г. на VIII Всесоюзном съезде анатомов, гистологов и эмбриологов в Ташкенте. В современной медицинской лексикографической практике используются латинские термины, ко-

торые были приняты на XII Международном конгрессе в Лондоне в 1985 г. Термины, которые не вошли в Лондонский список, но широко применяются в учебной и научной литературе, в словарях сопровождаются пометой *BNA* или *PNA*.

С учетом ориентации на международную анатомическую терминологию происходят замены типа: *аденома сосочковая* — см. *папиллярная* (от лат. *Papilla* — сосок) (13); *анестезия язычная* — см. *лингвальная* (от лат. *lingualis* — язычный) (60); *анестезия щечная* — см. *буккальная* (от лат. *bucca* — «щека») (60).

Отметим, что данная модель вариативных замен не абсолютна, регистрируются и обратные переименования, причем гораздо более частые: *абсцесс паратонзиллярный* — см. *околоминдаликовый* (4), *абсцесс парафарингеальный* — см. *окологлоточный* (4), *абсцесс ретрофарингеальный* — см. *заглоточный* (5), *абсцесс субгингивальный* — см. *десневой* (5), *абсцесс субпериостальный* — см. *поднадкостничный* (5), *абсцесс тонзиллярный* — см. *миндаликовый* (5), *азотемия ренальная* — см. *почечная* (18), *азотемия экстраренальная* — см. *внепочечная* (18), *амниоцентез трансабдоминальный* — см. *чрезбрюшинный*.

Аналогичные разнонаправленные процессы наблюдаются и при наименовании прилагательных, называющих чувственную или двигательную сферу. С одной стороны, рекомендуемая замена: *адаптация чувствительная* — см. *сенсорная* (11), с другой, — *агнозия акустическая* — см. *слуховая* (9), *агнозия оптическая* — см. *зрительная* (9).

Одновременно действуют два противоположных вектора: замена русского термина на иноязычный и наоборот. Причем субституция «иностранный — исконный» оказывается намного более регулярной. Международный анатомический номенклатурный комитет утвердил некоторые принципы построения новой анатомической номенклатуры (1950). Постулировалось, что все термины в официальном списке должны быть на латинском языке, но каждой стране предоставлялась свобода перевода латинских терминов на национальный язык.

Это правило актуально для русской терминологии. Например, среди терминов имен существительных: *абдукция* — см. *отведение* (1), *абберация половая* — см. *половое извращение* (1), *абразия* — см. *выскабливание* (2), *агрипния* — см. *бессонница* (11), *аддукция* — см. *приведение* (12), *акупунктура* — см. *иглоукальвание* (25), *ампелотерапия* — см. *виноградолечение* (42), *ангулит* — см. *заеда* (54), *антидоты* — см. *противоядия* (66), *аутосуггестия* — см. *самовнушение* (111) и др.

Внешними для языка являются также деонтологические факторы, в частности не рекомендуются термины, мотивированные названиями животных. С этих позиций, замена лексемы *свинка* на *паротит* вполне правомерна (234). В то же время словарь рекомендует замену *angina abdominalis* — см. *брюшная жаба* — приступ болей в животе, обусловленный спазмом мезентериальных артерий (50). С точки зрения истории языка, заболевание, клинически проявляющееся симптомами отрыжки, изжоги, рвоты, неустойчивого стула, вздутия живота, может быть мотивировано древнейшим значением слова «жаба» «скользкий», «склизкий», «студенистый» [23, 289]. Однако в синхронии данный термин приобретает ненужные зооморфные ассоциации. Аналогично: *артремфит* — см. *суставная мышь* (с. 94).

С точки зрения автора, некорректно предложенное переименование *анойя* — см. *слабоумие* (62). Тенденция последнего времени — отказ от «прямых» терминов,

эвфемизация названий нарушений развития, особенно в детском возрасте. Синонимами термина *слабоумие* могут выступать альтернативные понятия: *дети с ограниченными возможностями здоровья, дети с особыми образовательными потребностями, дети с отклонениями в развитии, дети с особыми нуждами, нетипичные дети, дети с трудностями в обучении, дети с дизонтогенезом, исключительные дети, дети с недостатками в умственном и физическом развитии, дети с недугом* и др. Объектом дискуссии остается термин *аномальные дети*, но в последнее время он также вытесняется альтернативными. Иноязычный термин все-таки в большей степени «маскировал» дефект умственного развития.

Иногда, как представляется, замена исконного определения иноязычным оказывается неоправданной, ломающей системные и причинно-следственные связи, например, в паре *артрит грибковый* — см. *фунгоидный* (94). Прилагательное *фунгоидный* образовано от лат. *fungus* — гриб. *Артрит грибковый* — название заболевания, вызванного грибами. В данной словообразовательной модели действует мотивация: объект — причина заболевания. Однако в терминологии медицины одновременно существуют термины типа *фунгоидный микоз* — хронически текущее заболевание, когда в далеко зашедших случаях опухоль напоминает гриб, растущий над поверхностью кожи. В данной словообразовательной модели действует мотивация: объект — похожий на объект. Очевидно, для разных смысловых и словообразовательных отношений должны использоваться разные лексемы, например, *грибковый* — вызванный грибами, *фунгоидный* — имеющий клиническую картину, описанную корневой морфемой. Такая дистрибуция отвечает значению словообразовательного элемента *-оид*: при добавлении к основе имен существительных он образует имена существительные мужского рода со значением предмета, который подобен тому, что назван мотивирующим именем существительным [24].

В паре *артрит волчаночный* — см. *люпус-артрит* (94) при рекомендуемой замене терминов также нарушаются производные отношения, а именно: *люпус-артрит* — один из симптомов более тяжелого заболевания — полиартрита суставов кисти, развивающийся в активной фазе системной *красной волчанки* и характеризующийся наличием *волчаночных клеток*. Термины *волчанка* и *волчаночный* были связаны отношениями производности и образовывали одно семантическое поле. При замене на термин *люпус-артрит* языковые связи утрачиваются, хотя продолжают существовать в действительности.

Как недостаток отметим создание гибридных форм, содержащих одновременно исконно русские и иноязычные морфемы, например *антиоксиданты* — см. *антиокислители* (67), *внутригрудное давление* — см. *внутриплевральное* (242), *волокно безмякотное* — см. *безмиелиновое* (249).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рекомендации для упорядочения терминологии при выборе термина с учетом его происхождения следующие.

1. Предпочтение должно отдаваться исконным нейтральным терминам терминам типа *близнецы монозиготные* — см. *однойцовые* (156), *борозда ринальная* —

см. *носовая* (171), *бред мегаломанический* — см. *величия* (178), *бред персекutoryный* — см. *преследования* (179).

2. Субституция терминов должна стремиться к последовательности и непротиворечивости. Могут быть определены категориальные семы (тематические поля), в которых действуют единые правила переименования, например, для названия анатомический органов предпочтительней русские имена как-то: *аттик* — см. *надбарабанное углубление* (108), *аденома периуретральная* — см. *предстательной железы* (14); для прилагательных пространственного значения — иноязычные типа *брыжейка передняя* — см. *вентральная* (187), *брыжейка спинная* — см. *дорсальная* (187) и др.

3. Нежелательны термины, вызывающие дополнительные ассоциации. Следует избегать зоо- (типа *свинка*, *жаба*) и антропоморфных (*астроцит откормленный*, *астроцит тучный*) именовании. В таком случае предпочтение должно отдаваться иноязычному термину.

4. Необходимо соблюдать принцип корректности, учитывать аспекты деонтологии в конструировании и употреблении терминов. Нежелательны обозначения типа *слабоумие*, *тугоухость*. Предпочтительнее их иностранные или описательные, эвфемистические обозначения.

5. Следует отказываться от неблагозвучных терминов типа рекомендуемых *бронхит путридный* — см. *гнилостный* (184), *бактерии пиогенные* — см. *гноеродные* (126).

6. Разнообразие морфемики русского языка позволяет отказаться от гибридных форм (*внутригрудное давление* — см. *внутриплевральное*, *волокно безмякотное* — см. *безмиелиновое*), содержащих одновременно исконно русские и иноязычные морфемы, моделировать гомогенные термины.

7. Словообразовательные возможности термина должны поддерживать системные и причинно-следственный связи в тематическом поле. Уместнее тот термин, который предоставляет максимальные возможности для терминообразования. В паре *артрит волчаночный* — см. *люпус-артрит* последний таким качествами не обладает.

8. В пределах одной словообразовательной модели должна действовать одинаковая мотивация. Если в арсенале терминообразования имеются синонимичные русские и иноязычные морфемы, за каждой из них должно быть закреплено строго определенное значение типа *грибковый* — вызванный грибами, *фунгоидный* — имеющий форму гриба.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- [1] Краткое методическое пособие по разработке и упорядочению научно-технической терминологии / Отв. ред. В.И. Сифоров. М.: Наука, 1979. 126 с.
- [2] Даниленко В.П. Лексико-семантические и грамматические особенности слов-терминов // Исследования по русской терминологии: сб. статей. М.: Наука, 1971. С. 7—67.
- [3] Сифоров В.И., Кандаки Т.Л. Методологические аспекты терминологической работы комитета научно-технической терминологии АН СССР // Вопросы языкознания. 1983. № 2. С. 3—8.
- [4] Даниленко В.П., Скворцов Л.И. Лингвистические проблемы упорядочения научно-технической терминологии // Вопросы языкознания. 1981. № 1. С. 7—16.

- [5] *Квитко И.С., Лейчик В.М., Кабанцев Г.Г.* Терминоведческие проблемы редактирования. Львов: Виша шк: Изд-во при Львов. гос. ун-те, 1986. 150 с.
- [6] *Авербух К.Я.* Общая теория термина. М.: МГОУ, 2006. 252 с.
- [7] *Валединская О.Р., Голанова Е.И.* К проблеме выбора при терминологической вариантности (на примере терминов психологии) // *Языки профессиональной коммуникации: Материалы II межд. науч. конф.* 2005. С. 146—150.
- [8] *Глинская Н.П.* Вариантность юридических терминов в когнитивном аспекте // *Когнитивные исследования языка.* 2013. № 14. С. 617—621.
- [9] *Гринев С.В.* Введение в терминоведение. М.: Московский лицей, 1993. 280 с.
- [10] *Гуреева А.М., Мишланова С.Л.* Моделирование терминологической вариантности (на примере термина «международный бакалавриат») // *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация.* 2010. № 1. С. 91—93.
- [11] *Иванова Г.А.* К проблеме синонимии и вариантности в терминологии // *Вестник Нижегородского университета им. Н.Н. Лобачевского. Серия: Филология.* Н. Новгород: НГУ, 2005. Вып. 1 (6). С. 104—109.
- [12] *Козлова О.Н., Глинская Н.П.* Проблема вариантности научных терминов в переводоведческом аспекте // *Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация.* 2014. № 4. С. 81—90.
- [13] *Лейчик В.М.* Терминоведение: предмет, методы, структура. 5-е изд. М.: УРСС, 2012. 261 с.
- [14] *Маринова Е.В.* Синонимия и вариантность в лингвистической терминологии (на примере терминов морфемики и словообразования): дисс. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 1998. 259 с.
- [15] *Николаева Н.Н.* Вариативность англоязычной научно-технической терминологии как отражение динамики научных знаний (когнитивный подход) // *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика.* 2016. № 3. С. 200—209.
- [16] *Виноградов В.В.* Вступительное слово // *Вопросы терминологии: материалы Всесоюзного терминологического совещания.* М.: АН СССР, 1961. С. 3—12.
- [17] *Коготкова Т.С.* Национальные истоки русской терминологии. М.: Наука, 1991. 118 с.
- [18] *Сложеникина Ю.В., Растягаев А.В.* Философский диалог об именах: Платон, Сумароков, современное состояние // *Онтология проектирования.* 2015. Т. 5. № 4 (18). С. 463—471.
- [19] *Сложеникина Ю.В.* Основы терминологии: лингвистические аспекты теории термина. М.: Либроком, 2016. 120 с.
- [20] *Козельский Я.П.* Рассуждения двух индийцев Калана и Ибрагима о человеческом познании. М.: Печ. у Шнора, 1788.
- [21] *Терпигорев А.М.* Об упорядочении технической терминологии // *Вопросы языкознания.* 1953. № 1. С. 71—76.
- [22] *Покровский В.И.* Энциклопедический словарь медицинских терминов. М.: Медицина, 2005. 1592 с.
- [23] *Черных П.Я.* Историко-этимологическом словаре современного русского языка: в 2 т. М.: Рус. яз.-Медиа, 2006. Т. 1. 623 с.
- [24] *Быков А.А.* Анатомия терминов. 400 словообразовательных элементов из латыни и греческого. М.: НЦ ЭНАС, 2008. 192 с.

© Звягинцев В.С., 2017

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 21.02.2017

Дата принятия к печати: 15.04.2017

Для цитирования:

Звягинцев В.С. Лексикографическая практика в условиях вариантности терминов «исконный — иноязычный» // *Вестник Российского университета дружбы народов Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания.* 2017. Т. 15. № 3. С. 346—357. DOI: 10.22363/2313-2264-2017-15-3-346-357

Сведения об авторе:

Звягинцев Вячеслав Сергеевич, аспирант кафедры филологии и массовых коммуникаций филологического факультета Московского городского педагогического университета (Самарский филиал). Сфера научных интересов: лексикология, терминоведение. Автор 2 научных публикаций. Контактная информация: электронный адрес: zvs063@mail.ru

LEXICOGRAPHIC PRACTICE IN TERMS OF THE VARIANCE OF THE TERMS “NATIVE FOREIGN – LANGUAGE”

V.S. Zvyagintsev

Moscow City Pedagogical University (Samara branch)
Stara Zagora, 76, Samara, Russia, 443081

Despite the existence of international standards, recommendations and manuals, medical terminology is characterized by a high percentage of formal-semantic variation. The relevance of the article due to the need to identify the causes of the disorder terminology, to suggest recommendations for its normalization and codification. Source of collection of linguistic material was “Encyclopedic dictionary of medical terms” by V.I. Pokrovsky (Moscow, 2005). The language material was collected by the method of continuous sampling, were analyzed using the historical-etymological method of the analysis of dictionary definitions, the comparative method. One of the most numerous is the variance term, contrasted with the criterion of origin. The novelty of the article is in a functional, pragmatic approach to the term. The study records and analyses of variance, disadvantages of terms and proposes recommendations for future lexicographic practice, taking into account the traditions of science, internal and external causes of language change.

Key words: variability of terminology, terminography, translation of the term, the native Russian term

REFERENCES

- [1] Kratkoe metodicheskoe posobie po razrabotke i uporyadocheniyu nauchno-tehnicheskoy terminologii / Otv. red. chl.-kor. AN SSSR V.I. Siforov. M.: Nauka, 1979. 126 s. (in Russ).
- [2] Danilenko V.P. Leksiko-semanticheskie i grammaticheskie osobennosti slov-terminov // Issledovaniya po russkoj terminologii: sb. statej. M.: Nauka, 1971. S. 7–67. (in Russ).
- [3] Siforov V.I., Kandelaki T.L. Metodologicheskie aspekty terminologicheskoy raboty komiteta nauchno-tehnicheskoy terminologii AN SSSR // Voprosy yazykozvaniya. 1983. № 2. S. 3–8. (in Russ).
- [4] Danilenko V.P., Skvorcov L.I. Lingvisticheskie problemy uporyadocheniya nauchno-tehnicheskoy terminologii // Voprosy yazykozvaniya. 1981. № 1. S. 7–16. (in Russ).
- [5] Kvitko I.S., Lejchik V.M., Kabancev G.G. Terminovedcheskie problemy redaktirovaniya. L'vov: Vishcha shk: Izd-vo pri L'vov. gos. un-te, 1986. 150 s. (in Russ).
- [6] Averbuh K.Y. Obshchaya teoriya termina. M.: MGOU, 2006. 252 s. (in Russ).
- [7] Valedinskaya O.R., Golanova E.I. K probleme vybora pri terminologicheskoy variantnosti (na primere terminov psihologii) // Yazyki professional'noj kommunikacii: mat-ly II mezhd. nauch. konf. 2005. S. 146–150. (in Russ).
- [8] Glinskaya N.P. Variantnost' yuridicheskikh terminov v kognitivnom aspekte // Kognitivnye issledovaniya yazyka. 2013. № 14. S. 617–621. (in Russ).

- [9] *Grinev S.V.* Vvedenie v terminovedenie. M.: Moskovskij licej, 1993. 280 s. (in Russ).
- [10] *Gureeva A.M., Mishlanova S.L.* Modelirovanie terminologicheskoy variantnosti (na primere termina “mezhdunarodnyj bakalavriat”) // *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul’turnaya kommunikaciya*. 2010. № 1. S. 91–93. (in Russ).
- [11] *Ivanova G.A.* K probleme sinonimii i variantnosti v terminologii // *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.N. Lobachevskogo. Ser. Filologiya*. N. Novgorod: NGU, 2005. V. 1(6). S. 104–109. (in Russ).
- [12] *Kozlova O.N., Glinskaya N.P.* Problema variantnosti nauchnyh terminov v perevodovedcheskom aspekte // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19: Lingvistika i mezhkul’turnaya kommunikaciya*. 2014. № 4. S. 81–90. (in Russ).
- [13] *Lejchik V.M.* Terminovedenie: predmet, metody, struktura. 5-e izd. M.: URSS, 2012. 261 s. (in Russ).
- [14] *Marinova E.V.* Sinonimiya i variantnost’ v lingvisticheskoj terminologii (na primere terminov morfemiki i slovoobrazovaniya): diss. ... kand. filol. nauk. N. Novgorod, 1998. 259 s. (in Russ).
- [15] *Nikolaeva N.N.* Variativnost’ angloyazychnoj nauchno-tehnicheskoy terminologii kak otrazhenie dinamiki nauchnyh znaniy (kognitivnyj podhod) // *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika*. 2016. № 3. S. 200–209. (in Russ).
- [16] *Vinogradov V.V.* Vstupitel’noe slovo // *Voprosy terminologii: materialy Vsesoyuznogo terminologicheskogo soveshchaniya*. M.: AN SSSR, 1961. S. 3–12. (in Russ).
- [17] *Kogotkova T.S.* Nacional’nye istoki russkoj terminologii. M.: Nauka, 1991. 118 s. (in Russ).
- [18] *Slozhenikina Y.V., Rastyagaev A.V.* Filosofskij dialog ob imenah: Platon, Sumarokov, sovremennoe sostoyanie // *Ontologiya proektirovaniya*. 2015. T. 5. № 4 (18). S. 463–471. (in Russ).
- [19] *Slozhenikina Y.V.* Osnovy terminologii: lingvisticheskie aspekty teorii termina. 2-e izd. M.: Librokom, 2016. 120 s. (in Russ).
- [20] *Kozel’skij Y.P.* Rassuzhdeniya dvuh indijcev Kalana i Ibragima o chelovecheskom poznanii. M.: Pech. u Shnora, 1788. (in Russ).
- [21] *Terpigorev A.M.* Ob uporyadochenii tehniceskoy terminologii // *Voprosy yazykoznanija*. 1953. № 1. S. 71–76. (in Russ).
- [22] *Pokrovskij V.I.* Ehnciklopedicheskij slovar’ medicinskih terminov. M.: Medicina, 2005. 1592 s. (in Russ).
- [23] *Chernyh P.Y.* Istoriko-ehnimologicheskoe slovar’ sovremennogo russkogo yazyka: v 2 t. 7-e izd., stereotip. M.: Rus. yaz. Media, 2006. T. 1. 623 s. (in Russ).
- [24] *Bykov A.A.* Anatomiya terminov. 400 slovoobrazovatel’nyh ehlementov iz latyni i grecheskogo. M.: NC EHNAS, 2008. 192 s. (in Russ).

Article history:

Received: 21.02.2017

Accepted: 15.04.2017

For citation:

Zvyagintsev V.S. Lexicographic practice in terms of the variance of the terms “native foreign — language”. *RUDN Journal of Russian and Foreign Languages Research and Teaching*, 15 (3), 346–357. DOI: 10.22363/2313-2264-2017-15-3-346-357

Bio Note:

Zvyagintsev Vyacheslav Sergeevich, Graduate student of the Department of Philology and Mass Communications of the Philological Faculty of the Moscow City Pedagogical University (Samara branch). *Research interests*: lexicology, terminology. Author of 2 scientific publications. *Contact information*: e-mail: zvs063@mail.ru

DOI 10.22363/2313-2264-2017-15-3-358-359

РЕЦЕНЗИЯ

**Методика обучения русскому языку как иностранному:
учеб. пособие для вузов / Г.М. Васильева, И.П. Лысакова,
Л.В. Московкин [и др.]; под ред. проф. И.П. Лысаковой. М.:
Русский язык. Курсы, 2016. — 319 с.**

Рецензируемое учебное пособие «Методика обучения русскому языку как иностранному» предназначено для студентов, аспирантов и преподавателей русского языка как иностранного, курсов повышения квалификации преподавателей. Пособие создано авторским коллективом: И.П. Лысакова, С.А. Вишнякова, Г.М. Васильева, Т.Н. Матвеева, О.В. Миловидова, Л.В. Московкин, О.Г. Розова, Т.Ю. Уша, С.А. Хамшовски, Л.И. Харченкова, М.Б. Хрымова / под редакцией проф. И.П. Лысаковой.

Пособие написано преподавателями кафедры межкультурной коммуникации Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, создавшими под руководством проф. Лысаковой И.П. одну из ведущих научных школ Санкт-Петербурга «Межкультурное образование» (зарегистрирована в 2013 г.).

Пособие подготовлено на основе курса лекций по методике обучения русскому языку как иностранному, который более 25 лет читается будущим преподавателям русского языка как иностранного, магистрантам и аспирантам кафедры.

В пособии представлены новые тенденции в методике преподавания русского языка как иностранного, что подтверждает высказывание Л.В. Щербы о зависимости методики преподавания иностранных языков от состояния общества и его задач. Учтены достижения методической мысли отечественных и зарубежных ученых последнего десятилетия. Материалы пособия прошли апробацию на международных конференциях, конгрессах РОПРЯЛ, МАПРЯЛ. Концепция курса отражает направление учебно-методической деятельности кафедры межкультурной коммуникации РГПУ им. А.И. Герцена, которая с 1992 г. включает в методику обучения русскому языку как иностранному социо- и психолингвистические основы.

Пособие состоит из пяти глав: глава I. Теоретические основы методики обучения русскому языку как иностранному; глава II. Обучение речевой деятельности; глава III. Обучение аспектам русского языка как иностранного; глава IV. Актуальные проблемы теории и практики обучения русскому языку как иностранному; глава V. Основные методы научного исследования.

Настоящее пособие содержит такие подразделы, как «Социолингвистические основы обучения РКИ», «Лингвокультурология», «Стилистика», «Межкультурная

коммуникация», «Инновационные технологии в методике обучения РКИ», «Основные методы научного исследования» и др. Новые подразделы введены в соответствии с тенденциями развития лингвистической и методической науки.

Будущие преподаватели русского языка в иностранной аудитории должны владеть соответствующей методикой обучения в режиме диалога культур, в соответствии с решениями XII и XIII Конгрессов МАПРЯЛ. В связи с этим в пособии представлены такие подразделы как «Социолингвистика», «Психолингвистика», «Этнолингвистика» и «Контрастивная лингвистика».

Заслугой авторов является то, что теоретическое изложение материала иллюстрируется примерами практических заданий для иностранцев, изучающих русский язык.

Все изложенное свидетельствует о высоком научно-методическом уровне, практической ценности рецензируемого учебного пособия.

© Веракша Т.В., 2017

Для цитирования:

Веракша Т.В. Рец.: Методика обучения русскому языку как иностранному: учеб. пособие для вузов / Г.М. Васильева, И.П. Лысакова, Л.В. Московкин [и др.]; под ред. проф. И.П. Лысаковой. М.: Русский язык. Курсы, 2016. 319 с. // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания*. 2017. Т. 15. № 3. С. 358–359. DOI: 10.22363/2313-2264-2017-15-3-358-359

Сведения об авторе:

Веракша Тамара Васильевна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка ВУНЦ ВМФ «Военно-морская академия». *Сфера научных интересов*: методика преподавания русского языка как иностранного, лексикология. *Контактная информация*: электронный адрес: Veraksha2010@mail.ru

Veraksha T.V. Book review: *Methods of teaching Russian as a foreign language. Textbook for universities* / G.M. Vasil'eva, I.P. Lysakova, L.V. Moskovkin, etc., under the editorship of Professor I.P. Lysakova. M.: Russian language. Courses, 2016. 319 p. *RUDN Journal of Russian and Foreign Languages Research and Teaching*, 15 (3), 358–359. DOI: 10.22363/2313-2264-2017-15-3-358-359

Bio Note:

Veraksha Tamara Vasilievna, Doctor of Philology, Professor of the Russian Language Department of the Naval Forces Naval Academy “Naval Academy”. *Sphere of scientific interests*: the methodology of teaching Russian as a foreign language, lexicology. *Contact information*: e-mail: Veraksha2010@mail.ru

DOI 10.22363/2313-2264-2017-15-3-360-362

РЕЦЕНЗИЯ

**Большой библиографический словарь русского языка /
Я. Вавжинчик, 2016, <http://wsbjr.prv.pl>**

**(Wielki Słownik Bibliograficzny Języka Polskiego /
Jan Wawryńczyk, 2016, <http://wsbjr.prv.pl>)**

What must remain striking to a teacher of languages
is the Russians' extraordinary love of words.
They gather them up; they cherish them [...].
Joseph Conrad

Любое филологическое исследование начинается с анализа теоретической литературы. Несмотря на то, что эпоха Интернета в значительной степени облегчила поиск тематически релевантной библиографии, использование электронных ресурсов не гарантирует полного охвата уже существующих в исследуемой области научных трудов. В то же время информационные технологии предоставляют исключительные возможности для создания качественно новых библиотечно-библиографических услуг. Появление электронной версии «Большого библиографического словаря русского языка» (ББСРЯ) (Wielki Słownik Bibliograficzny Języka Polskiego) известного польского филолога и лексикографа профессора Я. Вавжинчика представляет собой результат сочетания современных информационных технологий с плодом многолетнего, кропотливого труда по сбору библиографических источников в области русской филологии.

Страсть к документации истории исследования слова зародилась у проф. Вавжинчика еще в 1970-е гг., во время обучения на филологическом факультете МГУ. Польский лингвист признается, что существующие в те времена филологические библиографии не способны были стимулировать интерес к науке. Одно их перелистывание было сравни подвигу. Речь идет, в том числе, об издаваемой с 1949 г. в Голландии «Лингвистической библиографии» (*Linguistic Bibliography / Bibliographie Linguistique*). Осознание необходимости информатизации собранной библиографической базы приводит к разработке в 1998 г. польской информационно-поисковой системы iSybislaw (<http://www.isybislaw.ispan.waw.pl>), в известной степени конкурирующей с голландской, хотя и не внесшей существенных изменений с точки зрения точности, объема и удобства презентации данных и метаданных.

Путь к созданию Яном Вавжинчиком собственной лингвистической библиографии русского языка лежал через поиски оптимальных структурных решений и документирование огромного объема филологических метаданных. Значитель-

ными вехами на этом пути стали вышедшие в Польше издания: «Лексико-библиографический путеводитель по современному русскому языкознанию» (*Przewodnik bibliograficzno-leksykalny po współczesnym językoznawstwie rosyjskim*. Toruń, Uniwersytet Mikołaja Kopernika, 1994), «Малый библиографический словарь русского языка» (*Mały słownik bibliograficzny języka rosyjskiego*. Warszawa, Wyd. BEL Studio, 2010—2012); Я. Вавжинчик, Э. Малэк «Русская лексика. Библиографические характеристики», Вып. 1-10, Warszawa: Wydawnictwo Mila Hoshi, 2014—2015 и многие другие одноязычные и переводные лексикографические позиции.

Электронная версия «Большого библиографического словаря русского языка» Яна Вавжинчика (<http://wsbjr.pgv.pl>) охватывает историю русской филологии с XIX в. по настоящее время, включая несколько тысяч публикаций. Концентрируясь на исследованиях только в области русского языка, ББСРЯ обеспечивает значительно большую, по сравнению с голландской библиографией, информационную глубину. В настоящее время словарь насчитывает свыше 57 тыс. слов и выражений. Список источников ограничивается филологическими трудами, написанными на латинице или кириллице (в основном, на русском, сербском и болгарском языках).

В структурном плане ББСРЯ разделен на список источников, словник и фотоанекс, содержащий сканированные цитаты, документирующие употребление отдельных слов в указанных текстах. Наличие фотоанекса вызвано требованиями новой лексикографической субдисциплины — фотолексикографии, разрабатываемой Я. Вавжинчиком вместе с польским лексикографом проф. П. Вежхонем. Структура словарной статьи выглядит следующим образом: каждое слово сопровождается хронологически упорядоченный список библиографических источников, посвященных изучению различных филологических аспектов данного слова.

Отличительной чертой ББСРЯ является включение в состав его словника не только лингвистических терминов, но и обычных слов и выражений, когда-либо привлекавших внимание филологов. Даже единичное их попадание в фокус внимания исследователей (так называемые *hapaks legomena*) не становится поводом для исключения слов из словаря. Например, такие лексические единицы, как *агрооним*, *инокоммуникант*, *квазиморфема* и др. не фиксируются ни одним из существующих словарей лингвистических терминов. Особенность ББСРЯ заключается также во включении в перечень источников лингвистических, литературоведческих и культурологических работ, что расширяет потенциальную целевую аудиторию рецензируемого библиографического труда. Словарь будет, несомненно, полезен для представителей всех профессий, имеющих дело с русским языком как объектом изучения или как инструментом профессиональной деятельности.

Сам автор указывает, что собранная им библиография не может быть исчерпывающей на 100%, ибо «нельзя объять необъятное», тем не менее, представленная в словаре информация значительным образом превосходит структурные возможности голландской библиографии и других библиографических источников.

Характеризуя словари различного типа, В.Е. Семенков отмечает: «Любой словарь представляет собой или подведение итогов, или руководство к действию (*handbook*)» [Семенков, 2011. С. 185]. Рецензируемый труд выдающегося польского лексикографа сочетает в себе обе эти черты: он не только итог многолет-

него труда, но и предоставляет готовую базу для постоянной актуализации уже собранного материала.

Особого уважения и благодарности заслуживает тот факт, что автор ББСРЯ — польский лингвист. К одной из своих работ Я. Вавжинчик избрал в качестве эпиграфа приведенные автором рецензии ранее слова Дж. Конрада о необыкновенной любви русских к слову, о склонности русских людей собирать и боготворить слова. Рецензируемый словарь есть свидетельство трепетного отношения к русскому слову со стороны польского лингвиста, который надеется найти ценителей и продолжателей его библиографического труда среди российских филологов.

Автор ББСРЯ предоставляет адрес для корреспонденции: j.wawrzynczyk@uw.edu.pl.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Семенков В.Е. Рец.: Смирнов М.Ю. Социология религии: словарь // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2011. № 4. 185—186.

© Шкапенко Т.М., 2017

Для цитирования:

Шкапенко Т.М. Рец.: Большой библиографический словарь русского языка: электронный словарь / Я. Вавжинчик, 2016, <http://wsbjr.prv.pl> // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания.* 2017. Т. 15. № 3. С. 360—362. DOI: 10.22363/2313-2264-2017-15-3-360-362

Сведения об авторе:

Шкапенко Татьяна Михайловна, кандидат филологических наук, доцент Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета им. И. Канта. *Сфера научных интересов:* прагмалингвистика, когнитивная лингвистика, семиотика, межкультурная коммуникация. Автор более 50 научных публикаций, двух учебных пособий. *Контактная информация:* электронный адрес: kantiana@tshkapenko.ru

REFERENCES

Semenkov V.E. *Recenzija na slovar' M.Ju. Smirnova «Sociologija religii»* // Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv. 2011. № 4. 185—186. (In Russ.)

Shkapenko T.M. Review of the electronic dictionary: Big Bibliographic Dictionary of Russian Language / Jan Wawrzynczyk, 2016, <http://wsbjr.prv.pl> *RUDN journal of Russian and foreign languages research and teaching*, 15 (3), 360—362. DOI: 10.22363/2313-2264-2017-15-3

Bio Note:

Shkapenko Tatiana, Candidate of Philology, Associate Professor at Institute of the Humanities of Immanuel Kant Baltic Federal University. *Sphere of scientific interests:* pragmalinguistics, cognitive linguistics, semiotics, cross-cultural communication. Author more than 50 scientific publications and two manuals. *Contact information:* e-mail: kantiana@tshkapenko.ru

ф. СП-1

ФГУП «ПОЧТА РОССИИ»

АБОНЕМЕНТ на журнал

36433

(индекс издания)

ВЕСТНИК РУДН

Серия «Русский и иностранный языки и методика их преподавания»

Количество комплектов:

на 2017 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА

на журнал

36433

(индекс издания)

ПВ	место	литер

ВЕСТНИК РУДН

Серия «Русский и иностранный языки и методика их преподавания»

Стоимость	подписки	_____ руб. ____ коп.	Количество комплектов:	
	переадресовки	_____ руб. ____ коп.		

на 2017 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ф. СП-1

ФГУП «ПОЧТА РОССИИ»

АБОНЕМЕНТ на журнал

(индекс издания)

ВЕСТНИК РУДН

Серия _____

Количество комплектов:

на 2017 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА

ПВ	место	литер

на журнал

(индекс издания)

ВЕСТНИК РУДН

Серия _____

Стоимость	подписки	_____ руб. ____ коп.	Количество комплектов:	<input type="text"/>
	переадресовки	_____ руб. ____ коп.		

на 2017 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)